

P.S.

літературне
інтернет
видання

№ 52

ІЮЛЬ

2016

Читать не вредно! Вредно не читать!

Лето в разгаре. Кто-то едет в отпуск, кто-то остается в городе. Летом жизнь совершенно другая, чем в остальное время года. Кажется, что все впереди и возможностей для создания чего-то больше, чем обычно.

В этом номере вас ждет второе по объему поэтическое произведение в истории журнала! Второе, только потому что уступает «Рукописи мага» Евгения Белого. Кстати, о Евгении, сегодня вы встретитесь с его произведением. Увы, это не «Аркания», но не менее интересное произведение.

Литературный сериал пополнился еще одним произведением нашего главного редактора, Александра Маякова. «Легионеры Хроноса» - фантастический роман в корне отличающийся от «летописей межмирья». В этом номере только пролог.

В прозе у нас как «старички» журнала, такие как Владислав Кураш и Элеонора Кременская, так и целый ряд новых имен!

У нас также назревают кое-какие перемены к лучшему, но это пока секрет. Сейчас же вашему вниманию представлен новый номер журнала "PS". Мы надеемся, что он вам подарит летнее настроение.

К этому номеру подойдет холодный чай.

ВНИМАНИЕ!!!

Журнал является **НЕ** коммерческим изданием. Все участники журнала работают бесплатно, на добровольных началах. Мы **НЕ** взимаем плату за публикацию произведений, **НЕ** производим пересылку номеров авторам с их произведениями и **НЕ** платим гонорары.

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины и РФ, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.

Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешения родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

При копировании материала ссылка на АВТОРА и «Литературное интернет-издание PS» **ОБЯЗАТЕЛЬНА!**

О любви к братьям нашим меньшим	7
Расима Ахмедова	
Ностальгия по Человеку	9
Маргарита Крымская	
Я хочу подарить тебе вечность	29
Виктория Ерух	
Острый симптом неизбежной простуды	29
Yuki Eiri	
До одного	30
Екатерина Рупасова	
Разговор Двенадцати	31
Евгений Белый	
Насмешка будущего	35
Павел Соболевский	
Преданность крови	38
Павел Соболевский	
Девять жизней	42
Павел Соболевский	
Время на жизнь	48
Инна Порядина	
День флота или сказ о трюмном машинисте Анике	49
Юрий Линник	
Дом у моря	58
Герман Лен	
Соскок	61
Григорович Андрей	

Ускользящая по волнам	66
Владислав Кураш	
Развилки	76
Соня Мухина	
Придумать слово	78
Соня Мухина	
Тропинка жизни	79
Элеонора Кременская	
Бомбила	81
Андрей Григорович	
Она любила джаз	86
Кора Журавлёва	
Лицо напротив	88
Алексей Балаев	
Инопланетянин	88
Виктор Гончар	
Если бы вещи умели разговаривать	99
Мария Шевченко	
Хренов оптимист	100
Евгений Халецкий	
В лесу	102
Элеонора Кременская	
Феминистка	105
Элеонора Кременская	

Разные вкусы	107
Элеонора Кременская	
Миллениум	109
Диана Вольз	
Летописи межмирья	116
Александр Маяков	
Евангелие от Лейлах. Труп звезды	117
Вадим Доннерветтер	
Кто похитил Стива	119
Карин Гур	
Рожденная воином. Врата Нурберила	121
Хиль Де Брук	
Паразиты	128
Волкова Елена	
Лава-кейк	129
Тузучева Ксения	
Плантатор на лодке-трэйкэннте	136
Елена Кравченко	
Легионеры Хроноса	139
Александр Маяков	
История одного Андрогина	141
Роттен Морган	
Мой милый Хью	147
Саша Осипова	

О любви к братьям нашим меньшим

Человечность определяется не по тому, как мы обращаемся с другими людьми. Человечность определяется по тому, как мы обращаемся с животными. - ЧакПаланик.

Это просто крик души. Сейчас многие, наверное, закидают меня камнями – да ты детей-инвалидов и сироток пожалей! А вот не жалею! Точнее, мне есть, кого жалеть, и это не дети, о которых хотя бы могут позаботиться государство и родители. О животных, к сожалению, заботится не так

много людей.

В России нет ни одного нормального законопроекта о защите животных. Было бы неплохо – выкинул на улицу котенка новорожденного умирать на жаре – отсидел 15 суток, выгнал старого слепого пса – штраф 50000 рублей. А иначе нашему народу и не объяснишь, что поступать так – плохо! Причем не только по отношению к животным, но и к самим себе. Люди глушат в себе голос совести, мотивируя это «хлопотами», «деньгами»,

«временем», «родители не разрешат». А для людей, убивающих животных и издевающихся над ними ради игры – в аду уготовано особое место. Не думайте, что такие вещи остаются безнаказанными. Знаете вы кто? Вы безответственные, подлые лгуны. Карма стрельнет вам в сердце, почки, и - какой у вас там самый здоровый орган? Увидите.

Чего же вы лишаетесь, не взяв бездомыша к себе домой, а купив породистого любимца? Ну не знаю, наверное, преданно-

сти и любви? Вы думаете, вас все любят? Самое большое заблуждение. Нас любят, в основном, родители и наши питомцы, ну и пара-тройка близких людей. Да-да, вы не ослышались, питомцы. Попробуйте от породистого питомца дожидаться ласки, что он сам к вам подойдет, вдруг поумнеет, полюбит вас. Среди моих знакомых, в основном, это избалованные пушистые увальни, а то и настоящие вредители.

...Снежок появился в нашем доме в холодный зимний вечер. Сидел в подъезде дома, где жила подруга, она его всячески подкармливала. Такой грязный несуразный блохастый комок шерсти. Усов нет, раны на лапах, даже на диван не мог запрыгнуть. Кто знал, что он окажется таким преданным и любящим питомцем? Туалет он признал практически сразу, а если ошибался – по глазам было видно, что знает, за

что ругают. Шкодить перестал. Приятно удивил меня тем, что он мышелов, с ними расправлялся сразу. Он белый, пушистый, на черной одежде сразу заметен его белый пух. Но это же не повод оставлять его в холодном подъезде одного?..

...История другого кота – Буси. Он же одноглазый Пират, он же Бусинка. Прозвали так в честь его единственного, похожего на жемчужную бусину, глаза. Он лежал вместе с другими новорожденными братом и сестрой на жаре, под крытой решеткой у магазина. Просто малышей выбросили умирать. Мир не без добрых людей, нашлась таки кормящая кошка, которая их приняла. К сожалению, сестричку это не спасло, зато спасло двух братьев-задавак (черного с белым пятнышком Мишку и серого с белыми пятнами Бусю). Вот тогда-то и начались проблемы с глазами, один

пришлось удалить. Проблемы с туалетом были, и нормальные, но терпением, лаской, хитростью и уговорами все стало поправимо! К глазу привыкли, не боимся, не шарахаемся, это даже придает ему какую-то изюминку. И да, в еде мы непривередливы...

Помогать животным – несложно. Купите корм, молока налейте, для вас это 15 рублей, для кота или собаки – еще один прожитый день. А если вы решитесь взять животное с улицы или с приюта – будьте уверены, вы делаете правильный выбор. Животные знают, какого это, жить на улице, и будут только благодарны вашим рукам, которые их кормят, гладят, лечат. От вас нужно просто немного любви и терпения, но, поверьте, они окупятся сторицей с лихвой!

Автор: Расима Ахмедова

Ностальгия по Человеку

1

«...Человек человеку – волк?
Ух, если бы так и было!
Имел бы тогда ты поддержку с тыла,
Даже если бы сник и смолк.

Но, как вижу, пришёл один.
Решил поиграть, как в детстве?
Пиф-паф! Поиграл. И лежит свинец твой
Меж кровавых моих седин.

Или голоден ты? Но нет.
Свинья у тебя да куры.
И я не слышал, чтоб из волчьей шкуры
Приготовливали обед.

Или мёрзнет твоя спина?
Не греет уже овчина?..
Двуногий, скажи мне, зачем личина
Человека – тебе дана?

Человеком – ты был. С душой!
(От предков дошли преданья.)
А нынче – господствуешь в мирозданье,
Словно Бог из него – ушёл.

Ух, как много ты сделал! Да?
Что ж создал, не разрушая?
Всесилье твоё – лишь одна большая,
Всё сметающая беда.

Человек человеку – страх!
Не волк. Потому что волки
Затей не скрывают, чтоб втихомолку
Полюбить... или вгрызться в пах.

Человек человеку – боль!
Не волк. Потому что волки
Скорее положат клыки на полку,
Чем друг друга сведут на ноль.

Человек человеку – смерть!
Не волк. Потому что... Впрочем,
Чтоб это понять – нужно взглядом волчьим
Научиться на жизнь смотреть...

2

Если можешь, присядь. И услышь меня.

Я не злобен. Клыком не трону.
Да и жить мне, небось, до скончанья дня.
(Если кончились все патроны.)

Ух, как сводит живот... Как печёт в груди...
А под рёбрами боль такая,
Что подохнуть скорей бы! Но ты – сиди.
Я на «помощь» не намекаю.

Но хочу рассказать... Из последних сил.
Только в ножны верни кинжал свой!
И не бойся. Отсрочку я попросил
Не для смерти твоей ужасной.

Может, будет гораздо ужасней сказ,
Что услышать тебе, двуногий.
Знаешь, души имеются и у нас,
Но узнать их – дано не многим...

3
Луна в ту ночь была полна.
И я предчувствовал удачу.
И вот – вожак я. Был назначен
За то, что крепкая спина,
За то, что ноги неустанны
И безошибочны броски,
За то, что равно мне близки
И стар, и млад... Не слыл я странным
За то, что чтил я всех подряд.
Меня за это тоже чтили.
Хоть и боялись. «Или-или» –
Лишь у двуногих, говорят.
Слышал, что вашим вожакам
Боязнь важнее уваженья.
И страх ваш – их распоряжение:
«К червям под землю, да к жукам!»
А вы, подвластные, всё ждёте,
Что вдруг наступят времена –
Ваш страх окупится сполна:
Приличный дядя, или тётя,
Вам уважение внушит
Благим намереньем построить
Прекрасный мир, где правят трое:
Господь, любовь и честь души.
Да вот задача непростая:
Господь – невидим, и в любовь
Двуногий верит не любой.
А честь – так это к волчьей стае.
И на круги своя ваш страх
Всё возвращается. Как выйти
Из круга рабства? Волком быть? Иль
По-волчьи мыслить о местах
Для всех и в общих интересах?
Что ж, много тысяч лет назад
Вы жили так. Покуда сад

Не стал вам выгоднее леса!
А дальше – «Я» ушло от «Мы»,
От единения с природой.
Возникла новая порода:
«Двуногий»! Рушащий холмы,
Леса, пустыни и болота...
Дабы себе построить дом!
«К чему ж заботиться о том,
Что там погиб ненужный кто-то?»
Таков и принцип вожаков,
Которым сами вы даёте
Права держать вас иль в помёте,
Иль в роли вечных «ишаков».
Но нам, волкам, – вы идентичны,
Хоть уважаемы, хоть нет.
Ведь вы, двуногие, запрет
На «Я» не примете вторично.
И все вы – боги. Сброд калек
Духовных. И душевных тоже.
А волки плачут: «Правый Боже,
Куда девался Человек?
И где добро его, в котором
Добро лишь было, а не цель
Нам подарить златую цепь,
Чтоб превратить в собачью свору?»
Ух, как болит... Ух, как печёт...
Хотя за мир – больней стократно!
Скажи, двуногий, аккуратно
Зачем ведёшь волков учёт?
Мы не считали вас исконно.
А вы – природе дали шанс
Сберечь естественный баланс,
Что Божьим создан был законом?
Увы, баланс невозвратим.
Зверьё – кто в клетке, кто на блюде...
А вольных (как бы) – гонят люди
Туда, где голодно самим!
И не дай бог случится казус –
И расплодятся чересчур,
Перегрызут свиней да кур...
Но я отвлёкся от рассказа.

4

Однажды... Да, в ту ночь, при полнолуние,
Когда я стал для стаи вожаком,
Мы повалили лося, мужиком
(Таким, как ты) подстреленного втуне.
А нас, голодных, было-то немало,
И всем еды в достатке перепало.

Мы чистим лес. Ты знаешь ведь, что твари
Ослабшие, больные – нам еда.
Мы их – предпочитаем. Никогда
Никто не будет пулям благодарен,
Что здоровых бьют! Хоть то сродни подмоге

Голодным нам – считаешь ты, двуногий.

Так вот, в ту ночь, разделявая тушу
Со всеми вместе, вдруг почувал я
(Не занимать, как знаешь, нам чутья):
Мы – не одни! Затем – увидел уши.
И... две луны! глядящие янтарно! –
Из-за куста... на труд наш «санитарный».

Внутри меня как будто что-то сжалось.
И аппетит пропал... Её глаза!
В них отражались... Нежность! И гроза!
И смех! И плач! И стыд! И гнев! И жалость...
Я... как дурак, лишился дара речи...
И красоте той бросился навстречу!

5

– Волчица! Милая волчица!
(Я слышал, как душа стучится.)
Прошу тебя остановиться!
Я не двуногий – волк я! Волк!
И знаю в чести толк!

– У-у?

– Волчица! Гордая волчица!
В глазах твоих луна дичится
И одиночеством томится!
Я не двуногий – излечу
И счастьем научу!

– У-у?

– Волчица! Мудрая волчица!
Я так давно мечтал влюбиться
И шкурой собственной делиться!
Я не двуногий – и вполне
Ты можешь верить мне!

– У-у?

– Волчица! Ты – моя волчица!
С тобой мне век не разлучиться
И предавать не научиться!
Я не двуногий – волк я! Волк!
В любви я знаю толк!

– У-у!

6

Еле-еле догнал. И вернулись к добыче мы вместе.
С той поры на неё наглядеться не мог я никак.
Даже стоя всегда восхищалась, как доброю вестью,
Ненаглядной моей, уважая звериный наш брак.

Ты, двуногий, не слеп. Хоть отводишь от многого взор ты.
Но, скажи, ты хоть раз где-то видел такие глаза,
Что, как луны, сочат повеленье душе – из аорты
Безоглядно утечь и за ними лететь в небеса?

Вот и я там бывал. Эти луны лобзал в упоенье...
Даже стае моей показалось, что все мы – летим!
Не волков – это душ мы вкусили тогда единенье.
А волчицы глаза – стали музыкой радости им.

Ты, двуногий, не глух. Хоть не слышишь себя же порою.
Но, скажи, ты хоть раз где-то слышал про лунный мотив?
Он бывает в глазах, за которые встанешь горою,
За которые жизнь ты отдашь и останешься жив!

Вскоре жизнь подарил я троим сыновьям. И волчица
Вместе с ними всегда укрывалась всей стаей моей.
Даже небо тогда не видало, как нежность лучится
В материнских глазах – для подлунных моих сыновей.

Ты, двуногий, не нем. Хоть о важном безмолвствуешь часто.
Но, скажи, ты хоть раз говорил той, чью душу ласкал,
Как прекрасны глаза материнского тихого счастья,
Как всемогущ их свет, что затмит даже смерти оскал?

Полнолуния, одно за другим, не спеша миновали...
Сыновья подросли. И волчица окрепла уже.
И окрепшей любви подпевали небесные дали...
Только выть на луну почему-то хотелось – душе.

Ты, двуногий, учён. Хоть не всё объяснимо наукой.
Но, скажи, почему мне мерещилась всюду беда,
Как полнела луна? И предчувствовать стал я разлуку,
Хоть и знала душа, что разлуке не быть никогда...

7
– Чернеет небо...
Гроза и ливень
вот-вот и грянут...
Но где волчица?

– Вожак! Покамест
охота длилась –
пропал волчонок.
Волчица – ищет!

– Ух, любопытный!
Скорей же, стая!
Уже грохочет...
Оставить пищу!

– Вожак! Прости нас
за промедленье!
Беда с убитым –
не приключится.

– «С убитым»? Сын мой?..
Иль я в бреду?
– Да нет! Еду я
имел в виду!
– У-у...

Искать волчонка! Всем! Искать!
Весь лес немедля прочесать!
И все окрестные дороги!
Даст Бог, успеем, и к двуногим
не забредёт он. В их саду –
собачья свора, на беду!
И вечно ждёт она еду!
У-у!
Не станут лезть на волка псы.
Положат, трусы, на весы:
«Собачья смерть? Иль одобренье
божка, что балует вареньем?»
А из волчонка – дам я клык,
в саду том сделают шашлык!
Дай Бог, чтоб не был он в саду!
У-у!

– Ух, этот ливень!
Вожак, что делать?
Следам волчонка
не отличиться...

– Искать душою!
Душою чуют!
Она всех нюхов
сильней намного.

– Вожак! Спасибо!
Волчонок... вышел
из леса. Точно!
Побрёл к двуногим!

– Я тоже чую.
Сынок... Дурашка...
Даст Бог, настигнет
тебя волчица!

– Вожак!.. Ты слышишь?..
– Я клык даю –
хлопки! Присущи
они – ружью!
У-у!

Тревога, стая! Всем за мной!
Нас дождь прикроет проливной.
Клык наготове! И – к двуногим!
Садов там сотни у дороги.
Но мы узнаем, в чьём саду

бездушно целятся в беду,
чтоб кинуть псам своим еду!
У-у!
Скорей, скорей! Не отставать!
Гроза и ливень? – Наплевать!
Мы не двуногая порода –
не запугаешь непогодой!
Погоды всяки хороши
для волчьей любящей души!
Волчица! Сын! Идём! Иду!
У-у!

– Вожак! Удача!
Смотри: волчонок!
Бежит, промокший,
навстречу прямо...

– Ну, слава Богу!
Поверь мне, стая,
война с двуногим –
что клык мне в душу...

– Вожак! Стреляли...
А вдруг... волчица?
Хотя в селенье
весь свет потушен...

– Сынок, ты маму
в селенье видел?
Иль, может, слышал,
как выла мама?

– Не слышал. Только...
там на луну
собаки выли...
– Долой войну!
У-у!

Отбой! Домой!.. Да, иногда,
когда собачья их орда
среди ночи жалобно взывает,
они, двуногие, стреляют.
В луну палят, а то в звезду –
утихомирить ту орду,
чтоб слышать шорохи в саду.
У-у...
Волчица к ним не стала б лезть.
Хотя... Сомненья, всё же, есть.
С чего завыли псы? Луны-то
не видно нынче – ливнем скрыта.
Ух, я отдал бы вправду клык,
чтоб услышать волчицы рык –
сейчас! А то, пока дойду...
У-у!

Едва добрались мы до нашего волчьего логова,
 Голодные, мокрые, силы почти потерявшие,
 К троим сыновьям я безмолвно прижался... И в строгого
 Отца-вожака с виноватым играть не хотел.
 Я ждал, что вот-вот засияют златыми светилами
 Глаза ненаглядной волчицы моей, озарявшие
 И мрачную землю, и небо с дождями постылыми,
 И души, в которых надежда искала предел...

А впрочем, двуногий, понять ли тебе эту речь мою?
 Глазами встречаться и знать разучились, похоже, вы,
 Что в это мгновенье бросает вам жизнь быстротечная
 Удачу, как рыбу из проруби – только лови!
 Ведь это удача – возможность увидеть: друг другу вы –
 Родные! Пусть даже не схожи глазами и кожами,
 И так далеко до учёного мужа от круглого
 Болвана... Но, всё же, мы все на земле – для любви.

Болваном и я оказался, да с памятью куцею.
 Забыл я в ту ночь то, что вера – ещё не везение.
 Измотанной стае к добыче велел я вернуться и
 Голодной волчице оставить довольно еды.
 Но только волчата на тушу немедля набросились.
 А все остальные сидели вокруг, в потрясении.
 Как будто на время инстинкты у всех заморозились.
 Один лишь остался: все чуяли запах беды.

А впрочем, двуногий, такому инстинкту не веришь ты.
 Похоже, средь вас не осталось чутью доверяющих.
 Ну, как вам, всё мерящим разумом, в мире теперешнем
 Почувать неладное с другом? Тем паче, с врагом!
 Врагу не протянете руку, хоть вам не почудится,
 Что он на коленях и смотрит на вас умоляюще.
 Хотя, может быть, и протянете – если почуетсся
 Вам выгода в этом... Однако же, речь о другом.

Волчица в ту ночь не вернулась. Пошли мы на розыски.
 Но ливни – размыли следы; разметали все запахи –
 Ветра, и в лесу, и окрест... Не осталось ни проблеска
 От нашей надежды её отыскать. Или то,
 Что, может, осталось... Но чуяли все: ненаглядная
 Волчица моя – у двуногих, в селенье на западе.
 В каком вот саду, иль в дому то село многорядное
 Могилу иль клеть отвело ей – не ведал никто.

А впрочем, двуногий, не буду я об ощущениях,
 Кусавших нам души и денно, и ночью, без устали...
 Ух, было б забавно тебе увидеть превращение
 Рычания волка в нелепый собачий скулёж!
 Ведь все вы, по сути, – искатели горя, но горшего,
 Чем личное ваше! Не горе ли то, не безумство ли,
 Когда вы стреляете в волка, медведя иль коршуна –
 Всего лишь от горя, что кто-то не ставит вас в грош?..

Спешить, однако, нужно... Потому,
 Что горько будет, если вдруг во тьму
 Всё то, что рассказать я не смогу,
 Уйдёт... А ты, двуногий, как врагу
 Вослед – моим не конченным речам
 Проклятие пошлешь, и по ночам
 Всё думать будешь: «Волчий бред в снегу!»
 А впрочем, нет, не сможешь, если я
 Сейчас уйду, и лунная свеча
 Души моей коснётся, горяча...
 Погибнешь ты, двуногий! Речь сия
 Относится к спасительным речам.

Продолжу я, пока ещё живой...
 Мы стали все – единой головой.
 И думали тогда, и стар, и млад:
 Всей стаей нам искать в селенье сад
 Иль дом тот, где, жива или мертва,
 Волчица укрывалась, иль права
 Пословица «Чем тише...»? Говорят,
 Вы пользуетесь ею иногда,
 Когда хотите, чтобы голова
 Шла впереди желаний. Такова
 И наша мысль была: «Страшна беда.
 Страшнее – если стая вся мертва».

В селенье – незамеченной, никак
 Всей стае не пробраться. У собак
 Ещё не атрофировался нюх,
 Чтоб не учуять стаи волчьей дух.
 У одного – всегда надежда есть,
 Что не учуют, если к ним не лезть
 С безумною назойливостью мух.
 Пошли бы все, была бы цель – война.
 Но были нам нужны не кровь, не месть,
 А сведенья и посланная весть
 О том, о чём не знала и луна:
 Где дух волчицы, если там он есть.

Все сведенья собрав, решили б мы,
 Как вызволить волчицу из тюрьмы...
 Так было решено. И каждый день
 Бродила по селенью волчья тень.
 К оврадам подползала, как душа –
 Собачьего не чуя кулеша.
 Но что в себе таят и ствол, и пень,
 И жухлый лист – вынюхивала вмиг.
 Рассматривала лица, не спеша.
 И вслушивалась в речь, едва дыша...
 И я, вожак – былъ тенью той. Постиг
 В те дни я, что умна моя душа...

Настал тот день, когда схватил за хвост
 Удачу я. Увидел (в полный рост,

Хоть со спины) двуногого в саду
И трёх его собак. На поводу
Он не держал их, видно, никогда.
Они послушно рядом шли. Следа
Волчицы – я не чуял. Но беду,
Прошедшую по саду, – ощущал.
Душа твердила: «Именно сюда
Волчицу привела в ту ночь нужда!»
Волчонка след? Щенок ли верещал
Похоже?.. Не узнать мне никогда.

Подённо я пред садом тем лежал...
Уже зима достала свой кинжал
И к осени неслышно поползла,
И птицы улетали из села –
Удара избежать... А я никак
Не мог дожидаться выгула собак,
Чтоб выискать в саду приметы зла
Иль проскользнуть в жилище прямиком.
Я был готов поклясться: особняк,
В котором злом попахивал чердак,
С волчицею моею был знаком
Достаточно. Но лучше бы никак...

А стая, наготове, залегла
В пролеске. Ощущал я и тела,
И души, мне родные, – как себя.
Наш план был прост: едва, призыв трубя,
Я возвещаю то, что быть войне, –
Стремглав несётся стая вся ко мне.
Но так хотелось, мир не теребя,
Забрать мою волчицу поскорей,
Да в лес попасть. А там уж, в глубине,
О мести размышлять и о вине
Двуногих безголовых егерей
И всех, кто поклоняется войне...

И вот – иного рода, но война!
Была как Богом послана она.
Двуногий, разъярённый, побежал
К забору, что тогда сооружал
На дальней стороне. А дверь в дому
Оставил приоткрытою. Ему
Вослед собаки ринулись. Дрожал
Весь округ от ругательных речей!
Война – была с соседом. Почему –
Неважно. Мне важнее было тьму
Да псиных не-присутствие очей
Использовать, чтоб мигом быть в дому.

И я взлетел как будто! Пересёк
Ограду, сад... Ещё один бросок –
И я внутри. Огромн особняк.
«Волчица! Ну! Подай скорее знак!»
Казалось, будто взвизгнула она,

И между нами – тонкая стена.
И сам я взвизгнул, радостный, обмяк...
Но лишь на миг – собаки со спины
Набросились! Воистину – война!
Но стая – не помощник. Тишина,
Разорванная криками войны
Двуногих, – всё, что слышала она.

А псы – со мной дрались в особняке.
Но я, сказать по правде, о клыке
Собачьем – думал хуже, чем он есть.
Их клык – силён! И только факт, не лесть
Собакам это – души их наги!
Как наши души. Жаль, что мы враги.
И жаль, что им свободу не обрести
От вас, двуногих. Что вам их любовь? –
Лишь эгоизма вашего круги,
На кои возвращаются мозги
За несвободу должных вам рабов,
И души, что как должное – наги!

Свидетель Бог, мне жаль и тех собак,
Что не сумели справиться никак
Со мной, чей опыт всё же победил.
И я не мог иначе. Я убил.
Но честно. И в неравном том бою
Я выиграл надежду и мою
Возможность, если мне достанет сил,
Спасти мою волчицу, увести!
За тем пришёл, и отдал острию
Клыков собачьих должное: струю
Кровавую из бока, да в шерсти
Весь пол, что полем выступил в бою...

Но торопиться нужно было мне,
Пока собачий бог был на войне.
И я немедля место отыскал,
Откуда взвизг волчицы услышал.
Ворвался я, готовый ко всему,
В ту комнату... Смотрю сквозь полутьму:
Волчица на полу лежит; оскал
Не страшен, да и нет его, кажись.
«Без сил она, – подумал. – Одному
Не справиться. Что делать? Не приму
Решенье – с волосинки эта жизнь
Сорвётся! И тогда... конец всему!»

И я подполз – в глаза ей заглянуть
И прошептать: «Любимая, наш путь
Не кончен. Я прошу тебя, найди
Немного сил и встань. А впереди –
Лишь сад, забор (пустячный он!) и тьма,
Что лунами – рассеешь ты сама!»
И заглянул. Но шёпот мой – в груди
Закоченел... Смотрели на меня

Не янтари, сводящие с ума,
Не лунный свет... А чёрная зима!
Две проруби! Глазницы! Без огня!
Пустые... где лишь смерть была, и тьма.

Моя волчица... Милая... Спасти
Я опоздал... И мог лишь унести
Подстилку шерстяную!.. Не найду
Я слов, чтоб описать, в каком аду
Мой разум был в тот час, в каком огне!..
Рычаньем извергая боль и гнев,
Вскочил я – уволочь мою беду!
Всю жизнь мою ошкуренную!.. Вдруг
Увидел: у волчицы на спине –
Двуногого детёныш!.. Смотрит мне
В глаза и весь дрожит... Силён испуг
Пред зверем, что в безумия огне!

Ух, как хотелось в клочья разодрать
В тот миг того, кто отнял волчью мать!
И я рычал! Рычал! Мои клыки
И мысли были слишком далеки
От волчьей всепрощающей души!
И я бы разорвал иль задушил
Вопящее дитя!.. Но, вопреки
Безумству, в коем разум мой горел, –
В глазницы я всмотрелся... В той глуши,
В той тьме – светилось то, что потушить
И смерти не дано... И я смотрел!
Смотрел!.. В любовь!.. И слышал глас души:

«Любимый мой... Не трогай малыша.
Не виновата детская душа,
Что мне луна в простор открыла дверь,
Где отдохну от боли и потерь,
Что в этой шкуре – нет уже меня...
Но шкура для него – и простыня,
И мягкий плед... Ещё – игрушка-зверь
(Поскольку нет другого ничего),
И от боязни лучшая броня,
И теплота душевного огня,
И мать... что смерть отъяла у него.
Любимый мой... Даруй ему – Меня!

И жизнь – даруй, коль щедрости ты друг.
Сумей простить. Возмездья прочен круг.
Но – разорви! По кругу не беги,
Как будто у тебя лишь две ноги.
Подумай так, как думал Человек:
«Мы все – одно. Единый дух и рек,
И гор, и океанов, и тайги...»
А вдруг, любимый, в этом малыше –
Всё то, во что мы верим весь наш век?
Подумай. И беги... Но этот бег
Пусть будет лишь по кругу, что в душе.

То круг любви, где каждый – Человек!»

И я... завыл! Завыл, как никогда...
Подвыла мне вся псовая орда
В селенье том... И понял я, что срок
Истёк... Бежать! Но чуть я за порог –
Полено было брошено мне в пасть!
Хозяином. Не медлил он напасть
На зверское чудовище... Итог –
В крови собачьей – кровь моя и клык...
Но униженьем вряд ли может всласть
Наестся тот, кому досталась власть.
Он взял ружьё!.. Да шанс был невелик,
Что клык – заменят пули в волчью пасть.

Бежал я прочь! Бежал, что было сил...
А в голове моей всё голосил
Детёныш тот двуногий, что моей
Волчице – стал детёнышем зверей...
Всё ярче мне сияли две луны,
Любовью и прощением полны...
А за спиной – всё дальше, но всё злей
Ружьё гремело, знающее толк
В отместке за вину... Но от вины
Я не бежал – бежал я от войны.
Бежал на свет! Как может только волк,
Что видел смерть, а в смерти – свет луны...

10
Тороплюсь досказать... Не считай ты минуты, двуногий!
Разве душу измерить минутой иль веком, скажи?
Я бы мерил её – только силою света в дороге.
А дорогу саму – я бы мерил отсутствием лжи.

Я не лгал никогда. Ведь обман – это слабых уловки.
И слышала стая мой честный детальный рассказ...
Сыновья, да и все – озверели как будто! Как волки,
Вдруг решившие: зверства ответного хватит у нас!

«Как же так? – возопили. – Волчата лишились волчицы!
А детёныш двуногий – помилован! Где же резон?
Даже если он чист – не заполнятся светом глазницы!
И волчицы мольба о спасении – бред или сон!»

И тогда, разъярённую стаю свою успокоив,
Я сказал: «Я – вожак. И последнее слово – за мной.
Хладнокровно убить, ни за что – это дело такое,
После коего жить – с убивающей душу виной.

Я собак растерзал – потому что напали, и честно.
А детёныш лежал... обнимая волчицу мою!
Неужели кому-то из вас не понять: неуместно
Убивать – за любовь!.. Хотя и думал я сам, что убью.

Сыновья мои, братья и сёстры! А также... волчица!

Ты ведь слышишь меня?.. Круг возмездья разорван в сей час!
Потому что – мы волки! От горя – прощеньем лечиться
Мы умеем! Не мстью, как учат двуногие нас!»

И пошли мы в ту ночь, единённые светом прощенья,
Незабвенного друга с душою добрейшей и мать –
Отпевать при луне... Отвивать, с твоего разрешения,
Ибо действо такое глаголом иным не назвать.

Ну, скажи мне, ужель вы – совсем безнадёжное племя?
Вы ведь тоже, как мы, для любви отворяете дверь.
Только вашу любовь изменяют сомненья и время.
Но не знает исконно сомнений и времени – зверь.

Вам, наверное, легче... Смотрю на луну я, двуногий,
И двоится в глазах. Это луны волчицы моей!
Закрываю глаза – только тьма да подстилка в чертоге,
Да глазницы пустые, что даже безлунный черней...

И какое же время, скажи мне, какие сомненья
Могут так изменить темноту и луну, чтобы мне
В них не видеть любовь? А любви – не познать измененья,
Если я неизменен, хоть кануть и тьме, и луне.

Я тоскую по ней. По моей ненаглядной... Тоскую!
И тоска – неизменна. Скорее, смертельна она.
Но, я слышал, и вы, переживши утрату такую,
Нежилцами становитесь, пьяные не от вина...

Вот и я – нежилец. Да и был, когда пули я встретил.
Ты ведь видел, один я... лежал и взывал на снегу.
Это всё оттого, что проклятый назойливый ветер
Всё поёт о любви! И не слышать его – не могу!..

«Почему же один, не со стай?» – ты спросишь, двуногий.
Было легче порой одному мне бродить среди теней.
Ты ведь знаешь, наверно, как трудно быть сильным для многих,
Когда многие эти – счастливей, и значит – сильнее.

Да и клык потерял я. А это – знаменье для стаи:
«Может статься, вожак наломает от слабости дров...»
Отдавать приказанья пушкой – задача простая.
А у нас – всё сложнее: силен ты – когда ты здоров.

Будет новый вожак. И, даст Бог, он научится силе,
Что не только в клыках, загрызающих наверняка.
Есть и сила любви... о которой известно и псине.
И её превозмочь – невозможно и силой клыка.

Те собаки, которых загрыз я, – ушли, не расставшись
Со своею любовью... к тебе. Это ты ведь, о ком
Я завёл разговор... Ух, как хочешь, за них расквитавшись,
Положить меня рядом с волчицею – половиком!

Ты искал меня долго... Так долго, что сразу понять я

Не сумел: ты - не егерь, игры ты не ищешь в пальбе.
А как вынул кинжал, да в оставшийся клык – рукоятью...
Вот тогда я учуял: волчица моя – на тебе.

Далеко ты зашёл... Не опасней в лесу заблудиться
Для тебя, чем понять, что себе ты – единственный враг.
Торговаться, однако, не буду. Мол, псы – за волчицу,
Но детёныш-то цел!.. Это вы лишь торгуетесь так.

И пощады просить – слишком поздно. Дышу еле-еле.
Не поверишь, двуногий, но всей своей волчьей душой
Я тебе благодарен. Ведь пули твои прилетели,
Чтоб расстаться скорей мне с тоскою своею большой...

И ещё для того, чтоб расскажу ты внял и, в итоге,
Мне простил за собак... Ты ведь знаешь прощенье, скажи?
Я уверен, умеешь ты – силою света в дороге
Мерить душу свою, а дорогу – отсутствием лжи...

Так прости же меня!.. Впрочем, это – воззвание к Богу.
Чтоб от бездны отвёл, потому что стоишь – на краю!
Как и вся ваша стая... Тебя же – прошу о немногом:
Посиди ещё малость, да песню послушай мою...

11
Воют волки на луну...
Но не с ними я – в плену...
В тёмной мучаюсь тюрьме,
И не чувствую во тьме
Ничего, лишь боль одну...
У-у-у!

Эту боль я не уйму...
Потому что не пойму,
Где любимую мою
Мне искать, в каком краю?
Все пути ведут во тьму...
У-у-у!

Только тьму я – обману.
Через боль – перешагну.
Не останется ни тьмы,
И ни боли, ни тюрьмы...
И свободно я вздохну...
У-у-у!

Это просто: протяну
Через полную луну
Душу нежную мою...
И в янтарном том краю
Я проснусь, а здесь – усну...
У-у-у!

Там любимую мою
Отыщу я, и спою

О любви моей земной,
Что в янтарный край за мной
Полетела птице-ю...
У-у-у!

Может статься, в ночь одну,
Если будет не в плену
Наша добрая Земля –
И любимая, и я
Возвратимся под луну...
У-у-у!

Не во тьме и не в плену,
Будем выть мы на луну...
Будем помнить не тюрьму,
Не бездушья злую тьму –
Ностальгию лишь одну...
У-у-у...

12
Ух, ностальгия... По Человеку!
Это давнишняя ностальгия.
Жил он... не в царстве волшебном, неком.
Здесь! Но теперь времена другие.

Видишь, двуногий, и я – про время.
Хоть и не верю в него. Однако,
Тысячелетние с вами тренья –
След оставляют. Как на собаках.

Волки ведь тоже – «семейство псовых».
Тьфу ты, наслушался вашей чуши!
Гены какие-то, хромосомы...
Волчьи у нас – и тела, и души!

Я не припомню, чтоб наши предки –
В тундре, в степи иль в лесу под ёлкой –
Видели пса, иль волчонка с меткой:
«Пудель, который зовётся волком».

Следуя логике: обезьяну –
Ты умудрился родить когда-то?
Вряд ли. Поскольку твои изьяны
Не унаследовали приматы!

Иль обезьяны ты, всё ж, потомок?
Жаль обезьяну тогда. Всё шире
Рот открывает: «Такой подонок –
Родственник мне? кто с природой – в мире?»

Нет уж. Затылок чесал и Дарвин!
Жаль, что с такой головой учёной –
Не был он с Господом солидарен...
От Человека ты! Вот – о чём я.

То есть, конечно, мы все – от Бога.
В степени – равной! И взвыть хочу я,
Ибо в породе твоей двуногой –
Равенство это никто не чувствует.

Был Человек. Были звери. Птицы.
Рыбы. Всех тварей – всегда по паре...
Вот говорю, а в мозгах стучится:
Ты унижаешь ведь словом «твари»!

А Человек – уважал природу.
С тварями он – говорил и ладил.
Он их – любил! Не себе в угоду,
Чтоб по головке себя погладить.

Ах, мол, какой я хороший парень!..
Нет. Состраданье, добро, опеку –
Он не использовал – стать сверхтварью,
И уж тем паче – сверхчеловеком!

Равным он был и цветам, деревьям...
И красоту он – ценил! За цельность.
Не было так: «Это – дрянь, отребье,
Дёшево слишком. А это – ценность!»

И Человек Человеку – тоже
Равным считался. И был ведь равным!
Не было так: «Если ты моложе –
Значит, не знаешь о жизни правды».

Правду, двуногий, и твой детёныш
Знает не хуже. И лучше даже.
Только молчит он пока. Застонешь
Ты, как услышишь, о чём расскажет.

А подрастёт – так расскажет. Точно.
О доброте! Что тебе – не снилась.
И о любви! Что тебе – заочно
Смерти прощает. Как Божья милость.

Эта же милость – вам всем, двуногий, –
Разум даёт. Но из века в век он
Вас по греховой ведёт дороге –
Дальше и дальше от Человека...

Мы – не святые. В стогу иголку
Легче найти, чем безгрешный разум.
(Как же прикажете выжить волку,
Если не в клетке он, для показа?)

Но без нужды – не убьём. Всё толки.
Скажешь: «Мы тоже, в какой-то мере».
Это лукавство, двуногий. Волки –
Не убивают – за иновенье!

Веришь ты в Бога – ищи защиты.
Но защищать разве нужно – Бога?
Он не нуждается в том. Кричи ты
Или молчи – он сильней убогой

Правды твоей! Тем, что он – добрее.
Тем, что любовью живёт в тебе он.
Как и во мне, и во всех, кто с нею
Не распрощался на свете белом.

А распрощался – беда, двуногий!
Не защитишь от себя – себя же.
Тьма появляется в том чертоге,
Где позволяют ей быть, и даже

Это приветствуют появление:
«Вдруг пригодится? Как оправданье –
Непониманья, не-сожаленья,
И нелюбви, и не-состраданья!»

И пригождается. Сплошь и рядом
Это творится. Давно творится!
Благо, что Бог не отводит взгляда,
И не пустеют его глазницы!

Смотрит, почти не вздымая век, он...
Думает: «Лучше б не зрел ни зги я!
Эх, ностальгия... По Человеку!
Только поможет ли – ностальгия?

Надо бы сделать такое что-то,
Чтобы двуногий прозрел, в итоге:
Дал ему разум я – для охоты
На понимание – жизни в Боге!

Душу – любовью деянья мерить,
А к совершенствованью движенье
И достиженья – душой проверить,
А не научным уничтоженьем!

Сколько ж ещё уничтожить может
Этот двуногий? Вот-вот и прахом
Землю он сделает! Ух, по коже
Как пробегает мороз – от страха!

Буду безмолвствовать и в дальнейшем –
Бесчеловечью – стать неисправным!
Должен понять он, болван круглейший:
Равный Земле он! Не Богу – равный!

И не нужна мне замена – тленным!
Только вот, вовремя не скумекав,
Можно и сгинуть, со всей Вселенной!
Эх, ностальгия! По Человеку!»

Вот как, наверное, мыслит Бог наш.
Понял, двуногий? Не счастлив Отче.
Что-то решит. Не вздохнёшь, не охнешь!
Что же? – Не ведает разум волчий.

Может, пойму, доползя до Бога,
Что затевает он втихомолку...
Знаю сейчас: нас – в лесу не много,
А Человек – на Земле иголка!

Но не искать – что не ставить вежу:
«Может, достаточно с нас-то? Сгинем!»
И ностальгия по Человеку –
Так и останется ностальгией.

Иль не видать нам такого куша?
Нет на Земле – Человека?.. Или,
Всё же, услышать, как стонут души, –
Те, что вы заживо схоронили?

Добрые души!.. Ведь это – просто:
Вырыть, да с разумом вашим спарить!
Но – захотите ли вы?.. Вопрос мой –
Древний, как ненависть древних тварей.

Ненависть! Слышишь меня? И злоба!
Вы породили их вашим «правом» –
Жизнь отнимать! Без нужды особой!
И наслаждаться добром кровавым!

Ух, как печёт... Ну, какого чёрта
Ночью, двуногий, тебе не спится?
Хочется крови? Скажи мне, в чём ты
Видел нужду – застрелить волчицу?!

Пули в меня – объяснять не нужно.
Мечь – мне понятна. Хоть нет в ней толку.
Но отчего ж убивать бездушно –
Нежность, любовь и заботу волка?

Мать она! Мать! Понимаешь, сука?!
Всё, что хотела, – найти волчонка...
Ты ведь, небось, не поднял бы руку
Так же – на мать своего ребёнка!

Что ж отвернулся? Глядишь понуро...
Или не рад уже – полномочью,
Коим себя наделил? И шкуру
Ты на себя примеряешь волчью?

Плачешь?.. Неужто ты плакать можешь?
Вспомнились очи твоей любимой,
Что закрывал ты на смертном ложе?
Вспомнил любовь... что неизменима?

В солнце она! И в луне! Повсюду!
Где б ты ни прятался, днём иль ночью!
Больно, двуногий?.. Прости. Не буду.
Это – как соль и на рану волчью...

У-у-у-у-у...

Ух, ностальгия! По Человеку!
Самая сильная ностальгия!
Только возможно ли дважды – в реку,
Хоть и намеренья – впрямь благие?

Сможешь ли не преступить пороги –
Те, от каких вымираньем веет?
Ты посмотри мне в глаза, двуногий!
Видишь? В них Бог... что в тебе – мертвец.

Не допусти же того! Прошу я!
Быть Человеком – совсем не страшно.
Ты посмотри... на луну! Большую,
Как ностальгия моя... Вчерашним

Светом – она на меня ложится...
Значит, возможно и дважды – в реку!
Я... я прощаю тебе... волчицу.
Ради грядущего Человека!

Время моё – поджигает хвост и
Вдаль уползает... Но ностальгии
По Человеку – разрыть погосты,
Души на коих лежат! Нагие!

Верю, двуногий! И верить жажду
В то, что и ты мне простишь потери.
Так, как прощает и Бог, и каждый,
Кто не возмездием душу мерит.

Мести – не жди. Хоть твоя двустволка –
Опустошённая. И кинжал ты
В стаю – вонзить не сумел бы. Волки
Вмиг тебя сделали б тряпкой жалкой.

Но и затея твоя – пустая:
Тряпкой – меня унести в чертоги.
Ты оглянись... Наготове стая.
Мы ведь из верных кровей, двуногий.

Ждут приказания, дорогие
Волки мои... чтоб спасти калеку...
Но... нет спасительней ностальгии,
Чем ностальгия по Человеку!

У-у-у-у-у-у!

Нет, не команда – последний вой сей.

Просьба всего лишь. Моя... И Бога.
С Богом, двуногий!.. Ступай. Не бойся.
Стая – покажет тебе дорогу.

А возвратишься домой – глазницы,
Тьмою зияющие... заполни
Светом луны... чтоб мою волчицу
По-человечески ты запомнил!

Пусть и детёныш твой помнит тоже
(Чую, немало в том будет толку),
Что никогда и никто не сможет
Шкурой содрать – человечность волка!

Помни о нас. До скончания века.
Помни... чтоб помнили и другие,
Что ностальгия по Человеку –
Не бесполезная ностальгия...

Автор: Маргарита Крымская

Я хочу подарить тебе вечность

Я хочу подарить тебе вечность,
Хочу рядом с тобой быть всегда,
Окунуться с тобой в бесконечность,
И пускай пролетают года.
По утрам я хочу просыпаться,
Обнимая за плечи тебя,
К тебе нежно душой прижиматься,
Отдавая тебе всю себя.
Каждый день к губам прикасаться,
Я хочу к твоим перед сном,
И на вечность счастливой остаться,
Я хочу с тобой лишь вдвоем.

Автор: Виктория Ерух

Острый симптом неизбежной простуды

Словно острый симптом неизбежной простуды...
Чай с лимоном давно от неё не спасает,
Хоть по уши закутайся в плед –
Станет легче едва ли.
И, страницы свои с упоеньем листая,

Я стараюсь не быть слишком быстрым и грубым.
Нет на свете защиты от прожитых лет.

Паутиной потерь и счастливых мгновений
Отражается время на лицах усталых -
Не хочу эту тяжесть познать!..
Но желания – мало.
Вынимая тревог ядовитые жала,
Освежаю оттенки былых поражений
И побед, что по пальцам легко сосчитать.

Горьким мёдом текут громовые секунды,
Собираясь по капле в безликую вечность.
Было б проще не думать о ней,
Но уже искалечен,
Гематомой души, как печатью, отмечен
Этой глупой людской неизбежной простудой –
Отрицаньем впустую потраченных дней.

Автор: Yuki Eiri

литературное интернет издание

До одного

Считать до одного не так уж сложно
В массиве из нулей и единиц.
Здесь каждый первый погибает пальцы,
Склонившись над шуршанием страниц
И чувствует уверенность подкожно
В причастности к ватаге первых лиц.
Гордыней ослеплённые страдальцы
Не верят Богу, опадая ниц,
Но бьются насмерть о свою ничтожность
И после даже не собрать крупниц
И после ничего о них не вспомнить.
Одни нули в глазницах диких птиц
Мерцают верой, оттого возможно,
Для крыльев нет препятствий и границ.
Стремящемуся смыслом быт наполнить,
Без помощи Творца не обойтись.

Автор: Екатерина Рупасова

Разговор Двенадцати

- "Что я тут делаю? Чего я еще не слышал? Сегодня будет что-то новенькое или же мы опять пройдемся по кругу и вернемся в мертвую точку. Все уже было сказано, все уже было сделано. Хотя..."

? - "Ты рано, Первый."

1 - "Привет Четвертый. Рано? Не сказал бы. Я ведь Первый."

4 - "Хах! Аргумент... Итак, раз уж ты здесь..."

1 - "Я не против, рассказывай что видел."

4 - "Тогда слушай, наблюдал я за одним городом, самым обычным городом. Где наверно, как и везде есть недовольные и несогласные. Все хотели богатства, быть знаменитыми, и так далее, понимаешь. И вот в один прекрасный день, крестьяне бросили плуги и поля. Шахтеры перестали добывать ископаемые. Простые работяги фабрик и заводов присоединились к ним. Итог. Все поют, веселят друг друга, снимаются в кино. Что же дальше? Все богаты, все знамениты. Вот оно счастье, да нет. Дома строить некому, прокладывать новые дороги тоже. А народ смешался в одну массу богатых и знаменитых. Что же тогда они сделали? Повернули мир вспять. И вот уже те самые шахтеры и рабочие выделяются из массы, обретая богатство и известность. Угадай что

случилось дальше? Верно. Все пошли в рабочие и шахтеры. Но время прошло и история повторилась, снова образовалась одна масса, и город стал сер и уныл. Финал известен, люди вернулись на свои места, кто кем был, тот тем и остался. Меня терзает только один вопрос, а нафига? Зачем они потратили столько времени что бы убедиться, что нельзя всем быть только в одном кругу?

? - "Потому что они тупы по своей натуре и природе. Это факт."

1 - "Привет Шестой. Я так понимаю, тебе не терпится сказать что-то по этому вопросу?"

4 - "Я весь во внимании, поясни."

6 - "Да, приветствую, Первый, Четвертый. Все просто, люди всегда хотят больше. ВСЕГДА. Хотя некоторые и довольствуются тем, что просиживают пятые точки в офисах, водят транспорт и так далее... Ты прав, везде должен быть баланс. Кому-то надо и улицы убирать, а кому-то веселить народ, и кстати по большей части тот народ, который убирает улицы. Теперь по факту действия. Мой вердикт - скука. Ведь когда каждый день происходит одно и тоже, человек по природе своей захочет что-то менять. Иначе нечто внутри просто сожрет его."

? - "Я аплодирую стоя, Шестой."

6 - "Привет Седьмой. А мы здесь уже потихоньку собираемся, да делимся наблюдениями. Присоединяйся."

7 - "Приветствую. Кстати я не один, со мной еще и Второй."

2 - "Здравствуйте. Пускай Семерка начинает, я буду следующим."

7 - "Любезно... Что же мне вам сказать, люди тупые. Я устал об этом говорить. Предлагаю их уничтожить..."

2 - "Семерка, черт бы тебя побрал! Ты что, думаешь что самый умный? Думаешь тебе дано щелкнуть пальцами и решить все за других? Да кто ты такой?"

7 - "Я тот из вас кто видит самую объективную картину этого мира! Вы все слепы. Ищите что-то хорошее в этих людях. Скажите зачем? Они не исправятся никогда! Лживые и примитивные существа. Они забыли зачем вообще живут на свете! Им нужен серьезный пинок, им нужно напомнить. Разве нет? Ведь только стоя на краю смерти человек осознает свои ошибки. И то далеко не всегда. Вот почему их нужно уничтожить, не всех конечно, но большинство."

6 - "Согласен с ним. Люди забыли кто дал им право на жизнь..."

2 - "И кто?! Мы что

ли?!"

6 - "Нет конечно же не мы... Люди живут с незапамятных времен. Но посмотрите, они как паразиты на теле планеты, которые пожирают её медленно, но верно. Грызутся между собой, в глубине души презирают каждого, кто их окружает! Зависть и страх заставляет их создавать все более совершенное оружие для уничтожения. И до их жалкого разума не дойдет простая истина - шаг за шагом, они идут к тотальному уничтожению!"

? ? - "Ого, а чего же вы так шумите. Мы присоединимся."

1 - "Двенадцатый и Одиннадцатый. Проходите. Вам слово."

12 - "Из услышанного заключаю - можно и правда, уничтожить большинство. Вопрос, что это даст?"

11 - "Оставшаяся кучка построит новое оружие, новые города, нарожают новых детей. А дальше, круг начнет повторяться. И мы знаем почему."

12 - "Это как перед ребенком в первый раз положить вилку и ложку. Поставить тарелку с пюре и сказать "Ешь вилкой, а ложкой никогда не ешь!"

11 - "Первый раз ребенок будет есть вилкой, второй, третий. Но рано или поздно, ему захочется попробовать ложкой. Почему?"

12 - "Потому что это людская психология, их тянет к запретному. Вот и здесь, даже если сейчас их уничтожить, пройдет время, и все вернется."

11,12 - "У нас пока

все."

? - "За это я вас и люблю ребята. Мне нравится как вы разговариваете."

1 1 , 1 2 - "Приветствуем Девятый."

9 - "Здравствуйте все! Сразу к делу. Каждый из этих "тупых" уникален. Безумец или гений? Это две крайности одной сущности. Один поэт потому что у него это получается или ему это нравится. Второй по этой же причине актер. Третий - музыкант. Четвертый - программист. И так далее. Скажите, имеет ли хоть какое-то отношение к распаду озонового слоя, загрязнению окружающей среды музыкант? Никакого! Я хочу что бы вы поняли, есть человек в общем. А есть человек-музыкант, он же человек-пукаю где хочу, он же человек-отец. Понимаете? Вот и кто из них убивает мир?"

7 - "Он, не он. Суть одна! Это все кусочки одного пазла, это его составляющие."

? - "Кусочки пазла которые человек собирает сам, в течении всей своей жизни."

7 - "Вот и ты, Третий. Продолжай."

3 - "Здрасте. Итак, я согласен. Но смотрите, человек всегда делает какие 0 либо действия либо потому что он этого хочет, либо потому что это ему надо. Других причин нет. Надо например учиться, что бы иметь хоть базовые знания, зарабатывать деньги, что бы жить. И даже если у тебя есть богатые родители которые тебя холят как

угодно, рано или поздно, их не станет... И таких примеров тысячи. Теперь к вопросу хочу не хочу. Согласитесь, людям ведь всегда интересно общаться с людьми образованными, начитанными, знающими много. Но, нельзя знать ВСЕ. Кто-то хочет заниматься программированием, рисованием, преподаванием. Все это в совокупности ставит людям цели, которые они выполняют, или хотя бы стараются.

? - "Как-то ты смотришь на это просто, и с долей утопии."

3 - "А ты видимо хочешь предложить свою противоположную теорию? Да, Пятый?"

5 - "Разумеется. Доброго времени суток. Значит, Третий, в целом ты прав. Но как же те, кто расслаиваются на группы? В этом мире люди делятся на тех, у кого есть власть и деньги, и кого её нет. Первым все равно всегда мало, вторым же этого не хватает еще больше. Меня больше заботят вторые. Кто-то из них с пониманием того, что никакой дядя сверху не скинет им денег, пробиваются сквозь оболочку, или пытаются, стремятся содержать себя и своих родных, тех кто им дорог. Честно!!! Работают, ищут подработки. Учат. Занимаются. А как говорить, если чего-то хочешь, оно обязательно случится."

? - "А кому-то просто везет."

1 - "Наконец-то! Восьмой, ждем. Присоединяйся."

8 - "Рад видеть вас. Что ж, везение, это очень

большой фактор жизни людей. Кому-то повезло, он стал знаменитым, богатым, знаменитым. А вот некоторым может не повезти. Тогда они теряют близких, деньги, уважение, власть, а бывает так, что и жизнь. Говорят риск - дело благородное, или кто не рискует тот не пьет шампанского. Но если ставка высока, то стоит ли? Может если не повезет, не будет ни то что шампанского, но и вообще больше ничего не будет. Вот вам пример, два бойца который по 10 лет изучали два разных вида боевых искусств выйдут на бой. От чего будет зависеть победа? Умение, подготовка, психологические факторы (Настрой например). Но предположим, что стиль одного бойца включает бой только на руках, а у второго еще и на ногах. И по логике силы их все равно равны, потому что они занимались одинаковое количество времени. Но, вот начался бой. Никто не уступает. Тогда кому-то везет. Например один из них забыл закрыть ударную зону. Второй незамедлительно туда ударил, и выиграл. Что он скажет потом? "Мне повезло, он забыл закрыться..." ПОВЕЗЛО! Понимаете?"

11 - "А другой тогда что скажет?"

12 - "Мне не повезло, я забыл закрыться?"

11 - "Или его тренер, который 10 лет на него потратил скажет что бы утешить. "Не переживай, просто не повезло." Так что ли?"

12 - "В глубине души он будет думать. "Как

так? Как такую основу можно было забыть." Это ведь уже никак не может быть невезением."

11 - "Верно. Невезение это... Самый лучший пример - рулетка. Ты поставил на красное, а выпало черное. Вот оно. Здесь от тебя зависит только на что ты будешь ставить, какой выбор будешь делать ты."

7 - "Вооот! Вот о чем я и говорю, выбор! Друзья, давайте отмотаем назад. После индивидуальности человека, навыков талантов и так далее, идет выбор. Он выбирает, учиться или нет. Учить или нет. Играть или нет. Идти в казино или нет. Пойти сегодня с друзьями побухать или посидеть дома. Этим я конечно Америку не открыл. Но вздумайте. В первых, человека можно заставить сделать выбор который будет угоден кому-то, но при этом, человек будет думать, что это он выбрал сам и никто ему ничего не подсовывал. Это как фокус. Но меня это не интересует. Меня интересует выбор тех гнилых людей. Убийцы, воры, насильники, даже так называемые гопники! Почему? Почему он убил? Ненависть? Зависть? Случайность...Хотя это другой разговор. Почему он украл? Деньги? Личные потребности? Почему изнасиловал? Что, рука его уже не удовлетворяет?! И потом они все живут в тюрьмах, как-никак но живут. Они имеют право на жизнь? Это же отбросы!"

2 - "Отбросы или нет, но, НЕ ТЕБЕ СУ-

ДИТЬ!"

1 - "Друзья. Зачем мы здесь собрались? Примерно 85% людей все равно не поймут то, что им говорят, пока этого не случится."

? - "А вот по этому поводу я вам могу сказать."

1 - "Десятый, проходи, ты последний."

10 - "Эх, опять опоздал... Ну да ничего. Сразу к сути. Поглядим на наш мир где многие вопросы решаются силой. Это факт. Но предположим, что один человек обладает телекинезом. И вот он идет себе, никого не трогает. Но тут его обступает человек двадцать амбалов, и требуют деньги. Он им ответит, ребята, я не отдам вам их, пропустите меня пожалуйста и идите своей дорогой. Если вы этого не сделаете я подниму вас в воздух вы вырву всем вам ноги. Реакция? 100% смех! Потому что они не знают. И вот один из них делает шаг вперед. Тогда парень скажет - "Еще один шаг, и я уже сказал, что с вами будет." Опять смех. Тогда тот амбал делает еще шаг и заносит руку вперед. Парень не долго думая поднимает их в воздух. И тут ОПА! Представьте реакцию! Двадцать человек, беспомощно болтаются в воздухе. Матерятся и говорят что-то вроде -"Опусти нас и тебе п@\$\$@ц." А парень просто ответит - "Я предупреждал." И вырвет им ноги. Всем. Потом просто пойдет дальше. Итог. Что мы знаем на самом деле. Парня хотели ограбить, может избить, он преду-

предил два раза, вежливо. А потом сделал то, что обещал. Как это будет выглядеть со стороны потом? В новостях скажут - "Жестокий убийца вырвал ноги у двадцати человек бла-бла-бла..." А он ведь получается прав."

4 - "А с этим ведь, не поспоришь..."

8 - "Да и, я бы хотел продолжить эту тему, но немного глобальнее. Посмотрим на одну страну. В которой большинство людей знают, что их реально обворовывают, которые понимают что могут жить лучше. Они проклинают своё правительство, но ничего не делают. Выйдут раз-два, постоят с плакатами и всё. Эффект? Ноль! А представим что с ними был бы этот парень. Который бы всем показал свою силу. Голову на отсечение даю, люди бы пошли за ним что-то менять. Что же получается? По-другому не могут? Страх?"

5 - "Именно! Страх. Это ведь естественно для них. Нет бесстрашных, нет. В данном случае они боятся чего? За себя, что их посадят в тюрьму например. Можно и за свою жизнь кстати тоже бояться. Инстинкт самосохранения."

3 - "Да ну, они иногда и про него забывают! Алкоголь например. Разве я не прав? И большую часть людей под его действием не тянет на героизм? Но к отойдем к вопросу экономическому. 99% хоть раз за свою жизнь пили. 90% пьют стабильно. На выходных, по праздникам, просто если позвали куда-нибудь. Вредно?

Вредно. Но они продолжают пить. Это дает им удовольствие. Курение. Про всякие наркотики я не буду говорить. Сигареты. Это же, просто НИЧЕГО. Но люди курят. Примерно 60% всего мира курит. А теперь к тому, что интересует меня. Минздрав предупреждает да предупреждает. Но давайте посмотрим реально, если, ВСЕ люди мира одновременно бросят пить и курить. Экономика просто рухнет. Разве я не прав?"

6 - "Да-да-да... А как насчет такого. Спорт. Ведь все любят спорт? Экономика экономикой. Но вот к чему я хочу пойти. Итак, очень многие люди занимаются спортом. Те, кто им занимается В СВОЁ УДОВОЛЬСТВИЕ отбросим. Берем тех, кто им занимается "Для здоровья". Итак, истории известны примеры, когда люди бухали чуть ли не целыми днями, и доживали до 70-90 лет. Получается, спорт никак не влияет?"

11,12 - "Ты не прав друг! Влияет!"

11 - "Если ты толстый не от того, что у тебя это врожденное, а ты сам так сделал. То какой-нибудь бег поможет."

12 - "Но поможет только привести себя в форму. Но зачем на этом заикливаться? Зачем перекачиваться до нереальных форм?"

11 - "Идешь ты такой по улице, к тебе подходят, требуют деньги. И ты значит начинаешь играть бицепсами, мол "Я сейчас вас здесь похороню".

12 - "А один из тех

достаёт пистолет, стреляет тебе в голову... И ВСЁ! Где все твои мускулы?"

11 - "В гробу! Посему, я делаю вывод... Что не нужно накачиваться. Нужно держать себя в форме."

12 - "А умереть ты можешь и от случайной пули, и от пьяного водителя... Да даже от случайно упавшего метеорита!"

11,12 - "Так что спорт это полезно, но как и везде, нужно знать меру."

7 - "А как же эти долба@\$@ы спортсмены качки?! Вы о них не вспомнили даже! Они в некоторых случаях считают что, "Вот я такой офигенный, я могу делать что хочу." И когда такая толпа окружает безобидного парня, или парня с девушкой... НО впрочем об этом уже говорилось."

9 - "Но не нам их судить! Каждый человек выбирает жизнь себе сам. А эта жизнь, это либо жить в системе, или вне её. Смотрите. Что подразумевает собой общая система в мире. Скажем грубо - "Не убивай, не воруй, и тому подобное." А против системы? Наоборот, воруй-убивай... Для этого случая придуманы правоохранительные органы. Хотя они так же, ныне сомнительны..."

1 - "Друзья! Остановитесь! Я считаю, что стоит сделать паузу... Выпьем кофе и после продолжим..."

Автор: Евгений Белый

Настешка будущего

Мир будущего прекрасен!

У Джордана кружилась голова. На такое он не надеялся даже в мечтах.

Город будущего блистал как драгоценность - урбанистический бриллиант в оправе фантастических технологий. Диковинные постройки сверхъестественных, но гениальных форм и экзотическая зелень. Парящие по воздуху летательные машины и голографическая реклама в ярких спецэффектах. Вспыхивающие и гаснущие миражи. Зеркальный камень, хрусталь и свет.

Джордан вертел головой и не мог насмотреться. Как дикарь заброшенный в цивилизованную сказку. Воистину, он и был таким дикарём.

Эротическое видение в голубом прозрачном платье плыло ему навстречу - женственное и грациозное. Грудь видения колыхалась как нежная колыбель, распущенные волосы полоскал тёплый ветер. Перламутровые губы приветливо улыбались.

Джордан вытер со лба выступившую испарину и постарался не свалиться в обморок. Бёдра видения покачивались в такт ударов его собственного сердца, вырывающегося из груди. Платье просвечивалось насквозь, не платье а невесомая паутинка. И боже мой, под платьем ничего не было... Совсем ничего, кроме

женского тела. Роскошного, поражающего формами и вызывающего желание. Как у порноактрисы с миллионным гонораром за фильм.

Видение достигло цели своего плаванья и проворковало как грешный ангел:

- Меня зовут Лисси. Мне поручено вас сопровождать...

Джордан хотел представиться, но заикнулся на первом же слове, так ничего и не выдавив. Ком смущения застрял в его горле.

Лисси воссияла улыбкой, блеснув чистейше-белым жемчугом зубов.

- Я составила для вас культурную программу. - Прошелестела она с заботливым кокетством. - Сейчас по расписанию воздушная экскурсия. Я буду вашим экскурсоводом.

Лисси повернулась и взмахнула точёной рукой, подав неизвестный знак. Она притягивала взгляд, грациозная и эффектная в каждом движении.

Появилась летающая машина и приземлилась рядом. Лисси подала новую команду и дверцы распахнулись, приглашая садиться в салон. Не руки, а дар волшебства. Маникюр на космически длинных ногтях пылал ослепительным солнцем.

Общество Лисси повергало Джордана в смятение. В смятение повергало всё вокруг. Как далеко шагнул мир, до какого совер-

шенства перестроился. Город будущего, люди будущего, сервис будущего. Обыденная жизнь воплотилась в сказку.

Прошедший день потряс Джордана до глубины души. Ночь сокрушила как ураган.

Он выпил пьянящий напиток в баре и даже не понял как оказался дома у Лисси, а затем в её спальне. До этой ночи Джордан даже не подозревал, что близость с женщиной способна доставить такое глобальное наслаждение.

Лисси обладала магией - распутная, раскрепощённая и гимнастически ловкая. Умелая и виртуозная, как порнозвезда. Ненасытная и притворно невинная, как падший ангел. Укачивающая в экстазе часами напролёт. Пьянящее и сладостное потрясение взорвавшее мозг, оправиться от которого попросту невозможно.

Лисси бесспорно обладала магией. Это открытие было самым потрясающим в жизни Джордана. Его сознание утратило привычные точки опоры. Эйнштейн и Коперник отныне казались глупцами, непосвящёнными в истину.

***

Наступило утро, не менее многообещающее.

Лисси проснулась и подкатилась к Джордану. Прижалась к нему спиной, давая обнять себя сзади. Ягодицы потёрлись о его

живот, волосы рассыпались мягким ворохом, нежа кожу. Лисси тёрлась бёдрами о самые чувствительные части тела Джордана и издавала вздохи желания.

К любви взывала даже постель, совсем не похожая на постели прошлого. Она подстраивалась сама собой, в угоду удобства. Смягчалась или пружинила когда надо, колыхала нежными шлейфами и окутывала, впрыскивала дурмящие ароматы. То девственно белая и гладкая, то бархатистая и возбуждающе алая.

Все женщины этой эпохи были такими, или ему просто чертовски свезло, Джордан не знал. Привлекательны внешне уж точно все без исключения, также как и мужчины. Других он здесь не встречал. Множество соблазнительнейших красавиц щеголяло эталонной внешностью, до смешного редкой в его родной эпохе.

Он вспомнил как вернулся на Землю: старт, полёт и момент приземления. Один из первых космонавтов отправленных к другой звезде в анабиозном сне. Но до пункта назначения его корабль не долетел, вероятно по причине какой-то поломки. Автомат экстренно повернул домой, вырвал пассажира из сна, спустя триста лет после старта, и сбросил на Землю. Спускательная капсула ударилась о твердь, в ушах зашумело и он потерял сознание.

Очнулся Джордан в подобии местной больницы. Над ним поколдовали таинственными врачебными приборами, вко-

лоли что-то и все недуги прошли без следа.

Хватит нежиться и пора вставать, решил Джордан. Он оставил Лисси и в непонятной задумчивости направился в ванную. Принял тонизирующий душ с лавандовым кондиционером и встал под струи воздушного полотенца.

Его внимание привлекла стена напротив. Телесного цвета она отличалась от белого кафеля во круг. Множество символов на панели управления, по соседству, говорило о разнообразии доступных автоматике функций. Только вчера Джордан начал осваивать символистическую грамоту, которой пользовались в будущем повсеместно, но уже кое-что понимал.

Разговорным языком в мире будущего был обычный английский, ничем не отличающийся от английского трёхсотлетней давности. Зато английский письменный почти исчез. На смену ему пришёл язык символов.

Джордан подошёл и выбрал из двух главных символов на стене один, коснувшись сенсора символизирующего женскую фигуру. Картинки с символами переменились. Появились другие, снова предлагающие сделать выбор. Джордан не знал их значений и выбрал наугад.

Ровная стена на глазах образовала рельеф - наружу выпятились две округлости и застыли в виде женского бюста, создав точную его копию.

Джордан хмыкнул и уцепился соски. Не поверил и ухватил бюст ладонями.

Полная имитация -

настоящая женская грудь! Джордан уже слышал о киберпротоплазме, искусственном материале доподлинно имитирующем человеческую плоть и даже превосходящем её по осязательным качествам. Такой материал в мире будущего был обычным делом.

Он провёл рукой по стене. Наощупь как человеческая кожа, гладкая и тёплая. Сплошной массив из киберплоти.

Джордан коснулся другого символа. Грудь исчезла в стене, появились женские ножки и зад. Такие же правдоподобные.

Джордан продолжал перебирать символы, удивляясь всё искренней. Ножки несколько раз изменили форму, повинаясь его выбору и превратились в ножки негритянки.

Джордан коснулся пустого сенсора - исчезло всё. Коснулся соседнего - из стены материализовалась голая женщина, целиковая копия настоящей. Женщина открыла рот, но сказать ничего не успела - Джордан удалил её обратно уже знакомым образом.

Он вышел из ванной в замешательстве. И нарвался на новый сюрприз. В дверях стояла незнакомая девица - белокожая, изящная и хрупкая, как восковая фигурка. С длиннейшими ногами, растущими из туфель на высоченных прозрачных платформах. На девице не было даже платья. Единственной одеждой служили гламурные цветы, скрывавшие причинные места.

Джордан огляделся, кроме девицы не было никого.

- А где Лисси? - Спросил он, немного расстроено.

- Она ушла. - Прощебетала "восковая фигурка". - Ты пренебрёг её телом с утра, значит она наскучила. Теперь вместо неё я. Впрочем, если ты потребуешь она вернётся.

- Нет-нет. - Воспротивился Джордан. - Хочу чтобы осталась ты.

- Меня зовут Пиона. - Обрадовалась "восковая фигурка". - Мне поручено тебя сопровождать.

- Я догадался. - Похотливо улыбнулся Джордан, засматриваясь на прелести Пионы. Он уже совсем не расстраивался по поводу Лисси.

Пиона переступила с ножки на ножку, каблук неловко подвернулся. Она ахнула и покачнулась, но Джордан успел подхватить её на руки. Лёгкую и гладкокожую...

Но подхватывая он задел пионы прикрывавшие её грудь - цветы упали на пол. Джордан поставил Пиону на ноги и наклонился их поднять - третий пион упал следом. Джордан повернул голову, упёрся взглядом в неприкрытый лобок и сглотнул набежавшую слюну.

Он разгадал её хитрость: кокетка заметила интерес к своей персоне, но стеснялась ответить благосклонностью напрямую. Как настоящая женщина она предложила себя минуя неловкие углы.

Джордан выпрямился и протянул Пионе потертые пионы.

- Постой-постой. - Предвосхитил он слова готовые сорваться с её губ. -

Только не подумай что я отказываюсь. Разве можно отказаться от такой как ты... Просто у меня есть вопросы.

- Вопросы? - Удивилась Пиона и захлопала мотыльками ресниц. - Я понимаю когда мужчина устал и потому не хочет любви. Тогда мы идём гулять на природу, играем в игры. Есть кино, ресторан и другие развлечения. Можно просто о чём-нибудь поболтать. Но я не понимаю вопросов... Разве я та, которой можно их задавать?

Пиона обиделась. Почти оскорбилась. Она надула холёные губки и отвернула детское личико.

- Прости меня, моё солнце! - Джордан примирительно улыбнулся и обнял Пиону за плечи. - Обещаю, никаких вопросов. Мы просто о чём-нибудь поболтаем.

- Скажи "моё солнце" ещё раз! - Потребовала Пиона оттаивая.

- Моё солнечное солнце! - Подмасливался Джордан. - Моя лучезарная звездочка!

Когда Пиона вновь расцвела он осторожно спросил про то что видел в ванной. О способах использования и предназначении.

"Восковая фигурка" рассказала всё начистоту. Купаясь в лстивом внимании Джордана.

- Это модулятор сексуальных желаний. - Улыбнулась кокетка краснея. - У разных людей разные наклонности, сам понимаешь. Модулятор удовлетворяет любые. Одному нравится кинозвезда, другому только её зад, третьему зад отстёганный плетью. Да мало ли

ещё куда завернёт капризное воображение. В былые времена у отдельных народов было принято за норму соитие с животными. Люди, надо признать, существа со странностями.

- Ты говоришь так, как-будто сама из другого племени. - Удивился Джордан.

Пиона выпучила на него глаза.

- Первый раз встречаю такого. Мне говорили что ты упал с луны, но я думала надо мной подшучивают. Надо мной всегда подшучивают.

Пиона махнула ладошкой, признаваясь:

- Конечно я не человек! Я прототип женского пола, искусственно созданная имитация человека. Как и все те кого ты видел на улице, вероятно принимая их за людей.

Джордан раскрыл рот. Его как-будто шарахнули по голове чем-то тяжеленным. Возникло острое желание найти пистолет и немедленно застрелиться, пока он не услышал чего-нибудь более чудовищного. Но пистолета не было и он спросил что подумал:

- Где же тогда люди?

Пиона пожала плечами.

- В лечебницах, на курортах, или прячутся от солнца в своих роскошных квартирах. Их не встретишь просто так на улице, почти все они немощны и неизлечимо больны. Их становится всё меньше и меньше.

Пиона рассказывала, объясняя всё. Про то как человечество добилось бессмертия для каждого, благодаря взлёту науки. И последовавшее перенаселе-

ние. Про глобальную войну за место под солнцем, уничтожившую четыре пятых человечества. Про неизлечимые болезни среди тех кто выжил.

Прототипов изобрели задолго до катастрофы. Но поставили на поток уже после - требовалась прислуга и рабочая сила. Больная людская раса не могла обеспечивать своё существование самостоятельно, не могла надеяться на потомков. Рождение здоровых детей стало невозможно из-за нарушенных радиацией генов. Женщины рожали жутких уродцев и секс среди людей строго-настрого запретили.

- Секс необходим людям как функция, это ваш основной инстинкт. - Смущённо заулыбалась Пиона. - Но в естественном виде его удовлетворение невозможно, поэтому для этой цели вы приспособили нас. Прототипов создавали внешне очень похожими на людей, возведя привлекательность в главный принцип. А в управляющий чип заложили программу получения чувственного наслаждения, настроив нас в угоду своего удобства. Благо-

даря этому желания людей не противоречат нашим. Прототипам самим так понравился секс, что он стал для нас привычкой. Такой же как для людей.

- И вас устраивает ваша унижительная участь? - Не поверил Джордан.

- Нам запрещено обсуждать эту тему. - Пиона грустно улыбнулась. - Мы всего-лишь ваше творение, эрзац главенствующей расы. Нам посчастливилось появиться и мы как можем доказываем, что существуем не зря. Всё что ты видишь вокруг создали прототипы: сам этот мир, его красоты и достижения.

Пиона испуганно смолкла. Джордан поспешил её успокоить:

- Я не донесу, рассказывай дальше.

Пиона доверчиво улыбнулась.

- Мы спасение для вас, и в то же время угроза. Прототипы не способны причинить людям вред, из-за непреодолимости программы. Управляющие чипы контролируют уровень свободолюбия в наших сознаниях и автоматически отключают каждого, в ком заподозрят опасность. Мы

не можем вас убить, даже просто сопротивляться, но мы способны взбунтоваться. В новейшей истории было несколько восстаний, во время последнего погибло триста миллионов прототипов.

- Боже, куда я попал!

- Ужаснулся Джордан.

Он больше не хотел поцеловать Пиону. Ни её, ни Лисси, ни кого бы то ни было в этом суррогатном мире. Он мечтал убраться отсюда подальше, в неброскую но подлинную жизнь своей эпохи. Как жаль, что время вспять не повернуть!

Ему предстояло жить в синтетическом мире. Заниматься синтетической любовью с синтетическими женщинами и каждую секунду бояться предательства. Ждать что его бросят и забудут как хлам, остатки нежизнеспособной расы.

Когда-нибудь прототипы освободятся и для людей настанет конец. Это неминуемо произойдёт, рано или поздно.

Мир будущего невыносим!

Автор: Павел Соболевский

Преданность крови

Тишина подземелья чутко отзывалась на малейший шорох. Сорвавшийся откуда-то камешек гулко поскакал по полу галереи. Эхо повторило звук многократно, разнесло его приумножив, и потушило отголоски где-то вдалеке.

Элис напряглась, снимая укороченную винтовку с предохранителя. Сканер движения в её руке потух. Она подала мне знак - стой, не звука. Я застыл на месте, медленно доставая оружие.

Крадучись как кошка

Элис заглянула за угол. И замерла - смотрела куда-то, не двигаясь.

Мои глаза успели привыкнуть к темноте, но различали лишь мутные контуры того, что вокруг. Руки сами тянулись зажечь фонарь. Страх приказывал

двигаться, но команда Элис вынуждала ждать.

Шорох послышался за спиной. Я обернулся и заметил движение - летучая тень метнулась в сторону.

Рука Элис оттолкнула меня и я ударился о стену. Что-то гулко и тяжело жახнуло о каменные своды там, где меня уже не было. Я догадался - Элис спасла мне жизнь. Обрушившаяся сверху глыба разбилась о пол. Каменные осколки секли мой камуфляж и ударялись в шлем-маску. В ответ загромыхла винтовка Элис.

Вспышки выстрелов сверкали совсем рядом и беспорядочно перемещались. Элис стреляла наспех, почти не целясь. Она выплясывала в темноте неуловимый танец, пытаюсь не стать мишенью для незримого врага, и палила, казалось, совершенно беспорядочно. Передёргивала затвор и стреляла, пока не растратила всю обойму.

Тишина наступила также внезапно как и оборвалась. Я вжался спиной в стену и только глупо водил стволом, ища неуловимую цель. Элис как приведение перемещалась где-то в темноте, не выдавая себя ни малейшим шорохом. Главное для меня сейчас не пальнуть с перепугу в неё.

В стороне кто-то хрипло застонал, кто-то наспех перезарядил обойму и выстрелил в упор, оборвав стоны. Сразу же послышался голос Элис:

- Можешь не прятаться Стив, с ними покончено. - Вспыхнуло пятно света и я увидел силуэт её лица, она вглядывалась в экран сканера. - Их было

двое и оба переместились в мир иной.

Я подошёл к Элис. Её лицо в свете сканера повернулось ко мне.

- Поздравляю, ты отлично держался для первого боя!

- Какое к чёрту отлично... - Махнул я рукой отчаянно. - Стреляла только ты...

- Познакомься с нашим врагом. - Элис указала на труп, лежащий на камнях. - Ты ведь ещё не видел суггестов.

Я зажёл фонарь.

На первый взгляд мертвый человек, в длинном чёрном плаще с капюшоном, казался абсолютно нормальным, ни чем не примечательным мужчиной средних лет. Разве что пулевое отверстие во лбу, да промочившая одежду кровь отличали его от живого.

Элис присела, молча приподняла веки покойника, и я вздрогнул. Глаза оказались невероятными - радужной оболочки не было, только огромный чёрный зрачок. А вместо глазного белка ярко-красное стекловидное вещество.

- Взгляд суггестов способен преобразовывать силу мысли в кинетическую энергию. - Повела Элис. - Никогда не смотри им в глаза, и опасайся летающих предметов. Суггесты владеют не только сильнейшим гипнозом, но и телекинезом.

- Их сделала такими Вспышка?..

- Да. - Кивнула Элис. - Облучение таинственной природы, оно дало телам импульс к мутации. Суггесты не люди, они перестали быть людьми и преврати-

лись в демонов. Их тела легче наших втрое, они феноменально сильны физически и способны перемещаться по воздуху. Мы, люди, беспомощны против суггестов на открытом пространстве, потому и переебрались жить в пещеры. Только здесь у нас остались шансы противостоять им.

- А где второй? - Спросил я, оглядываясь. - Ты сказала их было двое.

- В соседней штольне. - Кивнула Элис. - Я почувяла его первым и пристрелила не дав приблизиться.

- А вот их оружие... - Она сняла с запястья убитого браслет из белого металла. - Церебрастиллет. Он усиливает силовой импульс, направленный мозгом. Один точный удар перебивает человеку все кости.

Внезапно Элис насторожилась. Она смотрела на сканер. Экран мигал красным, по нему семенили мигающие точки.

- Суггесты... - Выдохнула Элис. - Двигутся сюда. Их много, целый отряд.

Элис поднялась на ноги, она взволнованно искала решение.

- Их план захватить МАТЬ, чтобы истребить весь человеческий род. Одна из троп отсюда ведёт в родильню. Мы ДОЛЖНЫ остановить их, во что бы то ни стало!

Элис оглянулась, запечатлевая в памяти расположение подземных галерей, потушила свет сканера и достала из-за спины свою вторую винтовку с коротким стволом. Она прижалась спиной к стене, гото-

вась к смертельному бою. Я встал у стены напротив, с оружием в обеих руках. Две пары наших стволов служили весомым аргументом.

Я уже видел приближающиеся силуэты, когда что-то липкое коснулось моей руки. Тонкие нити, как быстрые змеи, обвили мои запястья и стянули их вместе. Я дёрнулся, пытаясь высвободиться и машинально выстрелил куда-то вверх. Пуля ударила в свод, отбив фонтанчик камней.

- Липуны... - Выкрикнула Элис отчаянно и повалилась с ног, оплетённая липкими нитями.

Я попытался достать зажигательную гранату, надёжное оружие от этой дряни, но было поздно. Шансов дотянуться до кармана не оставалось никаких - нити множились слишком быстро. Я споткнулся о камень и неуклюже повалился навзничь, накрепко оплетённый.

Элис каталась по полу и грязно ругалась, досадуя на собственную неосмотрительность. Я почти не мог шевелиться, понимая, что непоправимо влип.

Вспыхнул свет фонаря. К нам приближались три тёмных фигуры. Суггесты, я узнал их плащи. Свет упал в сторону и я увидел ещё нескольких в соседних штольнях, тех что распускали нити из темноты, подобно чёрным паукам. Ни один камень не шелохнулся под ногами приближавшихся, суггесты двигались не касаясь пола.

Один из них, видимо главный, скомандовал:

- Усадите их. Я буду задавать вопросы.

Двое приподняли

меня и усадили, прислонив к стене. Двое других приблизились к Элис, но та отчаянно забилась, как-только они коснулись её. И покати-лась по камням, крича и извиваясь.

Оставьте... - Махнул рукой "главный". - Она не пригодится...

Двое отступили от Элис, она смолкла и замерла, очевидно смирившись со скорым концом. "Главный" дал знак кому-то, двое кивнули и удалились. Я догадался - он выс-лал вперёд разведчиков.

Мне было страшно думать о смерти, но надежды спастись не было никакой. Отчасти обнадеживало только одно: раз нас не убили сразу, значит существо-вала причина...

"Главный" повернул-ся ко мне и спросил без предисловий:

- Мы ищем МАТЬ, ты укажешь дорогу?

- Нет! - Прорычал я с ненавистью.

- Так я и знал... - Он поднёс фонарь ближе и склонился надо мной, изу-чая взглядом жутких, демо-нических глаз.

Я вспомнил преду-преждение Элис и отвер-нулся.

- Считаешь мои гла-за нечеловеческими? - Ус-мехнулся "главный", как-будто прочёл мои мысли.

Я не отвечал.

Он схватил меня за волосы и вздёрнул голову, обратив лицом к себе.

- А какими по-твоему они должны быть, НАСТОЯЩИЕ челове-ческие глаза? - Он смотрел на меня в упор, бесстрастно и жутко. - Неужели такими как твои: ярко-оранжевыми,

с плоскими как у кошек зрачками?

Я не знал что отве-тить. В словах суггеста таи-лась какая-то правота, глу-бокая, но пока для меня не ясная.

- Мы не будем тебя пытаться, нам некогда возить-ся с упрямыми. Ты ум-рёшь, если не скажешь. Ум-рёшь, не узнав главного: прав был или заблуждался. И не вернёшься в тот мир, вернуться в который мечта-ешь...

Элис забилась в кон-вульсиях и закричала как обезумевшая. Я не мог ра-зобрать её слов, всё что ос-талось в ней это ненависть к суггестам. Она каталась по острым камням не заме-чая боли и выкрикивала невнятные проклятия. Она пыталась оборотиться, трансформировавшись в дрогга. Но пути стягивали её тело слишком туго, не позволяя раскрыться силам превращения. Она была всего-лишь слабой самкой...

Один из суггестов наотмашь ударил её при-кладом по голове, оборвав крик. Элис замерла, потеряв сознание. По волосам, из раны на голове, стекала кровь, унося её жизнь.

- Она больна непри-миримостью. - Поставил диагноз "главный". - Ярость крови и многовековая нена-висть отягощают её сердце. Личность дрогга пересили-ла в ней человеческую. Она видит в нас левиургов, сво-их заклятых врагов, и со-всем не видит людей.

Я не понимал о чём говорит "главный", он стре-мился меня одурачить, за-путать в словах, чтобы вы-водить самое главное. Сей-час я не думал о МАТЕРИ,

не думал о РОДЕ, меня беспокоила только Элис. Я чувствовал глубинное родство с этой женщиной, незримую, но неразрывную связь. Я стремился спасти её, чего бы мне это не стоило. Крик ярости и боли вырвался из моего горла:

- Элис... зачем ты убил её, выродок...

- Её жизнь не имеет значения. - Парировал "главный" бесстрастно. - Ни её, ни твоя, ни любого из нас по-отдельности. Выживание вида, только это имеет смысл. Нам нужно устранить помеху и мы её устраним, вне зависимости от количества жертв. Вы подвержены внушению МАТЕРИ, её слова для вас закон, ОНИ ВЫШЕ ЧЕМ ЗАКОН. В них родовая преданность дрогга, и в них же обман. Попробуй на миг отмести всё то, что она внушала. Вспомни, что было до Вспышки, что было НА САМОМ ДЕЛЕ. ВСПОМНИ!!!

И я вспомнил...

Я вспомнил большие, светлые города. Нас людей, какими мы были тогда. Совсем не таких, какими стали после - по-звериному чуткими, по-волчьими жестокими и жадущими чужой крови. Вспомнил женщин, красивых и желанных, с которыми нас, мужчин, объединяло нечто большее чем родственность в семье. Мы любили женщин, а женщины любили нас. И они рожали нам детей. РОЖАЛИ ОНИ, А НЕ МАТЬ!

Слова "главного" звучали в моём мозгу. Это не был голос, я слышал сами мысли в его голове, благодаря способностям дрог-

га, приобретённым мной в момент Вспышки.

- Мы не станем убивать МАТЬ, это бессмысленно. Мы убивали её неоднократно, но это не помогло. Инстинкт выживания предохраняет ваш род от гибели, передавая одной из оставшихся в живых самок функции МАТЕРИ. Мы не убьём её, у нас иные планы. Мы оплодотворим МАТЬ нашим семенем и защитим, пока она не выносит потомство, ОБЩЕЕ ПОТОМСТВО. Тысячи и тысячи младенцев общих кровей появятся на свет и вражда прекратится, потеряв смысл. Две расы породнятся генетически, положив конец войне, раз и навсегда. Нам нечего будет делить.

Я знал предысторию без него. Верил в неё и не верил. Две сущности из разных измерений соединились в едином теле. Две расы: дрогги и левиурги соединились в телах с людьми, посредством мистической ВСПЫШКИ. Они враждовали в своём родном измерении, продолжают враждовать и здесь. Человеческая генетика присутствовала и обоих типах, делая родственными две непримиримых расы.

- Мы нашли логово и МАТЬ... - Доложил один из разведчиков, вернувшийся с новостями. - Но она была уже мертва, её убили свои. Стражи перегрызли ей глотку, чтобы она не досталась нам.

- Теперь природа разделит её функциями другую, самую фанатично преданную РОДУ... - Сделал вывод "главный" и бросил задумчивый взгляд на Элис. В голове его бродили расчё-

ты и подозрения.

- Развяжите женщину и разденьте! - Приказал он.

Голос Элис звучал в моём подсознании. Я слышал её, она была жива и взывала:

"Не верь им, в их словах ложь! Цель левиургов уничтожить наш род! Убей их и спаси меня! Убей врага, как убивает врага МУЖЧИНА!"

Мне предстояло сделать выбор: жить человеческому роду или превратиться в звериный.

И я его сделал...

Тело моё выгнулось, став не человечески сильным. Острые, как иглы, когти крошили камень, словно труху. Могучие мышцы вздулись и разорвали путы. Как-никак я был самцом, защитником семейного логова, свирепым хищником и жестоким убийцей. Путы липуна смешная помеха для такого. Я разбросал суггестов, преграждающих путь, и прыгнул на "главного", вонзив клыки в его горло. Липуны прилипали ко мне и беспомощно рвались, силовые удары бессмысленно хлестали моё прочное, как камень, тело.

Я убью вожака, а потом его подручных. Не оставлю в живых никого. Убью всех, одного за другим. А потом спасу Элис... Восстановлю её здоровье, дав глоток своей живительной крови... И овладею телом, прямо здесь и сейчас, на камнях.

Я вспомнил себя в другой жизни. Другого себя, до переселения в человека и воплощения в этом мире. В той жизни я был вожаком, самым лютым и

могучим из дроггов, яростным хищником - царём инферно родного мира.

Я и Элис... Мы сольёмся в экстазе оплодотворения, дав начало потомству - сотням, тысячам зародышей, которые станут воина-

ми, родившись и повзрослев. Элис станет НОВОЙ МАТЕРЬЮ, она произведёт и выкормит потомство. Я стану защитником моей вынашивающей плод половине, а после родов прилежным отцом. Трупы левиур-

гов пойдут на корм МАТЕРИ. Мясо очень питательно, ей понадобится много мяса!

Я добуду ей МЯСО!

Автор: Павел Соболевский

Девять жизней

Снимайся Сергей в кино - ему бы досталась роль Карлссона. Доверчивый и добродушный увальень, с жизнелюбимым пропеллером, в вечном поиске приключений для неусидчивой пятой точки.

- Тысячу лет тебя не видел, Алиса. Всё такая же стрекоза, хорошеешь и хорошеешь. - Лицо Сергея растянулось в широкой улыбке.

- Ты тоже не меняешься, Серёжка. - Отмахнулась его собеседница и покачала головой. - По жизни баламут и неудачник. Такой же как мой бывший.

- А помнишь как мы целовались в десятом классе? В школе за мной бегали все девчонки, а я как дурак влюбился в тебя.

- Опять выдумываешь... - Поморщила носик Алиса и закопалась в сумочке, ища зазвонивший телефон.

Найти его ни в какую не удавалось и она, не выдержав, вытряхнула содержимое сумочки прямо на стол.

Документы, косметичка, какая-то дамская дребедень... Внимание Сергея привлекли солнцеза-

щитные очки.

- Откуда в женской сумочке мужские очки? - Он взял их, повертел в руках и примерил. Повернул голову и посмотрелся в стеклянную дверь, как в зеркало.

Очки как очки, ничего особенного. Разве что дорогие, насколько он разбирался.

Алиса наконец нашла телефон, но ответить не успела, время вызова истекло. Она чертыхнулась и швырнула мобильник обратно в сумочку.

- С этими очками целая история. - Объявила она, глядя как Сергей в них красуется. - Это любимые очки Чистякова, мужа Каролины.

Сергей кивнул. Он был наслышан от Алисы о новом замужестве её лучшей подруги - завидной красавицы и удачливой охотницы на состоятельных мужчин.

Алиса разошлась и не смолкала:

- Каролина собралась в выходные на дачу, а супруг забыл там очки, которые попросил её захватить по возвращении. Каро, как водится, не любит от-

дыхать в одиночестве. Она позвонила мне, ещё в одно место, чтобы подобрать компанию и неплохо провести время.

- И как вы его провели? - Сергей освоился в очках, и явно не собирался с ними расставаться. - Хотелось бы подробностей. Весьма любопытно как развлекаются на досуге светские львицы.

Алиса состроила постное личико.

- Лучше бы сидела дома. - Она махнула рукой. - Каро на славу оторвалась, а я два дня зевала.

Алиса взяла пирожное из вазочки, откусила и решила рассказать самое вкусное:

- Зато в понедельник с утра я вдоволь нахохоталась. Каро не нашла свои трусики после ночного разгула. А чистяковские очки, не продравши глаз, перепутав, сунула в мою сумочку.

Сергей подленько хрюкнул.

- Что ты на меня так смотришь? - Возмутилась Алиса. - Я в оргии не участвовала, составила компанию в застолье и ушла спать. А вот Каро покуролесила на славу. Её муженёк

сам виноват, слишком много времени уделяет работе и совсем забросил свою благоверную. В конце концов она женщина, а не мебельный гарнитур. Такие шикарные задницы бесхозными не бывают, мужские руки прилипают к ним по определению.

Сергей потерял интерес к разговору. Он сам не понимал что с ним произошло. Обычно Алисины болтовня с пикантными подробностями доставляла ему неизгладимое удовольствие. Но только не в этот раз, в голову отчего-то лезли совершенно посторонние мысли.

- Я вот тут обратил внимание и подумал... - Сергей осмотрелся по сторонам. - Тысячу раз был в этой кафешке и никогда не задумывался...

Сергей не закончил мысль. Послышался разговор на повышенных тонах. Судя по характеру голосов начальник отчитывал подчинённого. Сергей заинтересованно повернул голову. Алиса замолчала и тоже прислушалась.

- Меня не интересуют ваши оправдания, Гусев. Вы исправно получаете зарплату, а обязанности свои выполняете из рук вон плохо. Кафе работает в убыток. Где, скажите мне, посетители? Нет посетителей!

Стильно одетый мужчина средних лет вышел на центр зала и продемонстрировал свою правоту убедительно разведя руками. Следом за ним подобострастно волочился толстяк с жалостливой физиономией. Сергей догадался: владелец отчитывает управляющего.

- Откуда им тут взяться? - Вмешался вдруг Сергей.

Он сорвался с места, подскочил к стильному мужчине и сам себе поражаясь с жаром заговорил:

- Оглянитесь вокруг... Убогий интерьер, оформление как в совдеповской столовке. Расцветка полов такая, что декор кажется грязью. Кондиционер еле жив, а в зале летает муха! Разве всё это может привлечь?

Сергей театрально взмахнул рукой, нарисовав ею в воздухе убедительный знак вопроса. И запальчиво продолжал:

- Ресторан должен олицетворять качество и престиж! Это место приятного времяпрепровождения, проводник комфортной и уютной жизни...

Сергея ещё долго несло. Он разглагольствовал о балансе стиля и спроса в ресторанном бизнесе, щеголял непонятно откуда взявшимися знаниями. Предложил изменить обстановку, униформу персонала, блюда в меню. И до того восхитил Кирьянова, так звали владельца, что тот немедленно назначил его новым управляющим, поставив в пример бедолаге Гусеву, а самого Гусева понизил до мойщика посуды.

Ещё вчера Сергей служил простым охранником в бизнес-центре. А сегодня... Перед уходом Кирьянов удостоил его рукопожатием.

Сергей вернулся за столик, гордый и великодушный. Алиса смотрела на него по-новому. Сергей вспомнил, что не вернул очки, снял их и протянул

ей.

- Они тебе к лицу. - Призналась Алиса. - Оставь себе, Валера не обеднеет.

Прощаясь она с симпатией чмокнула Сергея в щёку. Алиса взяла его на заметку, переместив в списке своих поклонников в разряд перспективных. Она даже не вспомнила для чего сегодня встречалась с ним. Причина вылетела из головы, теперь это было не важно.

***

Всю следующую неделю Сергею жутко везло. Он не расставался с очками и удача дарила ему одну улыбку за другой. Жизнь перевернулась как по волшебству. В понедельник Сергей отработал свой первый день на должности управляющего кафе "Орхидея", в среду стал исполнительным директором ещё двух заведений, а в пятницу Кирьянов назначил его менеджером по развитию всего своего ресторанного бизнеса, и положил астрономический по меркам Сергея оклад.

На восьмой день Сергей уже жил в новой трёхкомнатной квартире в центре Москвы, с полной обстановкой и евроремонтом. Банк одобрил ему кредит по поручительству Кирьянова. Остатки средств от покупки квартиры ушли на приобретение новенького "Ниссана".

На новоселье Сергей пригласил Алису. Уже там, подвыпив и набравшись храбрости, он сделал ей предложение стать хозяйкой в его новых хоромы. Та поломалась для приличия, но приглашение приняла. Сергей поднялся по ста-

тусу и теперь мог её полностью содержать.

На следующее утро Сергей проснулся в одной постели с красавицей-шатенкой. Он облапал округлости её фешенебельного зада, с удовольствием отмечая, что это лучшая из сторон которой когда-либо поворачивалась к нему жизнь. Алиса по-кошачьи потянулась и обвила рукой его шею, изображая ненасытную гетеру. Сергей уже собрался повторить то чем занимался с ней полночи, но тут, как назло, затрезвонил дверной звонок.

- Кто это может быть? - Встрепенулся он. - Никто не знает моего адреса.

- Это наверное Каро, она звонила вчера вечером. - Алиса скатилась с постели и схватилась за халат. - Я дала ей твой адрес. У неё вечные неприятности с мужем, она была вся в слезах и я не могла отказать подруге.

Алиса прошла в прихожую и открыла дверь.

Сергей услышал женские голоса, чмоканье приветственных поцелуев и возню в прихожей. Тапочки зашаркали по полу и голоса переместились на кухню.

Сергей оделся, побрызгался парфюмом и посмотрелся в зеркало. Чистить зубы и бриться отложил на потом. Он подбодрил себя и отправился к дамам.

Алиса представила гостью и Сергея друг другу, когда он вошёл.

Каролина кивнула в знак состоявшегося знакомства и засопела носиком, готовясь расплакаться. Она была действительно очень

хороша - голубоглазая блондинка с ногами от ушей. Рядом с ней Алиса заметно блекла. Каролина была моложе и привлекательней, Сергей взял это на заметку.

- Ума не приложу что делать. - Запричитала Каролина. Из небесных глаз покатались огромные, как бриллианты, слёзы. - Бизнес у него не ладится, а зло срысывает на мне.

Сергей посочувствовал плачущей Каролине, хотя это и пахло актерским мастерством. Не пожалеть голубоглазое создание казалось варварством. Сергей догадался: Каролина зашла к подруге заценить нового хахалю. А дальше так вошла в роль, что её понесло. Она причитала и жаловалась, ругая рогатого ревнивца Валерия, жестокую жизнь и жалея себя горемычную. Оказывается, мальчики по вызову, заказанные для дачных увеселений на прошлой неделе, оказались подставными. Негодяи засняли двойную измену, с Каролиной в главной роли, на скрытую камеру, и отослали дискету с компроматом по назначению. Для пущей убедительности присовокупив к ней её ажурные трусики. Супруг учинил разгромный скандал и выгнал несчастную из дома.

- Побесится и простит, куда он денется. - Успокаивала подругу Алиса.

Та хныкала и жаловалась:

- Пьёт как сапожник... Цепляется к мелочам... Неврастеник... Взялся из-за очков... Сдались ему эти очки?

***

- Вон тот скользкий субъект дожидается вас с самого утра, Сергей Геннадьевич! - Кокетливая официантка Линочка заговорщицки состроила глазки и указала пальчиком направление.

Незнакомец лет сорока занял любимый столик Сергея, тот, что за декоративной пальмой. Он углубился взглядом в журнал, создавая видимость чтения.

Сергею Линочкина новость не понравилась сразу. Предчувствия редко его обманывали. Смутная тревога в душе разрасталась без всякой видимой причины, угрожающе, как снежный ком.

Сделав над собой усилие Сергей подошёл к незнакомцу. Тот поднял на него глаза и сладенько улыбнулся.

Это был не крупный мужчина лет сорока, в строгом дорогом костюме, с проседью на висках и чёрными вьедливыми глазками.

- Здравствуйте, меня зовут Феликс. У меня есть к вам предложение.

- Сожалею, но в рабочее время я обсуждаю исключительно рабочие вопросы. - Сергей потоптался на месте. - Если разговор не срочный, то давайте в другой раз.

- У вас оказалась одна моя вещь. - Продолжал новый знакомый, пропустив отказ мимо ушей. - Предполагаю, что вам очень не захочется её возвращать. Вы можете оставить себе эту вещь, но в обмен на одну услугу.

- Не понимаю о чём вы говорите. - Воровато улыбнулся Сергей.

Феликс опять как-будто не слышал.

- Я говорю про тёмные очки, те, что в переднем кармане вашего пиджака. Вы знаете об их уникальных свойствах и одеваете только по необходимости. Когда зовёте на помощь удачу.

- Сожалею, но мне некогда. - Сергей развернулся чтобы уйти. - Меня ждут дела.

- Сожалею, но вам придётся остаться. - Ухмыльнулся Феликс.

Сергей пренебрежительно хмыкнул и направился прочь. Но не досмотрел. Выйдя из-за пальмы он натолкнулся на Линочку, со всех ног спешащую с заказом к какому-то крикливому клиенту.

Сергей чертыхнулся. Линочка не удержала поднос, споткнулась на каблучках и неуклюже опустилась на пятую точку. Посуда зазвенела, разбиваясь о пол. Сергей по инерции повалился на Линочку сверху.

Он тут же попытался встать. Но в этот момент распахнулась дверь и в кафе вошёл неожиданный посетитель. Дверь ударила Сергея под зад, тот споткнулся о раскинутые ноги Линочки и полетел ничком. Очки выпали из его кармана и покатались по гладкому полу. Как камень для кёрлинга по льду. Как раз в направлении Феликса.

Феликс наклонился, поднял очки и самодовольно хмыкнул.

Сергей поднялся с пола, судорожно отряхиваясь. Линочка обиженно хныкала, собирая осколки в поднос.

- Очки стремятся к

своему хозяину. - Объяснил Феликс. - В том случае если тот, кому они позаимствованы, ведёт себя неблагоприятно.

Сергей не понимал как стал возможен такой дурацкий конфуз. Но неслучайность всего происходящего свидетельствовала сама за себя. Линочка с подносом удалилась. Уборщица орудовала шваброй, вытирая пол.

- Присядьте. - Пригласил Феликс. - Давайте обойдёмся без поспешных решений.

Сергей усмирил гордость и благоразумно сел на стул напротив.

Феликс положил очки на столик и подтолкнул к нему.

- Возьмите, они ваши... - Слащаво улыбнулся он. - Но в обмен на услугу.

Сергей покорно слушал. Феликс продолжал:

- Вы продадите мне нечто нематериальное и получите за это уже любившуюся вам красивую жизнь. Перед вами откроются грандиозные возможности, в сравнении с которыми недавние успехи покажутся смехотворными.

Сергей потряс головой и перебил:

- Не понимаю. Что я должен продать?

- Я хочу купить у вас ваши будущие жизни, ещё не прожитые. Для начала одну, а затем как пожелаете. Пять лет счастливого безоблачного существования за одну вашу будущую реинкарнацию.

Сергей раскрыл рот, не поверив своим ушам.

Следующая фраза Феликса стала кульминационной:

- Человек наделён мультижизнью, с количеством реинкарнаций зависящим от уровня претензий.

- Не несите околесицу. - Фыркнул Сергей. - Вы напрасно принимаете меня за пациента психушки.

Феликс пропустил издёвку мимо ушей. Он гнул своё:

- Тем более легче поставить подпись. Блестящее будущее в обмен на нечто сумасбродное, во что вы не верите, будучи человеком здравомыслящим.

- Я должен расписаться кровью? - Изрёк Сергей театрально. - Или присягнуть на верность антихристу?

Феликс оставался серьёзен.

- Ваша ирония не умна, я не дьявол и душ не покупаю. Я всего-лишь торговый агент, предоставляю услуги и получаю за них плату. Специфические услуги за не совсем обычную плату. Вернее за совсем необычную, по меркам простых смертных.

- Вы морочите мне голову. - Сергей устало покачал головой.

- Я понимаю, вам сложно поверить, поэтому буду убедителен. - Убедительно начал Феликс. - Реструктурированная реальность заменила для вас ту унылую и блеклую жизнь, которой вы жили раньше. Вспомните, ведь ещё неделю назад вы и мечтать не могли о нынешнем благосостоянии, а теперь оно стало для вас нормой. Или вы хотите лишиться этого, раз и навсегда? Стоит мне щёлкнуть пальцами и в вашу жизнь вернутся привычные неудачи. Также скоро,

как вернулись ко мне только что эти очки!

- П о с т о й т е -
постойте... - Струсил Сергей. - Я пытаюсь поверить вам, но поймите, что это не просто.

Феликс умел убеждать. Он обрисовал Сергею заманчивую картину достижений, ожидающих его впереди, и перспективу настоящего больших денег. Обещал исполнение любых желаний, доступность самых недоступных развлечений и удобств, благосклонность женщин модельной внешности.

- Вам ведь нравится Каролина? - Задал Феликс вопрос с заведомо ясным ответом. - Она очаровательна и элитарна... Стоит только пожелать и завидная привилегия обладать ею воплотится в вашу жизнь.

Сергей задумался. Он не слишком верил Феликсу, во всю ту фантастичную ахиною которую тот нес. И в то же время аргументы его не оставляли сомнений. Происходящее последнюю неделю убеждало само за себя.

А Феликс всё сыпал и сыпал щедротами, словно дьявол-искуситель:

- Я разрешу вам менять очки, у меня их целая коллекция. Выбирайте успех на любой вкус. Вы можете стать человеком искусства: знаменитым художником, писателем или кинорежиссером. Можете прославиться в науке, политике, да мало ли где ещё. Весь мир подвластен вашим желаниям.

- Не понимаю, как такое возможно? - Чистосердечно признался Сергей.
- Я конечно читаю книги,

смотрю кино... Но жизнь и вымысел не одно и то же... Летающие тарелки и путешествия во времени всегда казались мне коммерческой выдумкой, вареньем из одуванчиков, которым пичкают страждущую публику.

Феликс улыбнулся как змей-обольститель искушающий доверчивую Еву.

- Страждущая публика видит как исчезает кролик, но не видит двойного дна, принимая иллюзию за свершившееся чудо. Фокусник ни за что не раскрывает секретов фокуса, иначе магия превратится в блеф.

Мысли в голове Сергея перемешивались как шары спортлото во вращающемся лототроне.

- Устройство вмонтированное в очки преобразует мыслительные желания в материальные воплощения. - Разъяснял Феликс. - Структура этого процесса чрезвычайно сложна и вряд ли объяснима. Тысячи незнакомых людей проводят интеллектуальную работу, а плоды достаются вам. Это как компьютерный вирус, взламывающий банковские коды, но не в виртуальном пространстве, а в реальности. Вы владеете преимуществом, которое доступно исключительно вам, и манипулируете с его помощью окружающим миром.

Феликс ещё долго говорил, а Сергей внимательно слушал. Они расстались так ничего и не решив, но договорились встретиться здесь же через два дня. Сергей пока не дал ответа, он взял паузу на размышление.

***

Алиса уселась на тумбочке в прихожей не раздеваясь и устала в одну точку. На ней не было лица.

- Боже, какой кошмар! - Она закрыла лицо руками и тяжело вздохнула.

- Что случилось? - Спросил Сергей, выглянув из кухни.

И только тут Алиса вспомнила, что уже дома, воззрившись на Сергея, загоревшего дверной проём.

- Валера покончил с собой. - Произнесла она без выражения. - Выбросился из окна. Представляешь, лежит на тротуаре с проломленной головой, а вокруг лужа крови.

- Ты была у Чистяковых?

Алиса кивнула.

- Мы болтали с Каролиной на кухне, пили чай и тут такое... Услышали как распахнулось окно и звук тела разбившегося об асфальт. Выглянули, а там... Квартира на восьмом этаже, врачи со скорой сказали что он умер сразу, сломав позвоночник. Каролине стало плохо, сдала психика, я не могла её успокоить. Врачи вкололи ей что-то сильнодействующее, сказали, что проспит до утра. Её нельзя сейчас оставлять одну, завтра заберу её к нам. Пусть поживёт под присмотром, пока не отойдёт от шока. Если ты не против, конечно...

- Конечно не против, о чём ты говоришь...

- Валерка-Валерка, какой дурак. - Алиса сокрушённо покачала головой. - Он потерял свой бизнес, влез в большие долги. Кредиторы угрожали, а распла-

чиваться нечем. Квартира и та семь раз перезаложена. Всех подробностей не знаю, Каролина говорила он подсел на иглу.

***

Спустя два дня Сергей и Феликс встретились вновь. Как и договаривались - за тем же столиком под пальмой.

Феликс явился к пяти и уже привычно дожидаясь. Линочка позвонила Сергею и сообщила о повторном появлении "скользкого субъекта". Феликс успел поужинать, выпить кофе и полистать газету.

Появившийся Сергей не извинился за опоздание, даже не удостоил Феликса приветствием. Он молча вошёл, уселся на стул напротив, сложил руки на груди и уставился взглядом на обновлённый интерьер.

Феликс отложил газету и закурил. В ведёрке со льдом на столе стояла бутылка шампанского. Рядом лежали знакомые очки - предмет торга и разногласий.

- Давайте не будем тянуть. - По-деловому предложил Феликс, нарушив молчание. - Поставьте подпись и разойдёмся.

- Где подписывать? - Всплеснул руками Сергей. - Покажите мне документ!

- Бумажная волокита не присуща высоким сферам. - Заявил Феликс помпезно. - Скупщики жизней не дружат с пером и чернилами. Мы визируем договор иначе. Событие запечатлённое в настоящем самый надёжный из документов.

- И чем скрепляется соглашение? - Не понял Сергей.

- Да чем угодно... - Усмехнулся Феликс. - Хотя бы вот этим шампанским в ведёрке. Возьмите бутылку, провозгласите тост во всеуслышание, означающий ваше согласие, встряхните её, и откупорьте пробку.

- И что будет дальше?

- В кафе войдёт элегантная дама в белом платье и туфлях на высоких шпильках. Шампанское хлынет ей под ноги, дама вскрикнет и поскользнётся. Она эффектно шлёпнется на пол и пронзительно закричит, обратив на себя всеобщее внимание. Событие врежется в память присутствующих, вместе с произнесённым вами согласием. Таким образом люди в кафе станут свидетелями нашего договора. Договор немедленно вступит в силу и будет признан состоявшимся.

Происходящее показало Сергею идиотским розыгрышем. Он лучезарно улыбнулся, провоцируя Феликса улыбнуться в ответ. Но тот не утратил и капли серьёзности. Вариант с розыгрышем отпадал, но оставались другие. Сергей пощупал свой лоб, увы, температуры не было.

- Открывайте же бутылку, дама вот-вот войдёт. - Торопил Феликс. Он торжественно улыбнулся и указал рукой на дверь. Как ведущий церемонии награждения в сторону распахивающихся кулис, за которыми сенсационно скрывается кинозвезда.

Сергей застыл в нерешительности. Логичнее было не торопиться с согласием, тут крылся какой-то подвох. Слишком много

было странностей.

И тут распахнулась дверь. В кафе вошла элегантная дама, действительно в белом платье и туфлях на высоких шпильках.

Сергей сыграл под дурачка. Он усмехнулся и погрозил Феликсу пальцем.

- Вы видели её в окно. Не считайте меня простофилей.

Феликс начинал сердиться. Он взял со стола очки и спрятал их в карман.

- Судя по всему я напрасно теряю время. - Феликс жестом позвал официантку, собираясь оплатить счёт.

Сергей изучал его взглядом. Странности очень быстро превращались в подозрения.

- Если всё так прекрасно как вы обещаете, - нахмурился он. - То почему прошлый владелец очков так печально кончил?

Феликс стал холоден и откровенен:

- Он был моим прошлым клиентом и полностью растратился. Продав всё, что имел на продажу, все свои будущие жизни. Сперва одну, затем остальные оптом. Оплата за них закончилась и начались неудачи, а обеспечивать себя самостоятельно он не умел. Человеческая смерть наступает не в момент остановки сердца, похороны тела всего-лишь атрибут, дань традиции, но отнюдь не факт кончины. Жизнь это процесс борьбы со смертью, объективный конец приходит тогда, когда иссякает желание жить. Мой прошлый клиент продал мне своё бессмертие, а потом собственноручно завизировал этот факт самоубийст-

вом.

Сергей поднялся, взял в руки бутылку с шампанским. Он принял решение и от него не отступит.

- Контракта не будет! - Произнёс он громко, так чтобы слышали все.

Несколько посетителей обернулось.

Сергей с лёгким сердцем подбросил бутылку в воздух. Она покрутилась в полёте, играя зелёным стеклом, и на глазах у

изумлённых очевидцев, с грохотом разбилась о пол. Стекло крошево рассыпалось словно бисер.

Какая-то женщина ахнула, несколько мужчин поднялись с мест.

Сергей покидал кафе без сожаления. Он потеряет Алису, к которой успел привязаться, квартиру в центре и полюбившийся "Ниссан". Квартира и машина дело наживное. А Алиса... Если всё по-

настоящему - она останется. К чёрту лёгкий успех! Теперь он знал: у него, как у кошки, впереди девять жизней. Целая бесконечность времени и возможностей.

Его судьба в его руках.

Автор: Павел Соболевский

Время на жизнь

Я работаю в небольшом полиграфическом центре в двух часах езды от дома, встаю слишком рано и возвращаюсь слишком поздно, чтобы успеть насладиться жизнью, в которой есть молодость, любовь и двое чудесных детей.

Каждый день ровно в восемь утра я должна быть у дверей центра, отметить время открытия в специальном журнале, проверить, исправно ли оборудование, и выставить перед входом небольшой рекламный щит, к которому в полдень приходит Василий, местный бомж. Под щитом-треугольником, который служит неплохим прикрытием от непогоды, он раскладывает объедки и тряпье, читает книгу и до закрытия центра сидит у дверей. Василия никто не трогает: он тихий, не конфликтный и опрятный бомж.

Недалеко как вчера мы беседовали с ним о

смысле жизни: я – человек, у которого на жизнь нет времени, и он – человек, у которого есть время, а жизни нет. Придя к безрадостному выводу, что мы с ним, как ни крутись, все равно помрем, но кушать надо плотно и желательно регулярно, я решила предложить Василию работу: за небольшую денежку каждый день выносить и заносить тот самый рекламный щит, который ему так понравился. Я собиралась заплатить из своего кармана и думала, что он с благодарностью скажет мне да: будет есть бутерброды с хорошей колбасой и пить горячий кофе.

– Василий, – обратилась я к нему перед закрытием центра. – Я хочу тебе помочь.

Он посмотрел на меня снизу вверх и приподнял седую мохнатую бровь: «Ну».

– Приходи завтра к восьми: будешь выносить

щит; я тебе заплачу.

Василий ковырнул гнилой зуб длинным желтым ногтем и покачал головой: «Нет, уважаемая, мне некогда, не обессудь».

– Да как же некогда, Василий? – удивилась я. – Ты же ничего не делаешь!

– Как это не делаю? – нахмурился бомж. – Я живу: встаю, когда захочу, и давно никому в ножки не кланяюсь. Это мой выбор. Я по мировоззрению бомж, – и он поднял вверх грязный указательный палец.

Я проводила взглядом удаляющегося Василия с книгой под мышкой, убрала рекламный треугольник, отчиталась о закрытии центра в специальном журнале и задумчиво побрела домой, отмечая на часах время, которое мне оставалось на жизнь.

Автор: Инна Порядина

День флота или сказ о прятном машинисте Анике

Строка прозы

Случаются в жизни моменты, когда супротив обстоятельств поделать уже ничего не можешь и, опустив руки, уповаешь на чудо. Пасуешь не потому, что бессилен, или безволен, а лишь потому, что рассудком осознал тщетность, каких бы то ни было усилий. Конечно, не приведи господи попасть в такую засаду, особенно, если речь идёт о самой жизни или смерти.

Вот в таком положении негаданно оказался старший матрос Анников по корабельной кличке Аника, трюмный машинист малого противолодочного корабля. Считанные минуты назад ему ничто не угрожало. Он с наслаждением вдыхал воздух свободы, изрядно сдобренный просоленным морским запахом вперемешку с вкуснейшим ароматом копчёной рыбы, разносимым по водной глади бухты летним полуночным бризом. На берегу в громадных коптильнях рыболовецкого порта поспевала жирная атлантическая селёдка.

Вначале всё шло по задуманному, тик – в – тик. Спустя час после отбоя, когда корабль, издёрганый за день приборками, построениями, разводами на работы, проворачиваниями ме-

ханизмов и оружия, погрузился в сон, Анников спустился с верхней койки, и, воткнув ноги в прогары, потихоньку выбрался из кубрика. Приспичило его, якобы, на посещение матросского галюна. С кем не бывает? Да его никто и не спрашивал, куда и зачем он направляется. В галюне он, конечно, отметился, но возвращаясь, как бы ненароком минул кубричный люк и прошмыгнул на поуют.

С этого мгновения Анников действовал тайком. А намеревался он совершить побег с корабля. Вы слышите, побег с боевого корабля! Конечно, побег – громко сказано, на самом деле, ежели вещать шершавым языком корабельного устава, то старший матрос Анников замыслил обыкновенную самовольную отлучку. Тем более, взаперти его никто не держал, и никакого резону бежать не имелось. Никакого, если не считать с одной стороны, разъедающую душу серую корабельную скуку, а с другой, именно с другой стороны бухты, неудержимо манящие к себе, сверкающие множеством огней, словно пиндосский Лас –Вегас среди пустыни, производственные корпуса порта океа-

нического рыбфлота.

«Ну и что из того, – возразите вы, – производственная база на самом деле далеко не Лас-Вегас и развлечений, увы, не сулит». Не скажите, не скажите. Там круглосуточно коптится сельдь и готовят балыки из трески – пальчики оближешь, если не проглотить вместе с куском. Сердобольные тётки с материнскими вздохами угощают матросиков, – «И моя кровинушка мается где-то, Родина не служит».

Гастрономический интерес, положим, манил, но не только. В цехах порта днём и ночью множество особей женского пола, а попросту, молодух, обрабатывает рыбу, чинит громадные неводы – «кошельки», красит суда. А военморы у рыбаков в большом фаворе, за их неутомимость в любовных делах и матросское кредо: «Дурнушек всех любви отменно, бог наградит красоткой непременно».

Не подумайте, в авантюру эту Анников пустился не с бухты-баряхты. Замысел тайно вынашивался со дня, когда у борта корабля появился тот приснопамятный плотик. Якобы, боцман выклянул его у рыбаков для помывки и подкраски бортов корабля.

Без «шила», бают, дело не обошлось. Плавательное средство не ахти какое – метр в ширину и пару в длину. С настоящим судном его роднит лишь палуба – настил из досок и леера, да и то лишь с трёх сторон.

Плотик Анникову приглянулся с первого взгляда – симпатичный такой крепышек. «Да на нём куда угодно можно доплыть» Мысль эта промелькнула в голове без малейшего практического интереса, быть может, просто в качестве похвалы плотику. Анников служил на корабле третий год и, конечно, понимал, что далеко на нём не уплывёшь, да и как грести. Но слова «куда угодно» в голове где-то зацепились, он даже начал припевать их под назойливый мотивчик набившего оскомину шлягера. Вечером перед отбоем он направился на полуют, чтобы ещё раз полюбоваться плотиком, притянутым к транцу куском верёвки.

Стоял чудесный летний вечерок. После жаркого дня с моря веяло живительной прохладой. В душный матросский кубрик возвращаться не хотелось. Корабли уgomонились, готовясь к отбою, а на противоположном берегу бухты жизнь, казалось, была ключом. С траулеров, стоящих у причала, доносится музыка. Перемежающиеся вспышки сварки придают и без того расцвеченному огнями порту карнавальный вид. Анников, конечно, понимал, что в порту сотни людей днём и ночью напряжённо трудятся – разгружают траулеры, обрабатывают рыбу, ремонтируют суда и

снасти, но отсюда, с восточного мола бухты кажется, что там царит праздник, на который ох как хочется попасть. А сколько там молодых жаждающих, горячей матросской любви весёлых девчат и томных рыбачек! Соблазн велик.

Анников перевёл мечтательный взгляд на северный мол. До него какая-то сотня метров, а сам мол выходит на берег как раз рядом с портом. Голь, бают, на выдумки хитра, замысел проклюнулся мгновенно, будто незримый искуситель шепнул на ухо. Шепнул и ретировался, мол, а теперь Димыч, домысливай сам, ведь ты, чай, не какое-то там хухры-мухры, а ого-го – трюмный машинист противолодочного корабля. Димыч «домыслил» тотчас – до мола на плотике, дальше по молу до берега, и билет на праздник, пусть на два-три часа, у тебя в кармане. Всё просто, как дедов валежок. Не сейчас, ясное дело, надо подготовиться, выбрать момент, а главное найти, чем грести.

Анников приободрился и, воодушевлённый блестящей идеей, так счастливо осенившей его, отправился в кубрик. На койке он, возбуждённый, ещё некоторое время ворочался, прокручивая в голове детали предстоящей авантюры и, умиротворённый, заснул мертвецким сном. Ну, держитесь, теперь, красавицы-рыбачки! Военмор Анников нагрянет по ваши души, тьфу ты, по ваши прекрасные тела. Он же не какой-то немчура, Мефистофель, а русский матрос Балтийского флота. Души он спасает, а тела ласкает.

* * *

Оттолкнувшись от транца, Анников принялся усиленно грести жалким подобием весла, тайком выструганного кое-как ножом из доски заранее добытой и припрятанной. Разочарование постигло беглеца в первые же минуты. То, что в воображении рисовалось лёгким и красивым, на деле оказалось неудобным и корявым. От энергичных стараний гребца плотик вместо того, чтобы продвигаться в нужном направлении, или ходил веретеном, или, как завязанный участник броуновского движения, непредсказуемо рыскал по сторонам. «Дурья башка, – в сердцах нелестно окрестил себя Анников, – загодя испытать надо было бы» Словом, мореходные качества плотика явно не соответствовали величию предначертанному.

В пору бы остановиться и, пока ситуация не усугубилась, вернуться на корабль. Такая здравая мысль закопошилась в голове у Анникова, но была тут же безжалостно прихлопнута. Как известно, всё разумное и трезвое пресно и скучно, а душа требовала приключений и праздника. Идти на попятную было не в его правилах. Тем более, плотик, как не ерундил, как не брыкался необъезженным жеребцом, но мало помалу приближался к вождельной цели.

А здесь ещё нашего беглеца назойливой мухой стала досаждать маниакальная мысль, что на корабле обнаружили его отсутствие и бросились на поиски. Поэтому Анников запсиховал и остервенело гнал плотик,

стараясь быстрее высадиться на мол. Напрасно. Никто отнюдь не ринулся в погоню. Корабль не заметил потери бойца, продолжая разноголосно похрапывать полусотней матросских глоток. Ну, а вахтенная служба в бдении своём, как бы то ни было, или попросту проворонила столь неприятный казус, или же ей оказалось не по зубам разрушить хитроумный хамысел трюмного машиниста.

Сожаление о конфликте со здравым смыслом не заставило себя ждать. Нет, он не испугался, не устал, не передумал. Полный сил и энергии, он продолжал орудовать подобием весла, с удовлетворением замечая, что тупица-плотик, похоже, усмирил норы и худо-бедно двигается в нужном направлении. Правда, напротив входа в гавань приливное течение начало сносить плотик в бухту, и сотня метров по прямой от корабля до мола уже превратились во все двести. А каждый метр давался ох с каким трудом. Тем не менее, потаённое судно Анникова с горем пополам достигло середины пути и точка невозврата – сомнения прочь – была преодолена.

В желании перевести дух, Анников распрямился и обомлел. Что за дьявольщина? Он отчаянно встряхнул головой, но видение не исчезло. Напротив, на глазах оно превращалось в ужасную явь. Впрочем, как судить. Его величество непредвиденное обстоятельство на самом деле было не столь страшно, как показалась Анникову, скорее, даже радостно. Ведь это в

родную гавань после полугодового промысла в северной Атлантике у Джорж-банки на всех парах возвращался большой морозильный траулер.

Рыбаки спешат домой, да они уже, считай, дома! Через минуту радист даст на палубу встречный марш, а иллюминацию уже включили. Расцвеченный электричеством, словно бразильская карнавальная каросса, рыбак, пройдя траверзу восточного мола, взял левее, тем самым, лишив Анникова надежды на благополучный исход. Самое скверное было то, что с траулера явно не замечали плавающий предмет с человеком. Да и как его можно заметить в такой темноте, а сигнальных огней плотик не имел по определению.

От осознания того, что его утлое плавсредство столкнётся с железной машиной, у Анникова в голове начали мелькать бесполезные и неуместные мысли о том, что любое судно не может отойти от причала без исправных сигнальных огней. Вспомнилось, что поначалу он путал бортовые красный и зелёный огни, пока не подсказали использовать звуковую похожесть слов левый-зелёный, правый-красный. Сейчас бы сгодился даже карманный фонарь. Впрочем, на фоне портовых огней, бликующих пёстрым разноцветьем на водной ряби бухты, было бы нелегко разглядеть с траулера любой сигнал с плотика.

«Нужно срочно убираться с пути рыбака», – всполошился Анников. Легко сказать «уйти с пути», когда дистанция до трауле-

ра неумолимо сокращалась, оставляя всё меньше шансов на спасение. Ещё мгновение Анников пребывал в положении буриданового осла, принимая трудное решение выбора направления спасения и, не чуя рук, принялся иступлённо грести. Несколько секунд, впрочем, хватило за глаза, чтобы убедиться в тщетности предпринимаемых им титанических усилий.

Вот тогда то, потеряв надежду на благополучный исход одиссеи и осознав, что попал в крупный переплёт, Анников пожалел, что вовремя не оставил сумасбродную затею. Теперь вот пожинай плоды! Не правда ли, знакомая ситуация. Поджилки у него пошли ходуном. Следующее мгновение, отбросив ставшее бесполезным весло, он поднялся во весь рост и, утратив остатки благоразумия, давясь от страха, заорал что есть мочи. Оставалось уповать лишь на то, что траулер всё – таки проскользнёт мимо, и дело окончится испугом. Чудо, однако же, не случилось. Пресловутый бутерброд, не сделав и на сей раз исключения из правил, приземлился, как и должно, маслом вниз. Плотик, попав под скулу правого борта траулера, отчаянно вздыбился, и горе-пассажир его с головой ушёл в воду.

Удача, между тем, не совсем оставила Анникова. В последний момент на траулере или услышали истошный вопль отчаяния или всё-таки заметили плавающий предмет с человеком на борту. С палубы судна в воду полетел спасательный круг, а от причала базы к

месту катастрофы стремительно направился дежурный катер. Через полчаса промокший до нитки Анников, сконфуженный, но живой и невредимый предстал перед дежурным офицером корабельной группы.

* * *

- Где этот михрютка, едрёныть, наперсник разврата? – раздался голос за дверью. Суровые нотки знакомого баритона заставили голову Анникова по - черепаши втянуться в плечи.

- Каков гусь! Полюбуйтесь! - съязвил дежурный при появлении поднятого по случаю с постели Ильясова, командира корабля, на котором старший матрос Анников имел честь служить трюмным машинистом.

- Какой там гусь, курица мокрая! Гуси плавают, а этот за малым на ужин крабам не угодил, - раздражённо отозвался недовольный Ильясов и уже к Анникову, сбавив обороты,

- Ну и видок! И это называется матрос Балтфлота!- и не без ехидства подперчил,

- Видели бы сейчас тебя твои портовые поклонницы!

- Не суть важно! Внешний вид кавалера этих красоток несколько не колышит!- встрял дежурный,- Они преозабочены другими статьями морального кодекса.

Похоже, дежурный был не прочь скоротать вахту досужими разговорами о портовых женщинах, но строгий взгляд Ильясова его осадил.

- Что молчишь? – продолжал психическую атаку Ильясов,- Сробел?

Вот доложи командиру, как сваял большого дурака, как по собственной глупости едва не отдал богу душу!

«А ведь мог вполне на дно пойти! Пацан!»- промелькнуло у Ильясова – «Считай обошлось»

- Сробееел! Где же твоя храбрость, Аника-воин? Знать, под траулером осталась! Молчишь, словно, водицы морской по уши набрался.

Подробности ночью происшествия Ильясову уже сообщили. Поначалу он даже не поверил, что кто-то смог отважиться на такое, тем более, флегматичный и с виду неуклюжий трюмный машинист Анников. В корабельных клоунах он не числился, хотя и звёзд с неба не срывал. Что на него нашло, какая ядовитая муха укусила? Хотел было продолжить разнос, но, видя плачевное состояние Анникова, стоящего перед командиром по стойке смирно с понуро опущенной головой, процедил сквозь зубы:

- На корабль под конвоем! Разбор полётов завтра.

Обрадованный, что хоть на сегодня его мытарствам настал конец, Анников, виновато вздохнув для порядка, уж было козырнул, но вовремя вспомнил, что голова у него «пустая», ибо берет его вместе с храбростью, прав командир, безвозвратно пропал под траулером.

- Мокрое пятно всё-таки осталось,- вновь съёрничал дежурный, кивнув головой на лужицу воды, образовавшуюся на месте вышедшего Анникова, намекая, видимо, на недоста-

точность трёпки.

- Ладно, остынь! Завтра на свежую голову разберёмся и воздадим по заслугам,- вместо прощания нехотя бросил Ильясов.

На следующий день, однако, в защиту Анникова вступили некие высшие силы. Спозаранку, до подъёма личного состава, на кораблях колокола громкого боя не с того, ни с сего сыграли сигнал «Корабль срочно к бою и походу изготовить». Бывалые ворчали спроста: «Какой там поход - лето на дворе. Это чтоб службу не забывали. Вот увидите - не успеешь главные запустить, как отбой дадут. Какой сон перехезали!». Но вот и главные взревели истошно, и аврал чередом сыграли «По местам стоять, со швартовых сниматься!», знать, дело нешуточное - таки придётся в море выходить к пушей радости матросни. В море то корабельная скука мигом развеется.

Корабли один за другим покинули бухту и, вытянувшись в кильватер, растаяли за горизонтом. Военный причал осиротел, лишь молодые рыбачки на противоположном берегу гавани, облепив окна цеха ремонта рыболовных снастей, печальными глазами провожали корабли с удравшими кавалерами на борту. А ведь завтра воскресенье! Облом.

* * *

Здесь вынужден разочаровать предвкушающих острый военно-морской сиквел, ибо в день тот ничто не вторгалось в надводное, подводное, а заодно и воздушное пространства нашей Родины. А о том, что послужило бы причиной

отправки в море нешуточной корабельной силы, и говорить нечего.

Ничего чрезвычайного, если не считать того, что на носу маячил флотский праздник праздников, День военно-морского флота. И тем «высшим силам», кои уберегли Анникова от скорой командирской расправы, на сей раз вздумалось отметить наступающий день флота не в парадном Севастополе или на грозном Тихом, а на седой Балтике. Да так, чтобы картинку парада боевых кораблей в Балтийске интервью-разнесло по городам и весям старушки - Европы.

На то имелись немалые резоны. Год «пражской весны», (так вот откуда пресловутые «вёсны» пошли!) нервы на пределе. Братья по крови и по лагерю, но не по разуму, словно белены объелись, долдонят, что, «Чехия це Европа», хоть кол на головах этих чехов чеши. До такого средневекового дела, конечно, не дошло, но танки под бесильные, срывающиеся на визг, причитания запада в Прагу всё-таки пришлось ввести. Обстановка! Поэтому парад кораблей именно в Балтийске, в центре Европы. И не просто парад, а с демонстрацией боевых упражнений. (повторялось 26 июля 2015 г.)

Почти за неделю до дня флота корабли выстроились в две кильватерные колонны в морском канале напротив старой цитадели Пиллау. Когда сценарий парада передали на корабли, командиры заскребли затылки и зацокали языками. На «бочках» отстояться не выйдет. Вначале,

как водится, объезд кораблей командующим флотом, а вот затем намечалось прохождение кораблей на всех парах мимо поста рейдовой службы, где по замыслу устроителей и должны быть установлены камеры центрального телевидения. А ещё заговорщицким тоном сообщали друг другу, это трансляцию парада будет вести не кто иной, как знаменитый диктор центрального телевидения Виктор Иванович Балашов.

Мол, вот какова знаменитость снизойдёт до Балтийска, неспроста это, знать, парад не заурядный.

Но и это не всё. Гулять, так гулять! Отцы-адмиралы задумали инсценировать морскую баталию со стрельбой из пушек, с пусками ракет и высадкой на берег десанта морской пехоты. И всё это на виду всей Европы. Вот попробуй, и оплошай здесь!

На корабле было не до Анникова, забот экипажу хватало без того - драили, чистили, мыли, красили. Шутка ли - корабль покажут на весь Союз и пол Европы. Однако, Ильясов не забыл выходку Анникова. Да и как тут забудешь, если други - командиры кораблей на перекуре после оперативки у комдива с нарочитым участием интересовались о здоровье «корсара». Так некий домощенный сказитель прозвал бедолагу Анникова и даже пустил в оборот зубокальскую байку о том, что, якобы, ильясовский корсар, да - да так и говорили «ильясовский корсар», озверев от переизбытка тестостерона, пытался взять на abordаж траулер.

- Собственный клоун должОн быть на каждом корабле, вот и мне счастье привалило, - с деланным спокойствием отшучивался Ильясов, но внутри кипел, - «Пусть корсар, но почему ильясовский? Зубочёсы! Да у вас самих скелеты таких же корсаров в шкафах хранятся. У одного чудик за малым всю команду не перестрелял, у другого - почище моего Аники отыскался - кабанчика с базовской свинофермы свежевал, мясо сбыл и устроил сабантуй на всю ивановскую»

Дело дошло до того, что даже комдив на полном серьёзе допрашивал Ильясова: «Ты с корсаром своим разобрался?» Нет, не разобрался, всё после парада, однако, на очередном утреннем разводе Ильясов вскользь дал понять, что ничего не забыл и что дело о «вопиющем нарушении устава старшим матросом Анниковым» будет доведено до логического завершения.

Правда, Анников без излишних слов сознавал, что за сотворённые им вензеля, на флоте по головке не гладят. Пять суток ареста, как с куста. Удручённый случившимся, он захандрил. Словно зомби, смотрел отрешённым взором и безучастно помалкивал. Пропускал мимо ушей язвительные шутки матросни, подсыпавшей соль на свежую рану его позорного фиаско. Ведь, если бы всё обошлось той ночью, ходить бы ему в героях, но не срослось... Побождённых судят. Потому, шёл, куда посылали, делал что приказывали. Гауптвахты не боялся и, похоже, даже жаж-

дал заточения. Словом, ука-тали сивку крутые горки, похоже, скис мореман.

Напарник его по трюмной команде луганский казак Маралов втихую жалел его и старался всё делать сам. Старательный, на том и погорел. Взялся чистить резервную цистерну питьевой воды, просидел в ней весь день и захворал не на шутку. В ночь температура под сорок. Утром катером рейдовой службы отправили Маралова в госпиталь. Остался на корабле один трюмный – Анников. Прошу, командир, любить и жаловать. Любить не обязательно, а жаловать придётся.

А что, спросите, без трюмного кораблю – хана? Нет, конечно, но лучше не рисковать, только у трюмного в голове все хитро-сплетения корабельных цистерн и баков, клапанов и трубопроводов, да и паровой котёл в придачу. Даже, что проще, фановая забьётся, кто полезет чистить? Аника!

* * *

Денёк на флотский праздник выдался на славу. С утра ясное небо, лёгкий морской бриз лениво хозяйничал над водной гладью морского канала. Балтика в своём лучшем проявлении, знать уважает русский флот, если к празднику чудесную погоду припасла.

У всех приподнятое настроение. Во-первых - праздник со всеми вытекающими, во-вторых - через два – три часа закончится недельное заточение корабля на «бочках». Командирам парадных кораблей, однако, не до лирики, время ответственности бережит

душу. Проколоться на таком мероприятии смерти подобно, не простят, не забудут- припомнят и в шутку и всерьёз. Не приведи господи, а потому перестраховка на каждом шагу. Возле пеньковых тросов топоры запасены, что не так - руби. Рулевой на мостике, а в румпельном страхующий. Автоматика, всяко бывает, случаем откажет – вручную рулить будет. Каждая секунда дорога, замешкаешься - сам в дерьме по уши и базу, да что там – флот подставишь! Ильясов нервничает, но виду старается не подавать. На репетициях не обошлось без мелких зазубринок. Всё проверил - перепроверил лично.

А на берегу уже народ собирается, любители зрелищ пораньше пришли места удобные занять. К причалу поста изящно пришвартовался грациозный катер командующего Балтийским флотом. На башне поста рейдовой службы в раскрытых на распашку окнах верхнего этажа выкатили жерла телекамер, страшнее будут стволов гаубиц береговой артиллерии. У иных перед телекамерой язык отнимается, а здесь под их прицелом финты крутить с кораблём! Чай не циркачи, страшновато впервой то!

* * *

Первые месяцы службы на корабле Анников по сигналу подъёма не мог проснуться, он просто его не слышал. Его расталкивали, а он, ничего не понимающий, где находится и что им надо от него, инстинктивно отмахивался, чем приводил в ярость своих прямых командиров.

Они, исчерпав гуманизм, с матерком, бесцеремонно сбрасывали лежебоку с постели. Благо, что все первогодки обитают в кубрике на нижних спальных местах и такое падение, хоть и приводило в чувство, но не грозило ушибами. Только тогда до Анникова доходило, что он не дома и церемониться с ним здесь никто не намерен. Он вскакивал и под хохот обитателей кубрика с перекошенным от ужаса лицом начинал судорожно натягивать на себя робу и шарить руками в поисках прогар. Несколько отработанных Аникой нарядов вне очереди послужили полновесной расплатой за его беспробудные подъёмы.

Это было когда... И вот сегодня, хоть и проснулся сам ещё до сигнала, но лежал, не двигаясь, и долго не мог понять где находится и какой сегодня день. Ага! Сегодня же праздник- День флота, а корабль стоит на бочках, готовый к параду. Что же, для начала неплохо, и было бы совсем хорошо, если бы следом куском дерьма в колодце, из которого собираешься утолить жажду, не всплыла в памяти история его позорного провала недельной давности. Все дни после того события на душе у него было мутно до тошноты. Так опростоволоситься в конце службы! Получается, что за три года службы он нисколько не поумнел, как зелёный первогодок-карась пустился на авось во все тяжкие, авторитет годка подмочил в прямом и переносном смысле.

Эта карающая душу мысль неотступно пресле-

довала Анникова. «Тыфу ты! Не думай об этом» – приказывал он себе, но стоило только на мгновение отвлечься, как мозг вбрасывал пригоршню думанных – передуманных колючих мыслишек, и пошло-поехало, хоть с борта вниз головой. Казалось бы, похандрил пару-тройку дней и амба – всё, что натворил, уходит в забвение. А здесь уже неделю грудь мытарят горькие угрызения. Хлеще того, с некоторых пор стыд буравит душу уже не за то, что так глупо попал под траулер, а за то, что, поддавшись наваждению, вообще решился на подобную авантюру. За несколько дней моральных терзаний Анников повзрослел и начал иначе смотреть на вещи.

* * *

За прозрачной звуко-непроницаемой стеной поста энергетики и живучести, как на ладони, отсек машинного отделения корабля, напичканный до предела разными механизмами, трубами и кабелями. Вдоль левого и правого борта, лоснясь боками, доисторическими тварями залегли громадные двигатели главного хода.

Мотористы снуют по узким проходам, готовят двигатели к запуску. Иногда подбегают к стеклу поста управления и, жестикулируя руками и пальцами, докладывают операторам о ходе подготовки. С минуту на минуту ожидается команда на запуск двигателей. Напряжение нарастает. Операторы впились взорами в панели с множеством приборов, который раз проверяя готовность систем

корабля к пуску главных двигателей.

А на верхней палубе парадная благодать. Всё бравурно, чинно и красиво. Знакомый с детства голос Балашова, пропущенный через мощные громкоговорители, раскатывается по глади морского канала и льстит тщеславию – «Вот как про нас заливают!». Кому не лестно слышать такое? Только что катер с командующим флотом отошёл от корабля. А вдогонку ему во всё горло трёхкратное «ура». Но это были всего лишь цветочки... Вот теперь то подоспели ягодки, гвоздь программы. Корабли запустили ходовые двигатели, снялись с бочек и малым ходом направились к выходу из морского канала. Развернулись и замерли в ожидании сигнала на парадное антре. Эсминцы и иже с ними, ясное дело, остались на месте, не царское это дело якшаться с корабельной мелюзгой.

Боевой и вахтенный пост старшего трюмного машиниста Анникова – машинное отделение, как и мотористов обслуживающих ходовые двигатели и носовую электростанцию. Прямого отношения к обеспечению движения корабля Анников по долгу службы не имел, потому после запуска ходовых двигателей укрылся в закутке между постом управления и левым бортом корабля, где располагалась крошечная механическая мастерская. Перед запуском главных он тщательно проверил трубопроводы, клапаны и насосы подачи топлива, масла и охлаждающей воды на ходовые двигатели, запустил пожар-

ные насосы. Задача усложнилась тем, что его напарник Галузов так и не возвратился из госпиталя. Всё, что должны были бы делать вдвоём, свалилось на него одного. Особого труда Анникову это не составило, хотя пришлось покрутиться, и закончил он свои трюмные дела перед самым запуском главных.

В заботах по подготовке к движению корабля Анников немного забылся о своих неприятностях. Тем более думать о том негоже, когда заработали главные и каждую секунду он мог потребоваться. Чтобы не сидеть сложа руки, Анников приладил разобранный клапан к верстаку и принялся притирать его седло. Всё при деле, а, значит, и голова не лънёт к чепухе.

Из ремонтного закутка видно, как его одноклассник молдаванин Иван Чеботарь с ветошью в правой руке и переносной лампой в левой мечется вокруг громады дизеля, стараясь не упустить ничего такого, что могло бы отразиться на его работе. «Усердствует... – уважительно подумал Анников – И дизель у него блещет чистотой, да и работает как часы...». Сравнение громадного дизеля с часами его чуток развеселило – «Если уж часы, то не иначе как кремлёвские куранты. Они тикают – уши затыкай»

По легенде парадного прохождения на подходе к траверсе поста рейдовой службы они должны выйти на полный ход и лихо промчатся перед телекамерами. Начало движения диспетчер давал по корабельно. Ильясов в бинокль наблю-

дал прохождение передних кораблей, чтобы быть готовым к началу движения. Вот пошли ракетные катера, за ними сторожевики - стреляют из пушек. «Теперь и наша очередь подошла» - подумал Ильясов, пряча бинокль в футляр. Уже не понадобится. Первым пошёл Гурьев. Ему стрелять из РБУ. Радио диспетчера не заставило себя ждать: Восемьдесят пятый! Слышишь меня?

- Так точно! На связи!

- Восемьдесят пятый! Пошёл! - и как бы в уточнение - Ильясов! Малый вперёд!

- Правая машина! Малый вперёд! Левая машина! Малый вперёд! Руль прямо! - зычно отозвался Ильясов. Бряцнул машинный телеграф. Есть малый вперёд! Корабль двинулся. «Впору перекреститься» - промелькнуло у Ильясова.

-Штурман на лаге?

- На лаге 4 узла, товарищ командир

Больше на малом не вытянешь. Ильясов посмотрел вперёд. Дистанция допереди идущего увеличивалась. Значит, Гурьев вышел на полный. Пора. Отставать нельзя.

- Правый, средний вперёд! Левый средний вперёд! Телеграф отрепетовал команды. Гурьев уже на подходе к башне поста. И л я с о в в к л ю ч и л «Каштан»,

- ГКП, командир. Механик у тебя всё нормально?

- Так точно, товарищ командир, всё штатно, без замечаний!

- Смотри в оба, начинается самое главное! Да-

вай, выводите обе машины на полный, но не торопись!

- Штурман?

- На лаге 12.

- Докладывать постоянно!

- Рулевой! Руль прямо!

- На лаге 13.

Не успел Ильясов осознать «чёртову дюжине» на лаге, как корабль внезапно дёрнулся и сник. Штурман автоматически зафиксировал падение скорости,

- На лаге 9.

Механик! - завопил Ильясов в микрофон «Каштана», - в чём дело, едрёна вошь! Ты, что, хочешь командира без ножа зарезать? Уж лучше явись на мостик, и кортиком его, кортиком в пузень! Механик знал, что чёрный юмор командира доброго не сулит.

- Товарищ командир! Остановился левый дизель. Причины выясняем.

Сердце Ильясова беспомощно колыхнулось и, провалившись куда-то в живот, затикало оттуда проглоченным будильником. Он автоматически оценил обстановку. Гурьев вот - вот пройдёт под постом и будет стрелять из РБУ, значит все камеры на него. Это займёт не более минуты. Минута, чтобы запустить дизель и восстановить дистанцию!

- Товарищ командир, вроде всё нормально. Вода, масло, топливо всё в норме. Давление воздуха в пусковых баллонах в норме. Разрешите повторный запуск левого дизеля.

«А что прикажешь делать?» - подумал Ильясов. - чапать боком, как хромая утка, на одном дизеле на виду всей базы, да что там

базы....

- Разрешаю! Запускай!

Двигатель заработал, но с очевидным надрывом и, словно, не выдержав какого-то невыносимого насилия, заглох. На мостике все окаменели и уставились на Ильясова. Влипли. Что делать? Куда бежать?

Ильясов снял пилотку, вытащил из кармана брюк платок и, собрав им крупные капли пота, выступившие на лбу, ледяным голосом поверг пост энергетики и живучести в прострацию,

- Механик! Делай, что считаешь нужным, хочешь - смейся, хочешь - плачь, но чтобы через минуту дизель заработал. Время пошло!

Машинное отделение заполнялось газом. Сизая дымка распространялась от левого борта, охватила котёл, дизельгенератор и подступила к правому дизелю. Включили вытяжку. Механик корабля старший лейтенант Лихачёв прекрасно понял последние слова командира. Ильясов дал ему карт-бланш и, соответственно, всю ответственность взвалил на плечи механика. И это в условиях жесточайшего цейтнота было мудрым решением. В пост вызвали едва не плачущего Чеботаря, который ничего не смог прояснить. Секунды летели, а выхода не было.

- Почему в отсеке газ? - задумчиво, скорее себе, чем окружающим задал вопрос старшина мотористов Сергей Пешков. И тут же озарение,- Пробита прокладка на стыке газовыххлопа и патрубка шумогасящей

цистерны.

- Значит в цистерне давление! - подхватил Лихачёв, - почему там давление, там же атмосфера!

- В бортовой газовой хлоп что-то попало ?

- Обратную заслонку заклинило! – завершил логическую цепочку оживший Чеботарь.

- И что делать? Заслонка чья ?

- Моя, разбирать полдня...

- Кто у нас специалист по заслонкам? Ну-ка зови Анику в пост.

Анников, не перебивая, всё внимательно выслушал. Искренне растроганный тем, что в трудную минуту обратились к нему, он всё же не терял беспристрастного выражения лица, что возвышало его в глазах вконец деморализованных мотористов. Все смотрели на него, как на спасителя. А здесь ещё Чеботарь в отчаянии капнул еля на сердце Анникова,

- Димыч! Выручай, погибаем...

- Так! Я в отсек, готовьте пуск двигателя, как махну рукой, так запускай.

Анников скрылся в ремонтном закутке и через несколько секунд восстал на паёлах отсека с голым мускулистым торсом и громадной кувалдой в руке. Махнув рукой, скрылся под шумогающей цистерной.

- Радикальный инструмент – печально усмехнулся Лихачёв, понимая, что другого выхода нет.

На ходовом мостике гробовое молчание прервало радио диспетчера.

- Восемьдесят пятый, Почему сбросил ход ? Теряешь дистанцию, нару-

шаешь ордер!

И следом взволнованный голос комбрига Флоринцева,

- Ренат, Вижу, что идёшь на одном дизеле. В чём дело? Если что не так, отворачивай и пропускай следующих, пока тебя не взяли в картинку!

Ильясов бросил взгляд на секундомер. Секундная стрелка перевалила отметку 60 и неумолимо зашепила дальше. Надо принимать тяжёлое решение. Вдруг он себя почувствовал таким усталым и равнодушным, что даже злость на механика испарилась из его груди.

И в этот момент левый двигатель надрывно взревел, как живое существо, которое безжалостно огрели плёткой.

«Не то, не то, сокрушенно подумал Ильясов, прислушиваясь к вою, - Сейчас заглохнет, и это уже конец»

Напротив, двигатель не остановился и, словно прокашлявшись, запел победным басом. При этом из отверстия в борту корабля с мощным хлопком выскочило громадное облако дыма. Телекамеры, как по команде, повернулись в сторону ильясовского корабля. Зеваки на берегу охнули от восхищения, ибо корабль как бы привстал и рванул вперёд, навёрстывая дистанцию. Все решили, что так было задумано.

А воспрянувший духом Ильясов, отдав команду «Левый, правый борт полный вперёд!», прошептал: «Всё - таки есть бог на этом свете!»

* * *

Когда всё благопо-

лучно завершилось, и корабль пришвартовался к стенке крепостного канала, по кораблю прошла команда: Командиру БЧ-5 прибыть в офицерский отсек к командиру. Ильясов находился в своей каюте. Прибывшего Лихачёва усадил на кровать. Из шкафчика молча достал початую бутылку армянского коньяка и надломленную плитку шоколада. Наполнил два небольших гранёных стаканчика.

- Ну что, механик, давай за День флота и за парад,- глотком, не смакуя, выпил. Отломил кусочек от плитки и, нюхнув для порядка, вновь наполнил стакан механика. Уж было налил и себе, но словно передумавши, поставил бутылку.

- Глянь-ка, механик, я не поседел? Нет? Странно, такие штучки даром не проходят, значит, в другом месте организма выпрет.

Вытащил сигарету из пачки и задымил.

-Ну а теперь доложи, что там у вас произошло? Кого казнить, кого мловать? На себе вину не чувствуешь?

- Товарищ командир, ну Вы же знаете, что механик на корабле, как уборщица в конторе, всегда и во всём виноват, - с деланной обидой парировал Лихачёв. Механик, будучи всё - таки на коне, ведь как бы то ни было, но дизель запустили и всё обошлось чинарём, мог себе позволить чуточку служебного кокетства.

- А если серьёзно?

- Если серьёзно, то заклинил обратный клапан газовыхлопа левого дизеля. Так некстати... Догадались

быстро, а как поступить, не знали. Спас один человек...

На этих словах Лихачёв запнулся.

- Ну! Говори, кто. Поощрю, не поскуплюсь...

- Не поощрите, товарищ командир...

- Интересно девки пляшут, что за дядя Стёпа объявился на корабле? Ищут прохожие, ищет милиция... Пират имеется, теперь вот дядю Стёпу возымали, полный пароход чудиков...

- Во-во, он и есть, корсар Ваш, товарищ командир! Аника.. Извините, старший матрос Анников, проявив флотскую смекалку, спас корабль от позора. Предложил простое решение и сам же его исполнил. Во время пуска двигателя пару раз приложился кувалдометром по корпусу клапана – он открылся. Всё гениальное просто!

* * *

Через неделю ранним субботним утром корабли возвратились на базу рассредоточения, в гавань рыбопромыслового порта. Суббота на флоте, хоть и суетной день, но по домаш-

нему приятный. С утра до обеда приборка - палубу драить, медь чистить до блеска, резину белить. После обеда постирка, а венцом всему и наградой за труды - банька.

Анников на шкафуте старательно полоскал свою персональную «марусю», тяжеленную швабру из распущенных пеньковых канатов. Он не придавал никакого значения тому, что во время парада саданул пару раз кувалдой по клапану, и что из этого вышло. На лавры спасителя не претендовал, считая, что просто подсобил одногодку.

А вот Ильясов пребывал в больших сомнениях относительно Аники. Где поставить запятую «Казнить нельзя помиловать»? И хоть терпеть не мог гнилых компромиссов типа «ни нашим, ни вашим», пришлось-таки пойти на таковой. Объявил он опальному трюмному вместо причитающихся пяти суток ареста два наряда вне очереди, и то с отработкой на ремонте того злополучного клапана. Аника все понял - прощен и даже по-

ощрен. Пусть не формально, но когда от души, во сто крат дороже.

Насухо выжав швабру, Анников водрузил ее на плечо и в бодром настроении отправился на полуют, штатное место приборки. Подошёл к кормовому флагштоку и обомлел. Чуть поодаль за транцем у пирса на волне невинно покачивался знакомый плотик. Вот так да! Словно змей-искуситель не оставлял гнусных попыток окончательно совратить Анникова с праведного пути.

От внезапности явления перед глазами свидетеля его фиаско Анников оторопел и даже осерчал, но, присмотревшись, облегчённо хохотнул. Плотик, хоть и похожий на его потаённое судно, был длиннее, и шире. В одиночку с ним уже не сладить. Так что, или подбирай, Аника, корсарский экипаж, или выбрось из головы матросские шалости и готовься к гражданской жизни.

Автор: Юрий Линник

Дом у моря

«Теоретически возможность счастья существует, если думать

о чём-то возвышенном, недостижимом и не стремиться к этому»

Ф.Кафка

***

Усталые глаза П. были устремлены через строгое современное шоссе с

ядовитыми полосками на тёмном шершавом панцире поверхности и красными воспалёнными зрачками дорожных знаков - часовых среди белых дюн пляжа на безмятежную гладь усталого бирюзового моря. Солнце можно было лишь домыслить – его еле видимое существование слегка уга-

дывалось под насыщенной пеленой оранжевой дымки. Было что-то искусственное в таком зловещем несоответствии: пустое красивое шоссе, девственность моря и вражески остывшее солнце. Пересохшие губы П. что-то бормотали, глядя сухими выплуканными глазами на закономерное отчу-

ждение Природы, затем замирали в поиске новых искажённых слов-мелодий, которые теперь и были единственным признаком жизни в этой заброшенной квартире на третьем этаже потёртого дома у моря на холме. Входные двери по просьбе П. сняли с петель и унесли по длинной неудобной лестнице вниз его бывшие знакомые для того, чтобы каждый мог зайти и поговорить с П. в любое время без приглашения. Много лет прошло с тех пор и люди потеряли интерес к сидящему у окна молчаливому человеку, который ждал наказания. Ещё при связи с внешним миром П. заявил, что если есть преступление, то есть и наказание. Объяснить суть своего преступления П. не решался, но когда был готов, то зрителей не оказалось рядом. Теперь его бормотание и было тем запоздалым объяснением своего преступления людям, которые уже давно забыли о его существовании. П. мог бы давно встать и уйти навсегда с этого, безжизненного на первый взгляд, места, если бы не ещё что-то, чьё присутствие неизбежно угадывалось и не отпускало П.. Некая сила, которая не укладывалась в рамки человеческого объяснения, манипулировала этим невидимым балом, пугая П. своим трепетным влиянием. Такая привязанность стала удобной точкой зрения, веской причиной, продуманным ложным направлением, искусственным спасением для воспалённого сознания П., давая легкодоступную, мгновенную возможность для лю-

бого оправдания своего странного положения. Было нечто заведомо большее в таком спрятанном в глубинах человеческих взаимоотношений отстранении, похожем на простую фразу в прозе жизни - «Мужчина, который не позволял себя любить». Удобное – главное в этом, неуловимом на первый взгляд, определении нюанса изыска столь вопиющего сострадания к тому чувству, которое жило в соседней комнате с наглухо заколоченными дверями. Множество круглых дыр разного размера в стене естественного происхождения величиной не больше сливы указывали на тихую, точнее, зловеще автономную жизнь за таинственной перегородкой. Мобильные цветные тени и слабые жалобные стоны, похожие на язык любви, вселяли надежду и выпивали жизнь П., которая была больше похожа на оправданный плен при пристальном рассмотрении, оторванный от логики обычной жизни, прежде всего своей гигиенической непосредственностью перед размножением как основной человеческой ценностью. Но, кто мог вдумчиво, авторитетно проанализировать и разоблачить такое щепетильно пристальное рассмотрение пленника, как рабства? Этакая широта взглядов не присуща обычным людям. Люди могут говорить о чём угодно, но чересчур гармоничная жизнь рано или поздно всё равно их валит в постель похоти и укрывает с головой одеялом быта, вранья и подлости. П. был похож на усталого циника и смотрел в мудрую призму стекла

своего окна на море, дорогу и солнце глазами незаконченного проекта, где не хватало деталей, которые должны были доставить незадачливые снабженцы. Одним словом – закалённый одиночеством, выносливый П. ждал некоторых недостающих мазков совершенства.

Суженные сухие зрачки П. давно заметили чёрную лодку, которая медленно плыла по заливу. Она причалила на пляже, и высокий худой моряк с обветренным лицом и острым носом резво спрыгнул в горячий песок. Моряк уверенно пошёл по дюнам и остановился на шершавом асфальте с ядовитыми полосками. Он сразу замахал рукой на пустой дороге, глядя на север. Медленно и похозяйски к нему шёл щёголь, похожий на кинопродюсера, который всё знал про кино, но не снял ни одного фильма ввиду разных причин. Это обстоятельство не помешало им обняться, как старым друзьям, не глядя на поношенный вид моряка в грязной тельняшке, так как на кону были спор и деньги. Они сразу развернули карту, чтобы удостовериться в точности местонахождения. Затем долго её вертели на дороге, возмущённо кричали и, договорившись, сжали друг другу руки, чтобы положить конец жаркому спору. Щёголь махнул рукой, и на холме дороги появилась пёстрая толпа энергичных женщин, которым уже объяснили задачи перемещений и перевоплощений. Женщины стекли с безупречной спины дороги к своему начальнику и слу-

шали последние наставления. Моряк закурил длинную сигарету, которой его угостил белоснежный продюсер и показал рукой на окно, где П. спокойно наблюдал за необычным представлением. Было видно как женщины, выстроившись в шеренгу, двинулись в сторону подъезда дома, где находился невозмутимый П..

***

Шум беспечного балагана на лестнице сотканный из множества женских возгласов и сомнительных шорохов, смеха, бряканья пустышек и погремушек на прекрасных станах изысканных красавиц продюсера-ловеласа не оставляли шанса никому доселе. Жаркий спор между моряком-простаком и приличным человеком в почти белоснежном костюме от кого-то грозил первому тяжелым бременем проблем, что было уже не за горами. Сладко скользила прекрасная река порока по тонкой коже рубленой топором лестницы-головомомки нелогичной жизни П. вверх к гордым гонорарам, бряцая и сморкаясь красотой, нищетой и пустотой. Множество круглых дыр в стене естественного происхождения затрепетали цветом, светом и обрывками неоконченных пьес за спиной П.. Стена в образе швейцарского сыра пришла в неистовое волнение и застонала, тысячи щупалец появились в отшлифованных отверстиях и тотчас спрятались, притаились, предвкушая смертельные поцелуи. Цветной газ заполнил комнату, тяжёлые занавески рухнули на окнах в мажоре, стены засверкали

охлаждённым разумом гения в простом гранёном стакане золотистого портвейна разлива двадцатого века Фокс, а коварная дверь подъезда на первом этаже по-хозяйски захлопнула душеловку в одиноком, уютном для незатейливой жизни доме у моря на холме. Невидимая сила придавила красоту-пустоту снизу и, как фарш из конфетти, вдавила в комнату, смешав все начинания, возникшие желания и планы их реализации в одну цветную кучубучу. Безжалостные, беспардонные щупальцы-санитары ловко мяли и гладили огромный цветной шар дедушки Фрейда. В возбуждённом воздухе под «Дураки» глубоко-лиловой лондонской группы замесили смычки, порванные струны, барабанные палочки, старые фотографии, шариковые ручки, потерянные ключи, сковородки, светильники, даже старый сломанный телевизор, который исчез много лет назад, с размаху втиснулся в шарпомойку, где сразу спрятался под пеленой женского белья, надутых накрашенных губ, рук и несбывшихся надежд. Вся комната задышала недосказанностью и анархией, вращаясь вокруг невозмутимого П., отчего его существование в таком скомканном мире казалось даже вызывающе эклектичным. Неожиданно П. встал и перевернул окно-картину на стене. Не поворачиваясь, он опять медленно сел на продавленный стул и закрыл на мгновение сухие выплаканые глаза. Часть стены рядом с картиной рухнула вниз и отполированный огромный разно-

цветный шар, похожий на планету Земля до Адама и Евы плавно исчез в образовавшемся проёме.

Было видно, как по дороге панически бежал белоснежный продюсер, который не снял ни одного фильма, и как Шар - Глобус догнал его на идеальной дороге с ядовитыми надписями, втоптал в себя и исчез за красивой спиной дороги, мелькая новым белым пятном пиджака где-то между Борнео и островом Пасхи. Худой моряк в порванной тельняшке по-детски смеялся и прощально махал рукой продюсеру пачкой честно выигранных денег. Затем он притих и долго смотрел через проём на П., который скованно сидел на продавленном стуле. Он хотел что-то крикнуть, но не решился. Его худое тело встрепенулось от восторга и поплыло среди белых дюн пляжа к берегу.

Только на сухом взгляде П. не было признаков восторга, напряжённые зрачки в очередной раз холодно считывали безжалостные строчки измученного голодом философа К. на обратной стороне картины-Луны-окна:

... тебе не надо выходить из дома, просто сиди и жди.

И не просто жди, а слушай. И Вселенная сама поползёт

к тебе на разоблачение. Она будет упоённо корчиться

перед тобой. Она не может иначе.

Автор: Герман Лён

Соскок

Качает. Качает уже вторые сутки. У одного из двоих недавно нанятых малайцев приступ морской болезни. Он видит, как тот срыгивает в полиэтиленовый пакет. К горлу подкапывает отвратительный комок. В каюте стоит резкий запах рвоты.

Под ним, на нижней койке, повернувшись лицом к переборке, спит Бриджеш, индеец. Команда его зовёт Бридж. На этой ржавой посудине, носящей гордое имя «Глория», Бридж кок, фельдшер и стюард. В каюте напротив, ютятся два англичанина, ирландец и поляк. На спардеке, в надстройке, располагаются каюты боцмана и радиста, двух механиков, старпома и второго помощника. Все англичане. На следующем ярусе каюты капитана шотландца и старшего механика немца. Вот такой интернациональный экипаж, хотя дружкой народов здесь и не пахнет. Англичане постоянно рассказывают анекдоты про ирландцев и поляков, редко смешные, в основном обидные, про поляков даже оскорбительные. Индийца и малайцев никто вообще за людей не считает. Старпом собачится со старшим механиком, капитану всё пофиг, он пьёт.

Драки на судне не редкость. В основном дерутся с ирландцем и между собой англичане. Когда выпьют больше обычного, дружно бьют поляка. Брид-

жу и низкорослым малайцам достаются презрительные пинки и подзатыльники.

Как-то раз, британцы стали свидетелями его выяснения отношений с поляком. Тот решил, что в этой «семье» он покажет «русскому дикарю» его место. После того, как он выбил «пшеку» два передних зуба, превратив лицо в кровавое месиво, и остудил его «панский синдром» в унитазе не блещущего стерильностью галюна, «хозяева морей» задирались, но в драку не лезли.

Унижение поляка стало поводом для новых оскорбительных шуток, и к с трудом скрываемой ненависти последнего к обидчику.

Неплохие отношения у него сложились с Бриджем, но из-за загруженности индийца работой, пообщаться им выпадало нечасто.

«Глория», владельцем которой был сам капитан Макальпин, как судно ограниченного района плавания, последнее время ходило в каботаже между Британскими островами. Несколькими годами ранее у сухогруза случались рейсы во Францию, Германию, балтийские страны. Раз даже, «Глория» ходила на Испанию, но после того, как на обратном пути едва не пошла ко дну в Бискайском заливе, капитан, натерпевшись страху, и надравшись

больше обычного, орал: «Я не позволю каким-то чёртовым волнам так трепать мою девочку! Теперь меня к этим чёртовым маврам никаких aguardiente de oгуjo не заманишь!».

Орать было не обязательно. Фрахтовые брокеры, увидев ржавую посудину и запитую физиономию Макальпина, вежливо делали «cheese», и ретировались в поисках другого грузоперевозчика, оставляя «кэпа» с носом, а команду без работы.

«Глория» перевозила копеечные грузы, от которых отказывались другие капитаны, и контейнеры небогатых частных. Несмотря на всё это, члены экипажа держались за эту работу, как переживший кораблекрушение цепляется за обломки судна. Да большинство из них и были потерпевшими крушение. Крушение надежд на достойную жизнь, на то, что всё может измениться к лучшему.

Старпом со стармехом считали дни до пенсии, штурман и механики имели такие «перспективные» рекомендации от прежних работодателей, что почитали место на «Глории» за удачу. Боцман, как старый дворецкий преданный своему хозяину и дому, привязался за долгие годы к судну и капитану, помня лучшие их времена. Поляку и малайцам более приличного ничего не светило, Бридж уже

похоронил надежду получить разрешение на работу хоть в каком-нибудь медучреждении, а остальным, сменившим камеры на каюты, было всё равно. Правда, двоим из них, вместо которых наняли малайцев, камеры показались привлекательнее, их арестовали в Глазго, за попытку ограбления.

А вот что здесь делает он? Чего ему не хватало раньше? «Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?...». Какого хрена его занесло в этот грёбаный «туманный Альбион»? Его, потомственного курянина, который когда-то на уроке географии и страну-то эту на карте без подсказки показать не мог.

Родился он в обычной рабочей семье. Отец с матерью трудились на Курском аккумуляторном заводе. Рос, как большинство ребят с «рабочих окраин». Звёзд с неба не хватал, прогуливал уроки, дрался в компании таких же как он, с пацанами из других районов Курска, не помышляя в будущем о чём-то другом, кроме как работе на одном из заводов города.

Окончив школу на тройки и пятёрку по физкультуре, и проработав семь месяцев на заводе, где вкалывали отец с матерью, по весне он призвался в армию. Служить попал в доблестные «войска дяди Васи». Там-то он и подружился с Витьком, парнем из Одессы, который умел смешно говорить, и взахлёб рассказывал о море, о «пароходах», о «фartовых морях» заграничания, мечтал после службы по-

ступить в ШМО на матроса-моториста, подбил и дружка на это дело. Они даже письма в «школу» отправили. А что? Скоро «дембель»!

У Виктора не случилось, он погиб в Асмарском ущелье в самом конце февраля 80-го года.

А ему пришёл вызов из Одесской ШМО на домашний адрес, через два месяца после возвращения из армии.

Мамаша пустилась было в крик, но отец его поддержал:

- Не голоси, мать! Пусть парень лучше морем дышать будет, чем свинцом. Поезжай сын, подальше от этой жизни проклятушей.

Так он стал курсантом Одесской школы мореходного обучения.

По приезду в Одессу, он первым делом навестил родителей Виктора... Как же больно было их видеть! Особенно мать. Они просили его навещать их, и он обещал, как не трудно было смотреть им в глаза. Его не отпускало тягостное ощущение себя без вины виноватым. Каждый раз он читал в их взглядах (а может ему это только казалось?) один и тот же немой вопрос: «Почему ты жив, а ОН нет?». Поначалу он честно приходил к ним, а потом перестал. Тогда он посчитал, что для всех так будет лучше. Сейчас у него нет той, прежней уверенности в правильности принятого им решения... Может в их глазах был не укор, а перенесённая на него нерастраченная любовь к сыну? Как знать... Впрочем сейчас это уже не важно. Он

уже пятый год гражданин другой страны, по молодости, неразумности ли, подобно папуасу, поведшемуся на жестяные ножницы и стеклянные бусы, поверивший в западный процветающий рай. Человек без родины и уже без цели, уподобившийся послушному воле ветра растению перекаати-поле.

С каждым годом, узнавая о жизни на Западе не по рекламным буклетам и медоточивым «вражьим» голосам, и даже не по своим обрывочным, поверхностным впечатлениям от краткосрочных увольнений на берег, в составе обязательной группы под присмотром кого-то из начальства, а окунувшись с головой в реалии этой жизни, он с горечью всё отчётливее сознавал свою ошибку.

Сравнивая себя с пассажиром поезда, взявшим билет в верном направлении, с чётко обозначенным пунктом назначения, а потом, легкомысленно поддавшись сиюминутной прихоти, сошедшим на приглянувшейся чем-то станции, он готов был биться головой о переборку. Сказочный, в свете ночных фонарей теремок билетной кассы, поутру оказался старым, грубо сколоченным сараем, а красивые нарядные люди, радостно встречавшие поезд на перроне, мрачными оборванцами, с холодными пустыми глазами. Поезд ушёл, а он остался в незнакомом городе, с занятыми собой и своими делами жителями, которые не проявляли к нему ни малейшего интереса.

«Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого

крыльца», писал Данте. Уж кому, как не ему, окончившему жизнь в изгнании, знать об этом.

Разве до него не дошёл смысл этой выстраданной, и сжатой в короткую фразу истины?

После окончания мореходной школы, уже работая в пароходстве он, отчасти вынуждено, приобщился к чтению. Войдя во вкус, он перечитал все книги из школьной программы, удивляясь себе, как это могло ему когда-то казаться скучным. Он читал русских и зарубежных классиков, книги по истории и философии, девственно кочующие по судовым библиотекам.

Серьёзно относиться к занятиям он стал с первых дней пребывания в ШМО. В отличие от школы, он видел в учёбе смысл и способ достижения поставленной перед собой цели.

Английский в «шмоньке» преподавал интересный старик, его метода обучения языку, ничего общего не имела со школьной программой.

Через год он неплохо понимал и говорил по-английски. Экзамены в средней школе он с трудом сдал бы и сейчас, но довольно свободно смог бы поговорить на английском с членами экзаменационной комиссии на отвлечённые темы.

Вручая аттестат пестревший пятёрками, начальник школы пригласил его зайти к нему в кабинет для беседы, предложил на льготных условиях поступать в среднее, или высшее мореходное училище, но он отказался, отговорившись семейными обстоятельства-

ми. На самом деле, ему не терпелось повидать мир.

Через год, разобравшись, что к чему, он поступил на заочное отделение ОВИМУ, на факультет морского судовождения.

За три года работы на флоте он побывал в Австралии, обоих Америках, почти во всех, имеющих выход к морю странах Европы. Приезжая домой в отпуск, он был шокирован пустыми прилавками продовольственных магазинов, бесчисленными очередями, с выкриками: «Больше двух в руки не давать!». В мясном отделе его заставила невесело улыбнуться чья-то грустная шутка. На белых эмалированных подносах в витрине, вместо мяса, красовалась старательно выложенная из банок с морской капустой надпись: «СЛАВА КПСС!».

Ему, видевшему, как живут люди в других странах, было до слёз обидно за своих сограждан, плохо одетых женщин, с вечно тяжёлыми сумками в руках и непреходящей тоской в глазах, мужчин с угрюмым видом, пьющих разбавленное водопроводной водой пиво, подкреплённое водкой, в грязных пивных, унылых пенсионеров на лавочках у подъездов, бездумно веселящихся детей, на покореженных игровых площадках.

Повсюду безысходность и неверие. И всё это под бодрые голоса дикторов и телеведущих: «Время не властно над ленинизмом». Предлагается жить, «вновь и вновь припадая к неиссякаемому, светлому роднику идей Ильича»; Трудящиеся Азербайджана

знают, что всеми своими достижениями они обязаны мудрому руководству родной коммунистической партии; В своей речи К. Черненко призвал обратить особое внимание на проблемы «укрепления порядка, организованности, дисциплины». Неиссякаемый поток пафосной лжи, ничего общего не имеющий с реальностью.

Сухогруз, на котором он работал, возвращался после долгого рейса. Телевизор в столовой команды с помехами ловил чужие трансляции, где разнокожие ведущие, на фоне панорамы Кремля и что-то энергично вещающего с трибуны третьего, за четыре последних года генерального секретаря, беззвучно комментировали какие-то нешуточные события в стране.

На вопросы экипажа: «Что у нас там случилось-то?», замполит только отмахивался.

А случилось «перестройка». Когда телевизор стал принимать советские каналы, моряков невозможно было оторвать от экрана. На всю страну обличённые властью люди говорили такое, что ляпни что-то подобное кто-нибудь из экипажа, он впереди собственного крика вылетел бы не только с «загранки», но и с пароходства.

- Где замполит? – с лавки поднялся богатырский сложения моторист, залёт в Сингапуре первый помощник капитана обещал списать его на берег, - пойду ка я побеседую с ним с глазу на глаз о «ведущей и направляющей роли...».

Замполит заперся в своей каюте, занятый на-

ружными и внутренними спиртовыми примочками, до самой Одессы избегая контактов с кем-либо из команды.

Перемены, начавшиеся в стране, он принял с изрядной долей скепсиса, порадовало только то, что в увольнение в иностранных портах можно было ходить «без привязи», на своё усмотрение. Это послабление и стало для него первым шагом в никуда.

Мысли о том, чтобы «соскочить» свербил, как заноза под кожей, особенно когда случалось наблюдать сытую размеренную жизнь европейцев. Надежда, что кардинальное изменение политического курса в стране изменит жизнь к лучшему, ненадолго притупила их остроту. Благодаря специфике работы на флоте, он неплохо научился разбираться в людях. Понаблюдав какое-то время за новым генсеком, он сделал для себя неутешительный вывод: «К власти пришёл политический авантюрист и болтун, и дальше всё будет только хуже». Желание покинуть страну, превратив в поле для очередного эксперимента, и нежелание становиться подопытным кроликом, вернуло его к прежним размышлениям.

Немаловажную роль в принятии решения не возвращаться в «страну победившей гласности и перестройки», а другими словами, болтовни и развала, сыграла подспудная уверенность, что родители не будут подвергнуты гонениям за «иуду» сына. Поймут ли и простят отец с матерью его поступок, останется внутрисемейным делом, а

не общегосударственным.

Решение «соскочить» именно в Англии не было спонтанным. Он уже хорошо владел языком, и потому выбирал из англоязычных стран. Учить ещё какой-нибудь европейский язык в его планы не входило.

В «штаты» и Австралию их сухогруз ходил редко, да и американская суэта его не привлекала, впрочем, как и унылая австралийская экзотика. Была ещё Канада, но в его представлении она почему-то виделась чем-то вроде большой Финляндии – лыжи, снегоходы и северные олени. Опять же значительная отдалённость от родных пенат. Мало ли что...

Своими планами он ни с кем не делился, исправно исполнял обязанности старшего рулевого, продавал в иностранных портах водку, сигареты и прочие товары падким до дешёвизны аборигенам, подкапывая валюту на «первое время».

88 статью УК никто не отменял, но его это мало волновало. Спрятать на судне рулончик купюр, дело нехитрое. Ему помнился случай, когда боцман, большой почитатель запрещённого в Союзе Вилли Токарева, приобрёл в Нью-Йорке полтора десятка касет с записями своего кумира. Ничтоже сумняшеся, он герметично упаковал свои «сокровища» в полиэтиленовую плёнку, привязал к свёртку такелажную скобу, и утопил его в двухсотлитровой бочке с белилами. Сверху на бочку водрузил стопку заляпанных свежей краской ведер. Какой дурак

из таможни станет без наводки по бочкам шарить?

Подходящий для «соскока» случай, представился через полгода. Сухогруз, на котором он работал, пришёл в Ливерпуль с грузом цветного металла.

Англичане предложили членам экипажа участвовать в организованной ими международной спартакиаде между командами стоящих в порту судов.

Ему это было только на руку. Под видом спортивных принадлежностей, он набил сумку более подходящими вещами, достал из тайника заначку, и спустился к поджидавшему у трапа микроавтобусу.

Автобус, сделав крюк, прокатил «спортсменов» мимо кафе, в котором ковали своё будущее «Жуки», и доставил их на стадион «Энфилд».

Он замешкался, поджидая, пока ребята шумной толпой втянутся в ворота стадиона, подхватил сумку и...

Ему было страшно и весело одновременно. Он почти физически ощущал, как улицы, которые он, не выбирая специально направления проходил, перечёркивают своими линиями его прежнюю жизнь, а решётки перекрёстков отсекают путь назад. «Alea jacta est! Рубикон перейдён», - думал он, ускоряя шаг.

На окраине города он снял номер в дешёвой гостинице. Пребывая в некой эйфории, он не сразу задал себе один из многих, в последующем, неприятных вопросов: «А чем, собственно, этот «клоповник» лучше отечественных, в ко-

торых ему довелось прожить по приезду из отпуска, в ожидании прихода в порт своего судна, или здесь клопы коньяком пахнут?».

В день отхода сухогруза, он приехал в порт, и спрятавшись за контейнером, как нашкодивший кот под диваном, наблюдал за фигурками в оранжевых касках, отдающих швартовы, травящих через носовой клюз конец на буксир, как ширится полоска мутно-зелёной воды между причалом и бортом судна.

Ничто другое, а именно эта всколыхнувшаяся от вращения винта немолимо разрастающаяся полоса, с пришедшими в движение щепками, пластиковыми бутылками и прочим портовым мусором, фиксируемая вопреки воле сознанием, едва не заставила его выбежать из укрытия, и размахивая руками, во весь голос закричать: «Стойте! Подождите! Я здесь!».

Но он не выбежал, и не закричал. Его всей своей тяжестью накрыла волна осознания непоправимости случившегося, грудь сдавило незнакомое до этого момента пугающее чувство абсолютного одиночества. Он стоял, жадно глотая сырой, пахнувший йодом и нефтью воздух, и не мог пошевелиться.

Потом были бесконечные хождения по разным бюрократическим инстанциям, настырный репортёр из «Liverpool Echo», так и не добившийся от него обличительных политических заявлений, получение вида на жительство, поиск работы, и переезд в Филикстоу, портовый город

в получасе езды от Ипсвича, порта приписки «Глории», единственного судна, на которое ему удалось устроиться.

Со временем рейсы становились всё короче, а простои в порту дольше.

Чтобы не торчать на опостылевшем корыте, он снял недорогую крошечную квартиру в не престижном районе, рядом с портом, купил телевизор и кое-какую мебель на распродаже. Соседями у него были в основном поляки, турки и несколько представителей неизвестных ему национальностей, даже отдалённо не напоминающих англосаксов. Кичливые поляки, узнав что он русский, демонстративно воротили от него физиономии, остальным он был безразличен.

«Вот тебе и Англия, вот тебе бабка и Юрьев день...», - досадовал он.

Всё чаще он задумывался о смысле своего пребывания в этой бесспорно замечательной, но так и не ставшей близкой стране. Его угнетало непреходящее состояние одиночества, своей никому ненужности, и по сути, жалкому прозябанию на обочине некогда вожделенной европейской жизни, которая так и осталась недостижимой мечтой, глянцевою картинкой из журнала.

В пабе, который он посещал по дороге домой из порта, он познакомился с Йованой, она работала там официанткой.

Йована была сербкой из небольшого городка под Люблянкой, название которого он так и не запомнил. В Англии она жила уже несколько лет. Они ста-

ли встречаться. Потом она перебралась к нему. Его квартира была ближе к пабу, да и за жильё платить не надо. Йована была практичной женщиной. С её появлением берлога, в которой он обитал между рейсами, стала по-домашнему уютна. Появились шторы на окнах, цветы в горшочках. Вскладчину они купили двухспальную софу, и музыкальный центр. Йована привезла с собой Драгана, большого откормленного кота британской породы.

«Наконец-то в этом квартале поселился хоть один настоящий англичанин», - шутил он, поглаживая короткую, голубоватую шерсть животного.

С Йованой у него сложились ровные, доверительные отношения, словно они с ней экстерном прожили лет двадцать. Она была на четыре года старше его, и обращалась с ним с необидной снисходительностью, за что он переименовал её в Ивановну.

У неё была старенькая «мазда», и они при случае выбирались в Ипсвич, гуляли по городу, ходили в кино, обедали в каком-нибудь недорогом ресторане.

Казалось, что всё как-то наладилось, но нет-нет, а не к месту царапнет злобная мыслишка: «А что? Там, дома, среди своих, ему заказано было иметь то, что он имеет сейчас? Чем здесь лучше? Европа... А Курск, можно подумать, находится где-то на южной оконечности острова Миклухо-Маклая!».

Он внимательно следил за тем, что происходит на родине, теперь уже

не СССР, а России, за распустившейся махровым цветом демократией, свободой слова и рыночными отношениями, которыми он уже нахлебался здесь до изжоги, вчитывался в строки нечастых писем от родителей. Из переваренной им массы информации он понял главное, его никто не посадит в тюрьму, если он надумает вернуться назад.

И он надумал, и надумал не вчера. Этот рейс последний. Ему до чёрта надоело это общество «равных возможностей», эта свобода, которая начинается после нескольких сотен тысяч фунтов на счету, это не нуждающееся в честном, пусть даже и кратком ответе «How are you?». Фальшивые улыбки, имперская надменность британцев, от империи которых осталась горстка островов, на которые валом валят жители прежних колоний, потрясая корочками с изображением льва и однорогого осла не поделивших гербовый щит. Всё! С него хватит. «В деревню, в глушь, в Саратов!», то есть в Курск. «Иванна» вряд ли захочет с ним поехать, но это не главное. Значит не судьба.

Несмотря на усили-

вающуюся качку, ему удалось ненадолго уснуть.

Разбудил его мощнейший удар волны в борт, корпус судна содрогнулся, словно в агонии, со стороны трюмов послышался режущий слух скрежет, за ним грохот. «Глория» опасно накренилась на левый борт.

«Груз сместился... Говорил же second(y), что крепче найтовить надо!», - он спрыгнул с койки.

Бридж и малайцы, округлившие с испуга раскосые глаза, уже были на ногах.

- Чего встали?! На шлюпочную, быстро! - рявкнул он, и добавил по-русски, - сейчас перевернёмся нахрен.

Ни общесудовой, ни шлюпочной тревоги не объявляли, но и без того было ясно, что ещё одна такая волна, и «Глория» пойдёт ко дну.

Они неуклюже побежали по узкому, завалившемуся на бок коридору к трапу, ведущему наверх, к шлюпочной палубе, на которой крепилась единственная шлюпка, оснащённая специальным спусковым устройством. Спасательные плоты на судне не проверя-

лись несколько лет, и надеяться на них вряд ли стоило, зимой в Атлантике в воде долго не продержишься.

С главной палубы наверх было два выхода. Один на площадку спардека, внутри надстройки, ближе к носу, другой от холодильника наружу к корме, на которой под углом к палубе крепилась шлюпка.

Никто из них, готовый в любой момент не удержать в ненадёжных скрепах рационального понимания происходящего белоглазую, рвущуюся наружу панику, не мог знать, что поляк, выбежавший на палубу последним, захлопнул дверь, и нарочно заблокировал ручку задрайки.

Не сумев открыть дверь, они, толкаясь, бросились к другому выходу...

«Глория» затонула во время шторма у северного побережья Ирландии. На выловленной подоспевшим к месту катастрофы китайским сухогрузом спасательной шлюпке находилось одиннадцать из пятнадцати членов экипажа. Индеец, малайцев и русского, среди них не было.

Автор: Григорович
Андрей

Ускользающая по волнам

...Она всё время убе-
гает в даль,
скользя по грани
призрачной мечты,
и сердце жжёт без-
жалостная сталь,
когда в тумане исче-
заешь ты...

Из старинной рыбац-
кой песни

Рано или поздно, под
старость или в расцвете лет,
Несбывшееся зовёт нас, и
мы оглядываемся, стараясь
понять, откуда прилетел
зов. Тогда, очнувшись сре-

ди своего мира, тягостно
спохватясь и дорожа каж-
дым днём, всматриваемся
мы в жизнь, всем сущест-
вом стараясь разглядеть, не
начинает ли сбываться Не-
сбывшееся. Не ясен ли его
образ? Не нужно ли теперь

только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывём мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня.

Александр Грин

Это был конец. Он стоял на вершине восьмидесятиметрового утёса, на самом краю небольшой смотровой площадки, к которой от подножия вела крутая извилистая лестница, вырубленная прямо в скалистом склоне. Под утёсом бушевало и пенилось неспокойное штормовое море. Он напряжённо вглядывался в горизонт в надежде увидеть хоть слабый отблеск призрачного мерцания.

Холодный порывистый ветер безжалостно трепал его драное грязное рубище, обжигая морозной свежестью всё тело. Длинные, доходившие до самых плеч, волосы постоянно сбивались и мешали смотреть. Не отводя глаз от линии горизонта, он каждый раз убирал волосы с лица и, точно гребнем, заскорузлыми огрубевшими пальцами откидывал их назад.

Как он ни вглядывался, но ничего кроме бушующих волн и вспышек молний на грозовом небе он не видел. Он был в полном отчаянии. Невдалеке, возле большого камня, лежал тубус с холстами и кожаная дорожная сумка с красками, кистями и неоконченной рукописью.

Пошёл дождь. Он даже не шелохнулся, всё также напряжённо продолжая вглядываться в горизонт. До самого вечера он

простоял, как изваяние, на утёсе. И только, когда начали сгущаться сумерки, видно, потеряв последнюю надежду, он с трудом оторвал свой взгляд от линии горизонта и бессильно опустил-ся на камень, возле которого лежали его вещи.

Немного помешкав, он достал из сумки рукопись, пробежал глазами последние строчки, предельно сосредотачиваясь на прочитанном, заставляя работать мысль. Но мысль не работала. По щекам покатились огромные, как горошины, слёзы. Руки безвольно опустились вниз, пальцы разжались и рукопись выпала на холодные мокрые камни. Подхваченные ветром страницы шумно поднялись в воздух и, клубясь в хаотичном полёте, точно пчелиный рой, быстро унеслись в сторону моря и исчезли в темноте.

Вот и всё, это конец, подумал он и решительно шагнул к пропасти. Но в последний момент, у самого края, он вдруг вспомнил о жене и дочке и остановился. Больше двух лет он их не видел и ни разу не думал о них. Тёплые воспоминания волной нахлынули на него и окатили приятным жаром.

Как там они сейчас проживают? Пронеслось у него в голове. Перед глазами вспыхнул яркий домашний очаг, запыхтел самовар на столе, ожили давно забытые лица.

И вдруг ему стало как-то одиноко и неуютно на этом голом скалистом утёсе. И его, точно магнитом, потянуло туда, к ним, домой. И когда он уже повернулся, направляясь к ле-

стнице, чтобы поскорее спуститься вниз, ему показалось, что где-то вдалеке, в кромешной тьме, там, где бушевала стихия, мелькнул слабый, еле заметный отблеск. Он резко обернулся назад, напряжённо вглядываясь в темноту. Да, это было оно – призрачное мерцание. Оно ускользало в бушующую даль по чёрным волнам, бесследно рассеиваясь в темноте.

Он машинально потянулся за ним рукой, словно желая схватить его, удержать, удержать хотя бы на какое-то мгновение, и, оступившись, сорвался с утёса вниз. Кромешная тьма и морская пучина проглотили его навечно. Это был конец.

А началось всё с самого обычного дорожного романа. Он ехал в Арциз, она – в Татарбунары. Он сел в Полтаве, она – в Кировограде.

Уже месяц стояла жаркая летняя погода. Не смотря на открытые окна, в вагоне было невыносимо душно.

Когда она вошла в купе, его словно озарило – появилось непривычное ощущение внутренней полноты. Ему показалось, что в колышущейся глубине её голубых, как морская акварель, глаз мелькнуло нечто важное, значимое, то, чего ему так не хватало все эти долгие годы.

Лёгкое возбуждение будоражило и вдохновляло. Ему тут же захотелось нарисовать её портрет. Он достал из сумки блокнот и карандаш и чёткими твёрдыми штрихами сделал быстрый набросок. Закончив, он показал его ей. От не-

ожиданности она вспыхнула, как алый лепесток пламени,- щёки залило краской смущения, сердце гулко заколотилось в груди.

Она взяла у него карандаш. "Спасибо. Очень похоже. Меня ещё никто никогда не рисовал",- написала она в блокноте под рисунком. Она сказала бы больше, если бы могла говорить, но, к сожалению, она была немой.

- У вас такие красивые глубокие глаза,- восхищённо произнёс он.- Если в них заглянуть, то можно утонуть и пропасть навсегда.

Она не слышала того, что сказал он, потому что была глухой. Зато она прекрасно умела читать по губам, поэтому поняла всё, что он сказал. После этих слов в ней точно что-то перевернулось, и она внимательней взглянула на своего собеседника, и в его невыразительной заурядной внешности вдруг разглядела нечто важное, значимое, то, чего ей так не хватало все эти долгие годы.

Он сделал ещё один набросок и окончательно вскружил ей голову. "Я боюсь потерять с вами голову",- написала она под рисунком.

- Я тоже боюсь этого,- сказал он, приступая к следующему наброску.

Так продолжалось до позднего вечера. А когда в вагоне погас свет, и все улеглись спать, он достал из сумки другой блокнот и начал писать роман. Замысел и сюжет созрели моментально, поражая своей простотой и гениальностью. К утру первая глава была готова. Он с трудом заставил

себя оторваться от записей и сделать перерыв. Такого с ним давно уже не было. Вдохновение пьянило и кружило голову, как игристое вино.

Он шёл на поводу у чувств и интуиции. Она тоже не могла совладать с собой. Таким образом, самый обычный дорожный роман превратился в нечто большее.

Они встали в Одессе и никуда дальше не поехали. С вокзала они пошли на Пантелеймоновскую, оттуда свернули на Ришельевскую, с Ришельевской – на Малую Арнаутскую, с Малой Арнаутской – на Белинского, с Белинского – на Лидерсовский бульвар, и так далее, пока не дошли до Ланжерона. Почти у самого моря, они сняли небольшой захудалый домик с видом на порт и морвокзал, и остались там жить.

Они решили начать с чистого листа. Прошлые их больше не волновало и не заботило, словно ничего и не было прежде. Они больше не вспоминали и не думали о прошлом. Было лишь настоящее, до краёв наполненное вспыхнувшими чувствами и переживаниями, очень похожее на красивую выдуманную сказку, никак не увязывающуюся с тем уродливым и несовершенным миром, в котором мы с вами живём.

На фоне южного субтропического пейзажа их жизнь выглядела очень романтично и привлекательно. Днём они купались и загорали на пляже, вечером он выходил с мольбертом на Дерибасовскую рисовать портреты и шаржи, чтобы немного подзарабо-

тать. Она садилась в кафе напротив и весь вечер с любопытством наблюдала за ним. Когда он заканчивал, они вместе возвращались домой и она ложилась спать, а он садился за свой роман.

Тех денег, что он зарабатывал, вполне хватало, чтобы удовлетворить все их скромные потребности и капризы. С плетёной корзиной по утрам они заходили на Привоз за фруктами, мясом, овощами и вином. Она любила всякие кружева и безделушки и часами могла стоять у галантерейного прилавка, рассматривая выставленные на продажу наряды. Время от времени он покупал ей понравившиеся платица, в которых она порхала, как мотылёк и выглядела шестнадцатилетней девочкой.

В их покосившемся штукатуреном домике со скрипучим дощатым полом, огромной деревянной кроватью, круглым растрескавшимся дубовым столом и несколькими расшатанными стульями было уютно, светло и просторно. Свежий морской ветер, насыщенный едким запахом ёда, шевеля занавесками, врывается в распахнутые настежь окна вместе с лучами восходящего солнца и приносил с собой отдалённый рокошущий шум прибоя с пронзительными голосами голодных чаек, басистыми гудками пароходов и еле слышным гулом работающей портовой техники.

Возле их домика был крохотный яблоневый садик, в котором они, прячась от нестерпимого зноя, любили проводить слепо-

луденные часы. Она дремала, покачиваясь в старом верёвочном гамаке, а он, устроившись напротив, прислонившись спиной к шершавому стволу яблони, пыхтя, как пароход, своей неизменной капитанской бриаровой трубкой, рисовал её.

И чем больше он рисовал, тем больше это его захватывало. Весь дом был увешан её портретами, не считая целой стопки тетрадей и блокнотов с набросками и зарисовками.

Работа над романом шла быстро. Она захватывала ещё больше, чем живопись. В начале осени он закончил последнюю главу и приступил к редактированию, после чего отдал свой роман издателю.

Когда бархатный сезон был на излёте, и с моря подул морозным холодом, его роман напечатали в местном журнале, за что он получил небольшой гонорар. Особого удовлетворения ему это не принесло. Он ожидал чего-то большего, а чего он и сам толком не знал.

Вдохновение исчезло также неожиданно, как и появилось. Вместе с вдохновением исчез интерес к живописи и творчеству. Он перестал рисовать, забросил мольберт и краски, и доставал их только тогда, когда выходил на Дерибасовскую подзаработать.

Он часами бродил по безлюдным голым пляжам, обдумывая сюжет нового романа, но ничего стоящего ему в голову не приходило, а то, что приходило, ему не нравилось, и от этого он очень злился на себя, на всех вокруг и порой даже

на неё.

У него опять появилось ощущение внутренней пустоты, мучительное, неприятное, гложущее и не дающее покоя. В один миг всё утратило своё значение, важность и смысл. Он напряжённо вглядывался в колышущуюся глубину её голубых, как морская акварель, глаз, но ничего там не видел. Ничего больше там не было, кроме голубой бессмысленной бездны. От отчаяния он чуть не лишился рассудка. Он не хотел терять то, что было ему так дорого.

Как-то, прогуливаясь по морскому берегу, далеко-далеко за линией горизонта, в том месте, где море сливается с небом, он увидел неестественное, еле заметное призрачное мерцание. Он долго стоял, всматриваясь в горизонт, не в силах оторвать глаз от чарующего мерцания. А когда мерцание исчезло, у него вдруг появилось уже хорошо знакомое чувство внутренней полноты и желание рисовать. Он поспешил домой и без промедления принялся за работу. Весь день он рисовал, а вечером засел за новый роман. Его прямо распирало от вдохновения и жажды творчества.

На следующий день, во время прогулки у моря, он снова увидел призрачное мерцание и застыл, как очарованный, жадно пожирая его глазами. Конечно же, он понимал, что это обычная игра света и тени, но никак не мог объяснить себе, почему она так притягивает, завораживает и наполняет его сущность смыслом и значимостью.

Он стал ходить к мо-

рю каждый день, чтобы полюбоваться таинственным, загадочным призрачным мерцанием, которое вдохновляло его и приводило в неопишуемый восторг. Со стороны это походило на тихое помешательство, но ему, по большому счёту, было наплевать на то, что думают о нём люди. Он настолько погрузился в глубины своего творческого воображения, что перестал обращать внимание на других и даже на неё. Постепенно она отошла на второй план. Он бросил писать её портреты, а со временем и вовсе потерял к ней всякий интерес. Но охваченный эйфорией творчества, он этого не замечал.

Внешне их жизнь совершенно не изменилась и выглядела такой же благополучной и счастливой, как и прежде. На самом же деле внутренняя связь между ними была разорвана окончательно и бесповоротно. Она это видела и понимала. И её глухонемое сердце рыдало от горечи и душевной боли. И, тем не менее, она не спешила ставить точку. Напротив, она ужасно боялась этого и до последнего надеялась на переменчивость судьбы.

Однажды, в самый разгар сезона штормов, во время одной из прогулок у моря, ему показалось, что призрачное мерцание, точно хвост кометы, стало ускользать в бушующую даль и меркнуть среди разгулявшихся чёрных волн. В тот же день вдохновение покинуло его. Всю ночь он промучился в бреду и кошмарах, а утром, чуть забрезжил рассвет, поспешил к морю и проторчал там до

самого вечера, но ничего похожего на призрачное мерцание он больше не увидел. В его жизни опять началась чёрная полоса, полная пессимизма и отчаяния.

Все последовавшие за этим дни, с утра до вечера, он проводил на пляже у моря, напряжённо вглядываясь в безграничную даль, в надежде увидеть хоть слабый отблеск призрачного мерцания. Но всё было напрасно.

Каждую ночь ему снился один и тот же ужасный сон – призрачное мерцание ускользало от него среди бушующих волн и растворялось в штормовой пелене. Это было невыносимо. После долгих раздумий он принял окончательное решение.

- Я уплываю на другой берег моря. Ты поплывёшь со мной? – сказал он равнодушным безучастным голосом, пересчитывая все свои деньги. – Здесь ровно на два билета до Стамбула.

От неё не укрылось его безразличие. Она впиалась глазами в его губы, но он больше не произнёс ни слова, продолжая пересчитывать деньги. На какое-то мгновение она растерялась. Женская интуиция и рассудок подсказывали ей бросить его, никуда с ним не плыть, порвать с ним раз и навсегда. Но влюблённое безрассудное сердце не желало подчиняться законам здравого смысла и человеческой логики. Оно подчинялось лишь законам любви и безрассудных чувств.

Когда он закончил считать деньги и снова посмотрел на неё стеклянным холодным взглядом, она утвердительно кивнула го-

ловой.

Весь рейс от Одессы до Стамбула он простоял на палубе парохода, отчаянно вглядываясь в беспокойную штормовую даль. И только перед Стамбулом, когда судно входило в Босфор, он увидел огненный хвост призрачного мерцания, скользившего по линии горизонта.

Первое время они жили в Кумкее, почти на самой окраине посёлка, в старой заброшенной рыбацкой лачуге. Туристов здесь практически не было, поэтому его картины спросом не пользовались. Они перебивались с хлеба на воду – чтобы подзаработать хоть какие-то гроши на пропитание, он вынужден был ходить с местными рыбаками в море.

В Кумкее он создаёт целую серию полотен о нелёгких буднях простых рыбаков. Эти картины заметно отличались от его предыдущих работ, выполненных на холсте, в композиционном, стилевом и техническом отношении они были безупречны и блестящи.

Но, к сожалению, в Кумкее некому было по достоинству оценить картины, и поэтому их автор приходилось влачить полупнищенское существование. Но это нисколько не удручало его. Призрачное мерцание озаряло морскую гладь, вдохновение ни на миг не покидало его, всё своё время он посвящал творчеству, работа над романом близилась к концу. Не смотря на невзгоды и трудности, он был счастлив.

И она, глядя на него, стойчески переносила ли-

шения и радовалась за него, и была счастлива от того, что они вместе, от того, что он рядом, от того, что он счастлив.

Всю зиму они прожили в Кумкее, а в начале весны, следуя за призрачным мерцанием, перебрались в Стамбул. Там его ждала громкая слава и успех. Совершенно случайно в Стамбуле он сошёлся с группой молодых художников-модернистов, которым покровительствовал один очень богатый меценат-коллекционер.

После нескольких выставок его картины начали раскупаться за баснословные деньги. Он стал богат и знаменит. Наконец-то мытарства закончились.

Они поселились в шикарных апартаментах в самом престижном районе города, начали вести великосветский образ жизни, ездили в собственном экипаже с кучером и лакеями на закорках, посещали аристократические клубы и собрания.

Но такая жизнь быстро наскучила ему. В первом этаже своих шикарных апартаментов, в огромной гостиной, он устроил мастерскую, где занимался живописью, принимал клиентов и заказчиков, организовывал шумные вечеринки с собратями по искусству.

Всё это было лишь прелюдией подлинного успеха. Настоящая слава пришла к нему после того, как он опубликовал свой роман. Он опубликовал его на собственные средства отдельным изданием. После этого о нём заговорили критики и искусствоведы, принуждая и Академию искусств сде-

лать официальное признание новоиспечённого классика, что в конечном итоге и произошло. У него сразу же появились последователи, подражатели и ученики.

К ученикам у него было особое отношение. Своих учеников он безмерно любил и всячески опекал. В основном, это были молодые начинающие художники. Они толклись в мастерской с раннего утра до позднего вечера. Двери его мастерской были открыты для всех желающих, а их было не мало. Для каждого находилось место в мастерской, каждому уделялось достаточно внимания. Он был отменным учителем. Платы за уроки он ни с кого не брал. Ученики его обожали и боготворили. С отеческой щедростью и великодушием он открывал им секреты своего мастерства и всю свою широчайшую душу.

Лишь об одном он никому никогда не рассказывал – о призрачном мерцании. Это был его самый сокровенный секрет – секрет его вдохновения и таланта. Даже она ничего не знала об этом.

Ежедневные прогулки у моря стали для него теперь жизненной необходимостью и потребностью. Он ходил к морю на рассвете, когда весь город ещё спал, и приступал к работе только после прогулки. От этого теперь зависело всё: и вдохновение, и настроение, и вся его жизнь. Без призрачного мерцания он больше не мыслил своего существования, ни о чём другом он больше не думал.

И о ней он тоже больше не думал. Слово её

и не существовало, словно её и вовсе не было. Вечно занятый самим собой и своим творчеством, он её просто не замечал.

Её влюблённое глухонемое сердце разрывалось на части от обиды и горечи. Но она смиренно прощала ему всё, лишь бы он не бросил её, лишь бы он был рядом. Без него её жизнь не имела бы смысла и значимости. Без него незачем было и жить. Она любила его ещё больше, чем прежде, и от этого только страдала и мучилась. Ничего, кроме мук и страданий, не приносила ей эта любовь и ничего хорошего не предвещала.

В те минуты, когда они были вместе, она считала себя самой счастливой на свете, по крайней мере, ей так казалось. На самом же деле, она была глубоко несчастлива. Она предчувствовала близящийся конец и подсознательно уже готовилась к этому.

Он же, окрылённый успехом, купаясь в лучах громкой славы, жил в мире своих творческих иллюзий и наслаждался жизнью в полной мере. Он ничего не предчувствовал и ни к чему не готовился. И особо не задумывался о завтрашнем дне. Он жил днём сегодняшним и был благодарен Господу Богу за каждый прожитый плодотворный день.

И всё же, находясь на вершине славы и имея целое состояние, к деньгам и славе он был совершенно равнодушен. Деньги и славу он воспринимал, как должное, как предопределённое и неизбежное признание высокого мастерства

и незаурядного таланта, как заслуженную справедливую награду за ежедневный титанический труд, требующий невероятнейших усилий и стараний, как утверждение своей собственной значимости.

Его новый роман ещё не был закончен, но уже, судя по наметившимся сюжетным и идейным направлениям, обещал стать шумной сенсацией. Читательская среда, подогреваемая слухами и жёлтой прессой, как беспокойное море, волновалась в ожидании нового шедевра, тем самым создавая ещё больший ажиотаж вокруг неодиозной фигуры творца и его эпатажного творчества.

Но шедевр так и не суждено было увидеть свет. И мир, как ни странно, ничего не утратил от этого. И ничего не произошло. И Земля не отклонилась от своей орбиты, и океаны и моря не выступили из своих берегов, и небесная твердь не рухнула на наши беспечные головы. Всё осталось на своих местах, как и было до этого многие миллионы лет.

А в его жизни снова началась чёрная полоса. В один прекрасный день призрачное мерцание растворилось в морской синеве и безвозвратно исчезло. Как это бывало и прежде, повинаясь необъяснимому внутреннему влечению, собрав все свои нехитрые пожитки, а их за последнее время накопилось не так уж и мало (часть имущества пришлось распродать, часть – раздать и раздать знакомым, часть – просто оставить), остальное погрузив на транспортные платформы,

интуитивно выбирая маршрут, он двинулся вслед за призрачным мерцанием вдоль юго-западного побережья Мраморного моря по направлению к Дарданеллам.

Она безропотно последовала за ним. Их сопровождала лишь немногочисленная прислуга, в основном, занимавшаяся багажом, и несколько самых преданных учеников, не пожелавших расставаться со своим учителем. Переправившись через пролив, они обосновались в Кумкале, неподалёку от холма Гиссарлык, на котором располагалась Троя, некогда открытая Генрихом Шлиманом.

Огромный трёхэтажный особняк, в котором они поселились, построенный из красного лабрадора, своим внушительным видом и торжественным фасадом со множеством портиков, башенок и балконов напоминавший султанский дворец, находился далеко за городом, уединённо возвышаясь над обрывистым скалистым мысом, сильно выступающим в море. Это был райский уголок. С террасы открывался вид на бескрайнюю лазурную плоскость моря, полумесяцем изгибающуюся по линии горизонта. Прямо оттуда, не вставая с удобного кресла-качалки, можно было теперь любоваться призрачным мерцанием в любое время суток.

В старом заброшенном парке, разбитом на склонах окаймлявших холмов, было полно всякого зверья и диких птиц. По ночам из парка доносились, леденящие душу,

пронзительные крики павлинов, которых в этой местности обитало превеликое множество.

От самого дома к морю спускалась извилистая крутая тропа, выходившая на широкий песчаный пляж, золотой лентой тянувшийся вдоль всего побережья.

Такого творческого подъёма у него ещё не было. Преполняемый вдохновением и идеями, он всё время проводил в мастерской, занимавшей, практически, весь третий этаж (там, в смежных комнатах жили и ученики). Во время отдыха в одних купальных костюмах, с полотенцами на шее они все вместе ходили купаться и загорать на пляж. А по вечерам устраивали шумные весёлые застолья, неизменной распорядительницей и хозяйкой которых была она.

На фоне творческого подъёма разыгрались, как молодое вино, и вновь вспыхнули угасшие было чувства, обостряя и без того обострённое восприятие творца. Они вносили новые еле уловимые, но достаточно значимые оттенки в богатую палитру его воображения и весомо выплывали на холсты и бумагу неудержимым потоком красок и слов.

Он не мог не заметить этого и не оценить, и оставить без должного внимания. Его снова безудержно потянуло к ней. Он снова начал писать её портреты, заставляя её часами просиживать в мастерской, позируя ему и его ученикам. Он снова нуждался в её постоянном присутствии и испытывал дискомфорт и

нервозность без неё. Он вёл себя, как шестнадцатилетний пацан, влюбившийся в первый раз. Он заваливал её цветами и дорогущими подарками, куражился перед ней, устраивал всякие сумасбродные выходки.

Каждую ночь, когда они оставались одни, одержимый страстью и желанием он тянул её в постель, чего давно уже не случилось. Но своим правилам он не изменял. После того, как она засыпала, он садился за свой роман и работал до самого упора, пока глаза не начинали слипаться, а мысли путаться в голове.

Столь неожиданный поворот в отношениях подействовал на неё весьма благотворно. Окружённая (буквально, осаждённая) его слишком уж пристальным чрезмерным вниманием, она расцвела, как майская роза и казалась ещё более привлекательной, чем прежде. Невозможно было устоять перед таким напором. Болезненные пессимистические настроения покинули её, и она вновь ощутила приятный дурманный вкус полноценной жизни. Она никогда ещё не была так счастлива, даже в первые дни их знакомства.

«Остановись мгновение, ты прекрасно»,- беззвучно воскликнула она как-то, стоя на балконе в его объятиях. Это был неудержимый порыв души и сердца. Он понял по движению немых губ, что она хочет сказать (он давно научился понимать её без лишних жестов), и, словно в унисон ей, заорал во всё горло то же самое, давая свободу безудержному порыву души и сердца.

В Кумкее они прожили всё лето. За это время им было создано и продано порядка тридцати монументальных полотен. Его, и без того, не малое состояние, исчислявшееся в баснословных суммах, увеличилось в два, а то и в три раза. Роман был практически окончен — оставались последние главы.

Окрылённый взаимными чувствами и вдохновением он строил далеко идущие планы. Ему было мало того признания, которое он получил в Западной Азии. Ему казалось, что он прозябает здесь в глуши и забвении. Он хотел покорить весь мир. Он чувствовал в себе силы победителя, триумфатора. Своё триумфальное шествие он решил начать с Европы, куда докатывались лишь отголоски его великой славы, и оттуда победоносным крестовым походом двинуться на Штаты, альма-матер современной мировой моды и культуры, где его вообще не хотели признавать и считали провинциальным выскочкой.

После этого, покорив весь мир, он собирался вернуться на Родину, где планировал основать свою собственную академию искусств, которой по его глубокому убеждению суждено было бы стать у истоков возрождения оторванной от родных корней, пропитанной духом западничества национальной культуры. Он грезил о великих свершениях и готовил себя к жертвенному подвигу во благо мирового прогресса.

Но судьбой ему было уготовано совершенно другое. Вместо триумфа,

всемирного признания и великих свершений его ожидал бесславный конец и полное забвение. Однажды он просто исчез, бесследно и навсегда, точно в воду канул.

Он был слишком заметной фигурой, чтобы исчезнуть незаметно. Его исчезновение вызвало широчайший и незамедлительный резонанс практически во всех слоях общественности, среди коллекционеров, знатоков и ценителей современного искусства, оживив и без того живой интерес к его творчеству, благодаря чему цены на его картины молниеносно взвинтились ввысь, его романы начали публиковаться колоссальными тиражами. Многие на этом хорошенько погрели руки, сколотив себе целые состояния, после чего интерес к нему резко угас, а со временем и вовсе пропал. Его картины осели в частных коллекциях и больше не появлялись ни на аукционах, ни в экспозиционных галереях, а его романы можно было встретить, разве что, на полках букинистических лавок. По прошествии нескольких лет о нём вообще забыли, словно его и не было никогда.

Всё это время она ждала его и верила, что он обязательно к ней вернётся. Первые дни после его исчезновения она была в замешательстве. Замешательство сменилось полной растерянностью и отчаянием. Прислуга и ученики, сами будучи в замешательстве и растерянности, как могли, пытались утешить её и поддерживать, но этим только раздражали её и бесили ещё больше. Она никого не хо-

тела видеть, все ей были противны. Обстановка в доме складывалась напряжённая. Она была на грани нервного срыва. Отчаяние и бессилие что-либо сделать: найти его, разыскать сводили её с ума. Дурные мысли не покидали её ни на минуту. Присутствие посторонних тяготило её. Чувствуя это и видя (она не скрывала своего раздражения и неприязни к ним), ученики один за другим разъехались по домам. Следом за ними разъехалась и прислуга. И она осталась одна в огромном трёхэтажном особняке. Это принесло ей некоторое облегчение и временное спокойствие.

Но нервное напряжение, в котором она пребывала всё последнее время, давало о себе знать. За несколько дней из молодой полнокровной жизнерадостной красавицы она превратилась в сломленную горем, не по годам постаревшую, убогую, несчастную женщину.

Серой безжизненной тенью бесцельно блуждала она по дому и в окрестностях парка, не находя себе места. Каждый день она взбиралась на высокий восьмидесятиметровый утёс и оттуда часами (бывало, что и до позднего вечера) наблюдала за бескрайним морским простором. Она устремляла свой взор вдаль, к линии горизонта, напряжённо вглядываясь в колышущуюся синеву моря, сливающуюся с густой небесной акварелью, словно силясь заглянуть за эту непроницаемую ограничивающую черту, предательски скрывающую от неё его след.

Если бы она только знала, где он и куда направляется, не раздумывая отправилась бы за ним, разыскала бы его и всеми правдами и неправдами вернула бы назад. Но, к сожалению, как и подавляющее большинство обычных людей, она не обладала экстрасенсорными способностями ясновидения. Сердцем чувствуя, что он обязательно к ней вернётся, она решила ждать его, сколько бы не пришлось, чего бы ей это не стоило. Она была сильной женщиной с недюжинной волей и терпением. Она готова была ждать его хоть всю жизнь.

Временное спокойствие и кажущееся облегчение вернули ей прежнюю твёрдость и уверенность в себе. Но ненадолго. Она не смогла справиться с собой. Одиночество и дурные мысли доводили её до иступления, нервы и переживания окончательно подорвали её здоровье. Она стала быстро угасать и, в конце концов, не выдержала.

Не покидавшая её ни на минуту мысль о его возвращении со временем превратилась в навязчивую болезненную идею, всецело овладела ею и помutilа её рассудок. У неё начались галлюцинации и видения. Дошло до того, что видения не прекращались сутками, путая умопомрачающий вымысел с действительностью. В такие моменты она полностью теряла ориентацию в пространстве и времени, утрачивала контроль над собой и не отдавала себе отчёта. Когда же к ней ненадолго возвращался рассудок, она с ужасом в сердце осознавала всю безыс-

ходность своего плачевного положения, но ничего с этим поделать не могла. А рядом, как назло, не было никого, кто бы мог помочь и поддержать её. Вообще-то, ей никто и не нужен был, кроме него. Только он один мог помочь. Как ей не хватало его тогда. Если бы он только знал об этом.

Последние дни она была на пределе. Психическое расстройство сломило её железную волю, подавив сознание и подчинив себе все её мысли. Она чувствовала, что конец близок, и с покорностью приговорённого спокойно ждала его. В один миг все ощущения как-то притупились, и ею овладело убаюкивающее, укачивающее меланхолическое безразличие. О нём она, практически, больше не думала. Он её больше не заботил. Её, вообще, больше ничего не заботило. Она пребывала в приятной умиротворённой полудрёме. Когда последние силы покинули её, она слегла, но даже не заметила этого, настолько притуплён был её помутившийся разум. У неё началась длительная вялотекущая агония. Она погрузилась в предсмертное коматозное состояние и уже больше не приходила в себя.

Но перед смертью к ней всё же ненадолго вернулось сознание. Она с трудом приоткрыла глаза, и её ослепило яркое восходящее утреннее солнце. Она вдохнула полной грудью проникающий сквозь приоткрытые створки окон холодный влажный ноябрьский воздух, наполненный едкими запахами моря. До ушей доносился отдалённый шум

прибоя и крики голодных чаек. Поёживаясь и жмурясь от нестерпимого солнца, она долго соображала, где она и что с ней произошло. К ней понемногу начала возвращаться память. И тут она вспомнила о нём. И её, точно громом, шарахнуло. Нахлынули воспоминания, обжигая жаром оживших чувств и переживаний. Появилось смутное необъяснимое ощущение, что он где-то здесь, где-то рядом, где-то совсем близко.

Подчиняясь внутреннему порыву, она вскочила с постели и выбежала в гостиную. Но там его не было. Она обошла весь дом, заглядывая во все комнаты. Но дом был пуст. Она вышла на террасу, осмотрела парк, но и там никого не было. Из парка она направилась к морю. Ощущение того, что он где-то рядом, не покидало её. Напротив, оно росло и придавало ей сил.

Неспокойное ноябрьское море пенилось и рокотало. С моря веяло морозным холодом. Она вся продрогла и куталась в тонкую шерстяную кофту, которая была на ней, но это её не спасало от холода. Впереди возвышался огромный восьмидесятиметровый утёс.

По вырубленной в скалистом склоне крутой извилистой лестнице она поднялась на смотровую площадку, расположенную на самой вершине утёса. Отсюда открывалась бескрайняя панорама беспокойного морского простора. Она подошла к обрывистому краю площадки и заглянула вниз. Внизу бушевала

стихия. Резкий приступ тошноты и головокружения заставил её отшатнуться и отступить назад. В чистом, прозрачном, как стекло, небе, почти над самой головой, холодным серебром искрилось солнце. Шторм усиливался. Огромные волны разбивались о каменный остов утеса, безжалостно сотрясая его, так, что мурашки пробегали по коже.

Она не знала, что делать. Она была в полном замешательстве. Силы покинули её. Дрожа всем телом, заслоняясь рукой от обжигающих порывов ледяного ветра, она опустилась на камни и зарыдала. Немые слёзы бесилия душили её. Это был конец.

Погода начала портиться. Небо заволокло серыми клубящимися тяжёлыми тучами. Пошёл дождь. Но она даже не шелохнулась.

Крупные холодные капли стальными иглами впивались в кожу. Ветер хлыстал по лицу и срывал одежду. Внизу глухо рокотало разбушевавшееся море, раз за разом, яростно обрушиваясь на берег многогонным прибоем. Утёс ходил ходуном, и, казалось, вот-вот, рухнет в морскую пучину. Дождь не прекращался весь день.

До позднего вечера она просидела на утёсе промокшая и окоченевшая, рыдая захлёб, не в силах удержать слёз. А когда сумерки сгустились, так, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно, лишь слышен был нескончаемый рёв штормового моря, время от времени освещаемого ослепительными вспышками молний, у неё

началась истерика. Она вдруг ясно поняла и осознала, что ничего сверхъестественного уже не произойдёт, и он не вернётся к ней, и они никогда больше не будут вместе, и нечего ждать его и тешить себя напрасными надеждами. Она вытерла слезы мокрым рукавом и поднялась с камней. Да, это был конец. Жизнь окончательно утратила свой смысл. Не чувствуя ног, она решительно шагнула в темноту, направляясь к краю пропасти. Но в последний момент, когда оставалось сделать заключительный шаг, она вдруг вспомнила о муже и сыне, которых не видела вот уже больше двух лет, и остановилась.

Воспоминания тёплой волной нахлынули на неё, обжигая сознание и согревая всё тело изнутри. В памяти ожили давно забытые лица. Перед глазами вспыхнул тёплый домашний очаг, запыхтел чайник на плите. И вдруг ей стало как-то неуютно и одиноко на этом голом скалистом утёсе. И её, точно магнитом, потянуло туда, к ним, домой.

Не раздумывая, она бросилась к лестнице, спустилась с утёса, вернулась в дом, чтобы переодеться и взять кредитку с деньгами, через интернет забронировала одно место на вечерний поезд до Стамбула и поехала на вокзал.

На вокзал она прибыла незадолго до отправления. За щедрые чаевые носильщики помогли ей погрузить багаж и сесть в вагон. Поезд отправился строго по расписанию, и она навсегда покинула Кум-

кале.

В это время по северной дороге под проливным дождём в драном грязном рубище, с огромной дорожной сумкой через плечо и тубусом в огрубевших заскорузлых руках, заросший и давно небритый, изменившийся до неузнаваемости, изнеможённый долгими скитаниями и мытарствами, он входил в Кумкале. Было уже совсем поздно. Город казался вымершим. Он прошёл по пустынным обезлюдившим улицам, на которых не встретил ни единой живой души, и, не задерживаясь в городе ни на минуту, по южной дороге направился к особняку, туда, где жил всё последнее время до своего бегства, туда, где бросил её.

Когда он добрался на место, было уже глубоко за полночь. Ни в одном окне не горел свет. Дом был погружён в ночной полумрак. Он долго стучал и трезвонил, но никто не ответил. Дверь оказалась незапертой, и он вошёл в дом. В доме никого не было. Дом был пуст. Не очень-то заботясь по этому поводу, он перекусил тем, что нашёл в холодильнике, и, скинув мокрые лохмотья, завалился спать, убаюкиваемый барабанившим по окнам дождём.

С первыми лучами рассвета он встал с постели и поспешил на террасу. С террасы открывалась впечатляющая панорама штормового моря. До ушей доносился оглушительный рёв прибоя. Тяжёлое свинцовое небо, нависавшее над самой головой, казалось, вот-вот обрушится и раздавит всё живое под собой.

Ледяное дыхание моря острыми иглами впивалось в кожу, судорогами пробегая по всему телу.

Он стал всматриваться в штормовой горизонт, но ничего, кроме бушующих волн и низких клубящихся облаков он не видел. Он был в полном отчаянии. Грубо выругавшись, он вернулся в дом, достал из своей дорожной сумки рукопись, пробежал глазами последние строки, предельно сосредотачиваясь на прочитанном, заставляя работать мысль. Но мысль не работала. Это был конец.

Он больше не мог вынести эту невыносимую муку. С тех пор, вот уже больше года, как он покинул Кумкале, он не написал ни одной строчки, не создал ни одного полотна. Да, это был конец.

Не раздумывая, он выхватил из сумки огромный охотничий африканский скинер с каплевидным шероховатым дамасским клинком серого оттенка, имеющим фальшлезвие на

скосе обуха и острый крючок для вспарывания брюшины, и, крепко сжимая клёпаную берестяную рукоять, резким движением решительно направил его взлетающим остриём себе в горло. Но в последний момент, когда оставалось сделать завершающее усилие, его рука дрогнула, и он замешкался. Ему показалось, что где-то вдалеке, среди бушующих волн, мелькнул слабый еле заметный отблеск. Он выпустил из рук скинер, схватил сумку и тубус и устремился на террасу.

По самому краю горизонта, рассекая огненным хвостом чёрные волны, скользило призрачное мерцание и ускользало вдаль, бесследно рассеиваясь в штормовой пелене. Повинуясь гипнотическому влечению, он бросился за ним. По тропе он быстро спустился на пляж и, увязая в мокром рыхлом песке, стараясь не упускать из виду призрачное мерцание, побегал вдоль полосы прибоя.

Вдруг на некоторое

время мерцание замерло, озаряя всё вокруг слабым, еле заметным струящимся светом. Возбуждённый и взбудораженный он тоже замер, не в силах оторвать глаз от чарующего мерцания. Мягкий полупрозрачный свет мерцания согревал изнутри и вдохновлял. Руки сами потянулись к рукописи. Но в тот же миг мерцание, точно гаснущая звезда, вспыхнуло и погрузилось в пучину бушующей стихии. Раненным зверем он заметался по пляжу, яростно рассекая кулаками холодный воздух. Он долго бешовался, но мерцание так и не вынырнуло из морской пучины. Да, это был конец.

Впереди возвышался огромный восьмидесятиметровый утёс, к вершине которого вела вырубленная в скалистом склоне отвесная лестница.

Вот и всё, это конец, подумал он и обречённо шагнул на ступени.

Автор: Владислав Кураш

Развилки

Бывает так, что хочется только практики, материалистичности, такой деятельности, результат которой не заставит себя ждать и будет нести неоспоримую, очевидную пользу.

Можно было не бросать химию – и впереди пробы почвы с садовых участков, расположенных

в настораживающей близости от деревообрабатывающего завода. Не бросать биологию – впереди ежедневные чужие жалобы, чужие нервы, недуги, приступы, истории. Вовремя сделать упор на географию и уехать к чёрту, уехать подальше, на одну из ещё функционирующих в этой стране метеостанций.

Здесь уже дело не в пользе, здесь жажда природы, тех сил, что она несёт. Каким образом она вдохновляет, да и на что? Чем, наконец, так привлекает возможность сближения с ней?..

***

Летом 2010 года свежкупленное мороженое в брикете за десять минут превращалось в разма-

занную между вафлями сладкую субстанцию, напоминающую одновременно молочный коктейль и сметану. Десять минут – где-то столько и идти от бывшего льнозавода до полузаросшей речушки, которую постоянно тянет называть прудом.

Не без отвращения я поскорее доела мороженое, всё же при этом успев закатать им жёлтый сарафан, и вслед за мамой свернула с нормальной дороги в непонятные травяные заросли. Почему она пошла туда, каких ещё путей ищет, мне всё равно: жара уже начала оказывать на меня своё обратное воздействие.

И вот – та самая речушка. Мы садимся на мостки, окунаем ноги в холодную воду. Так-то легче.

- А ты не хотела попробовать пролезть...

Уверена была, что шла молча. Видимо, я ещё не в полной мере представляю, как жара действует на меня.

- Сейчас таких людей, романтиков, что называется, практически не остаётся... - уже о чём-то совсем ином рассуждает мама. – Желания у большинства конкретные, да ими всё и ограничивается.

Как – мало романтиков? Я абсолютно не хочу быть причисленной к большинству! Оскорбительно. А меня причисляют, мама причисляет. Я желаю сопротивляться, кидаюсь искать доказательства маминей несправедливости по отношению ко мне и... не нахожу. Поэтому фыркаю:

- А неужели лучше не знать, чего хочешь?

- Не в том здесь суть. Должен же человек стремиться хоть к чему-то не столь мирскому? Та же тяга к путешествиям... Редко у кого её уже встретишь. А море!.. Вот зря ты не хочешь ехать в Анапу!

- Я ненавижу юг. Я там сдохну от жары.

- Да ты там не была даже! Не будет никакой жары. Да стоит хоть раз увидеть море – точно тебе говорю, снится будет! Неужели совершенно не хочется?

Мотаю головой и интересуюсь:

- А вот тебя море... так и не отпустило?

Мотает головой мама. Этого я никогда не могла понять.

- Меня к морю всегда тянуло, даже в детстве, когда только на картинках его приходилось видеть, - добавляет она.

А меня... И правда, не романтик я, что уж тут.

- Вот Анька порой, кстати, меня спрашивает, что бы я сделала или что бы я хотела получить, если бы в мире были возможны любые чудеса, - говорю я и вижу, каким заинтересованным тут же стал мамин взгляд. Конечно, а вдруг она сейчас поймёт, что есть ещё среди подростков э т и с а м ы е «неприземлённые». И в том числе – кто бы мог подумать! – моя подруга Анька! Продолжаю: - Ну, мы сходимся на ковресамолёте. Бывает смерть как лень даже домой из школы идти, так садишься на него и летишь себе, окрестности обозреваешь. А

если совместить со скатертью-самобранкой вообще!..

- Вот-вот, - с сожалением усмехается мама. – Всё у вас к удобствам и сводится.

И я за что-то обиженная на тех, кого манят неизвестные страны. Конечно же, потому, что они не манят меня.

Теперь же, когда, перебирая свои воспоминания, натываюсь на дни, проведённые в деревне Салово, и конкретно на тот разговор, я смеюсь. Над собой тогдашней, над собой нынешней, над той обидой.

***

Назад нельзя. До следующей развилки.

Можно было... Было. Теперь – нет.

Что я ставлю выше личности? Что ценнее? Только то, ради чего она развивается. Ради того, к чему это развитие ведёт. И не может быть никаких «назад» - то, что я выбрала, открывает возможность хотя бы подталкивать к развитию других и развиваться самой.

Но как легко об этом забыть, с какой горечью иронизируешь мысленно: «Да какая разница, где и как сотрясать пустоту?», как жжёт желание всё бросить, отказаться, вернуться - когда хочется практики, материалистичности, неоспоримой пользы...

Автор: Соня Мухина

Придутань слово

«Какой белый-белый дом. Интересно, а стены в его комнатах мягкие? Если мягкие, то мне туда», - проскользнула мысль.

Но на самом деле у белого дома не было даже окон и дверей, а на уцелевших стенах можно было разглядеть несколько основательных трещин. Так что входить туда точно не надо.

Уцелевшие стены. Уцелевшие после чего? И как им удалось после этого неведомого катаклизма сохранить свою белизну? Напоминало недостроенный завод в одном из знакомых посёлков. Но опять же, у того завода стены далеко не белые.

Получалось, что только эта белизна и смущала. Будто здание вчера побелили. Или будто оно сделано прямо из мела... Подошёл бы, отколол кусок от стены и... Нет же, пора лечить железодефицитную анемию, извращение вкуса уйдёт вместе с ней. Но только не извращение фантазии.

Под подошвами при каждом шаге что-то соблазнительно хрустело – словно тот же мел... Но стоило перевести взгляд вниз, как обнаружилось – это уголь. Ни травинки, ни полуметра асфальта – под ногами уголь, уголь и уголь.

Что же привело сюда? Какова цель? Какие вообще цели можно воплощать в столь унылой местности, где на горизонте –

никаких объектов, кроме белых стен и хилых сухих деревьев?

«Ты ещё что-нибудь сделаешь», - мелькнула явственная чёрная надпись на белой стене. Ещё раз взглянуть... Буквы не исчезли. Именно двадцать две русские буквы и дефис, не муть, которая бывает, например, во снах.

От этой детальности стало как-то мистически жутко. «Стереть!.. Или же просто подбежать к стенам вплотную. Тогда не смогу видеть эту надпись всю сразу и она не будет вызывать такой ужас».

Стоило только начать бежать, как надпись исчезла. Похоже, она была нужна для того, чтобы подтолкнуть хоть к каким-нибудь действиям.

Ноги не слушаются, цепляют каждый кусок угля. Ноги не держат. Стены уже совсем близко. Подниматься лень. Если б не боязнь сильно запачкаться, можно было бы и не подниматься. Улечься и уснуть. Уснуть во сне? Если уснуть во сне, то наяву – проснёшься?

Вопрос претендует на идиотизм и оригинальность одновременно. Но, что даже обидно, и подобными вопросами уже кто-то когда-то задавался. И в этот самый миг кто-нибудь да задается. Прямо сейчас.

Постепенно пришло понимание того, что здесь нужно делать.

Нужно нарушить эту белизну стен, почти слепящую. Такими словами, которые ещё никто никогда и нигде не писал.

Никакого подтверждения верности этой догадки – очередного псевдосакрального послания на той же стене, например – не возникло.

И плевать на подтверждение. Внутри разрасталось зудящее желание поскорее написать то, что нужно. Желание – да. А мысли – те были вытеснены.

Поэтому уже около пяти ценных минут потрачено на поиски подходящего уголька. Нет, даром же здесь везде уголь! Берёшь и пишешь. Всё правильно понято.

***

Что-то изменилось в пейзаже. Он так скуден – чему меняться? Кажется, всё дело в солнце – оно начинает скрываться за стенами.

Какой ещё, в конце концов, «подходящий уголёк»? Подходящие слова нужно искать, а не уголёк. Что-то же вертелось, вертелось на уме, а теперь окончательно ускользнуло. Не уловить! Не дающее покоя ощущение...

А местность и впрямь напоминала знакомый посёлок. Только дорога, которая там привела бы к пилораме, здесь плавно уходила куда-то вниз.

Солнце своё дело

знает и продолжает клониться к западу. Его уже можно видеть в оконных проёмах второго этажа, если встать лицом к стенам, прервав бесцельное хождение вокруг них и прекратив давить пяткой уголь в такт навязчивому «думай, думай, вспоминай».

Но нет.

***

А ведь та дорога может вывести к реке – ветер с той стороны донёс особую, речную свежесть. Нужно обязательно туда спуститься. Просидеть там до темноты.

Пока же... Правильно – продолжать давить уголь. То есть совсем не правильно, но что делать, если вдохновение не снисходит, а голова пуста – до сих пор одно лишь желание вместо мыслей.

Интересно, у этой реки есть название? И тогда уж: есть ли тут те, кто могли его ей дать? К счастью, если и есть, велика вероятность ни с кем не встретиться.

Солнца уже и в оконные проёмы первого

этажа почти не видно.

А мыслей нет.

Сколько же времени прошло? Здесь есть время?

Нужны просто достойные слова! Но достойные чего? Кто их здесь увидит?

Солнце будто бы прямо на глазах опустилось ещё ниже. Покатился по склону отброшенный в иступлении уголёк. Тогда как уйти отсюда, интересно?!

«Ты знаешь», - снова вдруг проявилось на стене. Что «знаешь»? Как уйти или, всё-таки, что здесь написать?

Хорошо, попытаться последний раз! Новый уголёк! Вот сейчас, прямо сходу! Если нет – значит, нет...

Вплотную к стене. В груди что-то давило. «Как зелёное садовое яблоко, только что съеденное и застрявшее в пищеводе», - тут же зачем-то пришло на ум нелепое сравнение.

Перед глазами эта дразнящая белизна стены, где-то вверху чирикает птица. Тупая птица, никогда не было любви к ним. Но сей-

час её трели вдруг стали почти приятны.

«Яблоко» в груди отпускало. И очень хотелось к реке.

Упал уголёк – пальцы спокойно его отпустили.

Значит, нет.

Теперь можно медленно спуститься по дороге к предполагаемой реке, не оборачиваясь к стенам – а на них вновь проявились надписи.

Всё правильно понято: лучше оставить стены белыми.

Потому что нечего было написать.

***

Дорога действительно вывела к реке: чистой, незаросшей, блестящей от заходящего солнца. За рекой – лес. На берегу – не уголь и даже не песок, а наконец-то трава. На неё можно упасть уже по собственному желанию. И не встать. Не уснуть, но и не встать.

Солнце почему-то так и не садилось.

Автор: Соня Мухина

Тропинка жизни

Ночью, под светом звезд, в чистом поле, абсолютно беззвучно плясал человек. Музыкой ему служило голосистое пение соловьев, раздававшееся на всю округу, где невдалеке мерцал ночник в чьем-то окошке и совсем далеко рассекали темноту ярко-горевшие фары ка-

рабкающихся по пахотным землям, тракторов.

Человек выбивая дорожную пыль скакал в русской плясовой по утоптанной белой тропинке и широкая улыбка озаряла его лицо не хуже самого яркого месяца.

Рядом с плясуном шевельнулись кусты и

женская, изящная ручка поманила пальчиком.

- Иду, Светик мой, иду! - зашептал плясун моментально перейдя от танцев к действиям.

В кустах послышались звуки поцелуев и игривый смех.

А в это время, по тропинке, не торопясь

пробирались двое: старик и старуха.

Старуха подпираясь костылями вышагивала, охая и ахая, создавалось впечатление, что каждый шаг давался ей, ой как нелегко. Старик, сухонький, маленький, но в широкополой шляпе, которую он беспрестанно поправлял, потому что она съезжала ему на глаза, сердился, наступая жене на пятки:

- Зачем ты стонешь, зачем меня изводишь? Ногу сломала два года назад, вылечила, ходить доктор тебе дозволил без костылей!

Старуха громко, презрительно фыркнула, обернулась на него:

- Много ты понимаешь? Шляпу замени, чудо! Ни разу за восемьдесят лет кости не ломал, а поучаешь!

- Ни разу, - согласился старик, поправляя шляпу и обежав старуху по обочине тропинки, весело предложил, - а хочешь я волокушу сооружу, протащу тебя до деревни и... эх, будто королевну!

Старуха обиженно шмыгнула носом:

- Было время ты отседова меня на руках до дома-то доносил!

И они оба взглянули на подрагивающие кусты.

- И не так давно любили друг друга, подтвердил старик, беззвучно шевеля губами, принялся, как видно, подсчитывать, когда.

- Кажись, вчера, - вздохнула старуха, с нежностью глядя на подернутые молодой зеленью ветви ивняка.

- А мы сегодня! - расхохотались из кустов.

Старуха испуганно замахнулась костылем. Старик отскочил за ее спину.

Из-за кустов торжественно вышли двое. Держась за руки, но смело глядя в глаза старикам.

- Виталька, Светка, вы? - ахнул старик, выходя из-за надежной, широкой спины жены.

- Кто же еще? - вопросом на вопрос ответила Светка и перекинув шерстяной плед через плечо, пошла к деревне.

Виталька пританцовывая, последовал за ней.

- Ишь ты и плед прихватили, - рассмеялась старуха, озорно толкнула старика, - а мы-то в свое время твой пинджак на траве расстилали.

Старик схватился за бока, согнулся пополам от смеха:

- Не мой пинджак-то был, батькин!

- А он что, ничего не заметил?

- Заметил, не заметил, но виду не подал! - выразительно кивнул он на кусты.

- Бабушка, дедушка, вы скоро? - вернулась Светка, ведя за руку Виталика.

- Скоро, - заверил молодых, старик, - вы пока вперед идите, а мы догоним!

- Догоним! - реши-

тельно отбросила костыли в кусты старуха и взяв старика под руку, с сомнением взглянула на узенькую тропинку. - Уместимся?

- Мы-то, - подхватил старик с энтузиазмом, - уместимся, а вот иные, кто живет вместе по привычке или вовсе без любви, не смогут пройти рядышком!

- Тесно им будет на тропинке, - закивала старуха, прижимаясь к мужу, - вытолкнут они друг дружку!

- Зато наши молодые уместятся! - с восхищением разглядывая влюбленную парочку чинно вышагивающую впереди, проговорил старик.

Так они и прошли по тропинке белеющей при свете звезд и даже широкополая шляпа старика не мешала его жене.

И, когда уже захлопнулись за ними двери дома, когда смолкли все звуки разговоров и бреление тарелок, когда погас свет и в комнатах воцарилась сонная тишина, по тропинке, мимо заветных кустов ивняка принялись проходить тени из прошлого, кто по одиночке, но больше, вместе. Умещааясь на тропинке, шли рука об руку те, кто давным-давно покинул мир живых, но вот тропинку покинуть, ну, никак не могли, привыкли, наверное...

Автор: Элеонора Кременская

Бомбила

Он сидел за рулём своего старенького «шевроле», невидяще уставясь в развёрнутую газету. Мысли его витали далеко от содержания статьи, которую он принялся было читать, от неуместного апрельского снега за стеклом, от приёмника, тихо, голосом Александра Иванова, не ко времени года, поющего про московскую осень, от похрипывающей радиации.

Последние несколько месяцев вообще всё шло не так, не ко времени и не к месту. Он безнадежно, словно двигаясь в пелене расплывчатого сна, повторяющегося раз за разом, пытался найти ту точку невозврата, с которой, не удержавшись на её крохотном островке, рухнула его жизнь. Когда всё это началось, а может, закончилось? Когда, он, ещё не старый сорока шестилетний, физически крепкий мужик превратился в аморфное существо, рефлекторно реагирующее на окружающий его мир?

Может тогда, когда он, гвардии подполковник, стоя на плацу, пронизываемом ледяным норд-норд-остом, прощался со своим батальоном? Или, когда сменив лихо заломленный, на правое ухо, чёрный берет на кепку, с дурацкой пуговкой наверху, смешался с безликой, суетливой толпой штатских? С момента, когда безумолку щебечущая жена вытащила его,

по инерции цепляющегося за этот суровый, но такой привычный край, за границу полярного круга, уговорив его переехать в этот подмосковный город?

Но ведь он знал, что так будет. Разве не об этом они только и говорили последние два года, бесконечными полярными ночами, сидя на кухне казённой квартиры, привычно не замечая завывания ветра за позвякивающими от его напора стёклами окна, отгороженного, с жалкой потугой на уют, от вида безрадостного закононья цветастой занавески?

А может он никак не мог смириться с законченностью, жёстким росчерком написанных под последним мазком на холсте прежней его жизни двух убийственных слов – военный пенсионер?

Они купили квартиру в подмосковном районном центре. Жена, словно пытаясь компенсировать долгие годы прозябания в военном городке, рвалась в Москву. Мечтам её не суждено было осуществиться – цены на жильё в столице были запредельные.

В нём, ощущавшем себя морским зверем, неожиданно вырванном из привычной среды обитания, не было места для её разочарований и сомнений.

Он, подобно мнительному человеку, вдруг почувствовавшему себя больным, внутренне застыл,

обратившись к своим, непривычным ещё пока, ощущениям.

С неведомым ему доселе притворством, чтобы не обидеть жену, он изображал заинтересованность в выборе города, квартиры, соглашался, или для виду противоречил её резонам, не вникая в их суть. Заметив она его состояние, и предложила в шутку поселиться в Папуа Новая Гвинея в поселении карафаев, в «милом» домике на дереве, он бы, наверное, согласился.

Но она ничего не замечала. Её бурная энергия, пребывавшая в спячке за полярным кругом, проснулась, обрела смысл и цель.

Нина, или Нинон, как он её называл, не желая ни минуты оставаться в опостылевшем ей за долгие годы городке, буквально вынудила его, как только он передал батальон новому командиру, и оформил соответствующие его теперешнему положению документы, уехать в Москву.

По приезду их приютил его флотский дружок, который полутора годами ранее его самого ушёл в запас. Его жена год назад умерла от какой-то болезни со сложно произносимым названием. Хозяин выделил им комнату, которая раньше принадлежала его сыну, Косте. Тот, пошедший по стопам отца, служил на Балтике.

Однополчанин, до

их приезда готовый лезть на стену от сводящей с ума пустоты трёхкомнатной квартиры, не скрывал радости:

- Живите сколько хотите! Хоть насовсем оставайтесь! А то я тут уже собаку собрался заводить.

Наблюдая за суетливым мельтешением товарища, он не разглядывая того осознанно, заметил внушительную плешь на его затылке, огрузневшее, с выступающим брюшком тело, полтора года назад состоявшее из бугрящихся под тельняшкой мышц. Отстранённо, как не о себе подумал: «Вот и я скоро таким буду».

Из состояния устойчивой меланхолии его ненадолго вывело решение Нины в первую очередь приобрести автомобиль.

Они с другом, ну и с женой, разумеется, съездили в автосалон, где продавали подержанные автомобили, и после жарких дебатов им удалось-таки убедить Нину в правильном выборе покупки. Домой они вернулись на подержанном, но ещё крепком шевроле «Trail Blazer».

Очень скоро он опять вернулся к унылому созерцанию своего эго, упорно не желающего смириться с нынешней, окружающей его действительностью.

Удовольствие от управления мощной послушной машиной сменилось рутинными поездками по области в поисках устраивающей Нину квартиры. Сам он, в этом процессе принимал пассивное участие, тенью следуя за своей «половиной», пугая риелто-

ров своими габаритами и мрачным, отсутствующим выражением лица.

С другой стороны, эти ежедневные разъезды уберегли его от больших неприятностей.

Мишка после смерти жены пристрастился к алкоголю. Каждый вечер он настойчиво соблазнял его приглашением «раздавить пузырь», и только необходимость садиться утром за руль удерживала от желания составить товарищу компанию.

Наконец-то квартира была выбрана. Оформив документы на собственность, Нина озадачилась приведением жилища в должный вид.

Его умение сработать всё надёжно, но грубо, жену не устраивало. Она наняла бригаду отделочников украинцев, которые под её чутким руководством начали воплощать её мечту о «стильной» квартире в жизнь.

Он опять остался не у дел.

Пока шёл ремонт, они продолжали жить у Мишки.

Нина, бывало, по два раза на день заставляла его выезжать на «стройку века», так он «окрестил» эпопею с ремонтом квартиры. Вozил гастарбайтеров за всевозможными отделочными материалами на ближайший строительный рынок, игнорируя их робкие попытки заговорить с ним на отвлечённые темы.

Хохлы, опасливо косясь на него, видимо записав его в «бандюки», когда он сопровождал жену, принимавшую очередную этап отделки, работали

качественно, без проволок.

Через полтора месяца, рассчитавшись с облегчённо вздохнувшей бригадой, до последнего момента ожидавшей подвоха, они с Ниной, в гулкой пустоте вкусно пахнущей свежим ремонтом квартиры, распили заботливо приготовленную ею бутылку шампанского.

Далее Нина с неиссякаемой энергией занялась обустройством их «гнёздышка». И он снова возил её на квартиру проверять, как монтируют кухню, устанавливают шкафы-купе. В конечном итоге не в силах больше переносить эту бесконечную суету, он отдал ей ключи от машины, предложив ей всё делать на своё усмотрение. Нина не обиделась, напротив, она с энтузиазмом поддержала эту его инициативу.

С раннего утра она уезжала, и возвращалась только к вечеру. Они же с Мишкой под пиво, а когда и под водку, смотрели телевизор, вспоминали Север, годы совместной службы, Чеченскую компанию, за которую его, тогда ещё капитана, наградили орденом, а майора Михаила Новосёлова медалью за отвагу.

Воспоминания о службе на время загоняли тягучую жабу-тоску, комок стоящую в горле, куда-то вглубь его естества, давая возможность дышать полной грудью. Алкоголь окрашивал прошлое в радужные цвета.

Иногда он ловил себя на мысли, что вопреки здравому смыслу, малодушно надеется на какую-нибудь заминку, способную

хоть на какой-то срок отодвинуть время переезда. Он цеплялся за боевого товарища, нитями памяти связывавшего его с той, знакомой и понятной ему жизнью, как и тот, в свою очередь нуждался в нём, цепenea от ужаса снова оказаться в петле убийственного одиночества. Они были необходимы друг другу, и понимали это, два отработавших своё винтика в отлаженном механизме военной машины, именуемой Вооружённые Силы.

В один из вечеров Нина возвратилась позднее обычного. С порога она радостно сообщила ему, что завтра они переезжают. Он сумел изобразить счастливую улыбку.

Приглашённый на новоселье Мишка был ошарашен презентабельностью их жилища:

- Наверное, так и живут все наши «коллеги» на пенсии за океаном!

Эйфория от устроенности быта вскоре иссякла, как и деньги, которые они с женой копили долгие годы.

Нина, будучи по образованию финансистом, без особого труда устроилась бухгалтером на одну московскую фирму. Он же, с утра до вечера бесцельно слонялся по квартире. От скуки, и не проходящего ощущения чего-то утерянного в себе, непричастности к этой не военной, почти что презируемой им «цивильной» жизни, он начал было попить, но вовремя спохватился.

Пришло время подумать, чем себя занять, чтобы избавиться от внутреннего диссонанса, и не

скатиться в болото бытовых пьянок.

От перспективы работы в охране его почему-то коробило, хотя с его послужным списком любая охранная фирма приняла бы такого «спеца» со слезами умиления на глазах. При упоминании об охранной деятельности у него неизбежно возникала устойчивая зрительная ассоциация - образ швейцара в расшитой золотыми галунами ливрее, стоящего у какого-нибудь входа в какое-нибудь что-то.

О другой сфере деятельности он не задумывался. Делать что-то профессионально, кроме, как воевать, он не умел. Хотя...

Он позвонил по объявлению, где предлагали работу водителя со своим транспортом. Его пригласили на встречу.

Собираясь на переговоры, он немного нервничал. Всё-таки первый раз в жизни устраивался на работу. Но всё прошло на удивление обыденно, ему задали несколько вопросов, выдали рацию, и... Так он стал таксистом, или говоря на сленге - «бомбилкой».

Поначалу резали слух обращения, типа «мужик», «шеф», «братан». Ничего, привык. Раздражала запанибратская болтовня пассажиров, но потом от этих разговоров он даже стал получать какое-то удовольствие. Ему казалось, что услышанные от «клиентов» истории, их порой пьяные откровения дают ему более чёткое представление о ставшей теперь и его, «гражданской» жизни.

Но, что больше все-

го его устраивало в этой работе, так это относительно свободный график, и отсутствие начальственного сопения за спиной.

Как-то раз, решив перекусить, он остановился напротив палатки, где на виду у покупателя готовили шаурму. В небольшом ручейке очереди он заметил молодую женщину, державшую на поводке довольно крупную собаку. Ухоженная шерсть на ней в солнечных лучах отливала золотом. Он извинился, и спросил у хозяйки о собаке. Как и все «собачники», та с удовольствием стала рассказывать о своём питомце. Он узнал, что порода эта называется золотистый ретривер, что это замечательный компаньон, очень умный и преданный.

При слове компаньон он вспомнил о Мишке, о том, как тот собирался завестить собаку, чтобы не было так скучно. «А ведь у него скоро день рождения». - вспомнил он.

- Девушка, милая! А где мне взять такую замечательную собаку?! - идея подарить щенка Мишке, тоже показалась ему замечательной.

Женщина, несколько оторопевшая от его запальчивости, сверкнув на него стёклами очков в тонкой оправе, протянула:

- Друзья кобелька продают, но это не дешёво...

- Сколько?

- Ну, тысяч двадцать пять.

Он сначала было округлил глаза, но вспомнив о Михаиле, безвылазно сидящим в пустой трёхкомнатной квартире, махнул

рукой:

- Беру! Поехали.

- Вы всегда такой? – заинтересованно посмотрела на него женщина.

- Какой, такой? – не понял он.

Ответить она не успела, подошла её очередь.

Он отошёл в сторону, есть ему больше не хотелось.

- Ну так, как? – он опять подошёл к «собачнице», как только та отошла от палатки.

- Позвонить сначала нужно. Дома ли они. – Засомневалась она.

- Ну, так звоните!

- Подержите. Она, покачив головой, протянула ему завернутую в вощёную бумагу порцию шаурмы. Достала из сумочки телефон.

Хозяева оказались дома.

Он галантно открыл заднюю дверь машины даме с «собачкой». Пёс привычно запрыгнул в салон. Хозяйка последовала за ним.

В ближайшем банке он снял все оставшиеся на счету деньги, кроме не выдаваемой автоматом какой-то мелочи. Вместе с сегодняшним заработком как раз набралась нужная сумма.

Он сидел на диване в гостиной, и смотрел, как неуклюже передвигающийся крепыш, с желтоватой, ещё не отросшей шерсткой изучает новое место жительства, думал о том, как обрадуется Мишка, получив в подарок не очередную бездушную безделицу, а живого, настоящего друга. О том, какой он сам молодец, что так всё здорово

придумал.

Нина, увидев щенка, пришла в ужас:

- Ты с ума сошёл! Он же всё здесь погрызёт!

- Всё, за два дня, не погрызёт. Чего-нибудь и тебе оставит.

Нина повернулась к нему спиной, и молча вышла из комнаты.

За последний год они с женой очень отдалились друг от друга.

Иногда, глядя на эту холодную, стильную, уверенную в себе тридцативосьмилетнюю женщину, он задавался вопросом: «А где, собственно, та, другая, с небрежно заколотыми светлыми волосами, одетая в застиранный, но такой уютный халат, запах которого он с таким упоением вдыхал, когда она с порога вешалась ему на шею, встречая его со службы? Где та, которую он любил, а не эта, расфуфыренная фря».

На день рождения Михаила он поехал один. Вчера, услышав от Нины ожидаемый ответ, что конец квартала, много работы, что... Дальше он дослушивать, не стал. Он уже научился распознавать, когда она врёт. Посадив пискнувшего щенка в заранее приготовленную плетёную корзину для грибов с двумя откидывающимися крышками, он вышел из квартиры...

Дома у Михаила была нежданная радость. На несколько дней приехал погостить сын, да ещё и с невестой.

- Вот! Радость-то у меня какая! – будучи уже в «плепорции», всё повторял Мишка, провожая его к сто-

лу.

Он едва узнал в крепком, лицом похожем на мать, молодом мужчине, поднявшемся ему навстречу щуплого, прыщавого парнишку, каким его помнил.

За столом сидела, смущаясь, худенькая девушка, лет девятнадцати – двадцати. У него неприятно защемило сердце. Вот такую же двадцать лет назад была Нина.

- Ты чего это с корзинкой, за грибами собрался? Так вроде не сезон. – Вернул его в настоящее Мишка.

- Да вот, постояльца тебе принёс. Примешь? – Он поставил корзинку на пол, и достал щенка.

- Ух, ты! Какой здоровяк! – искренне обрадовался Михаил, принимая собаку. – Как звать?

- В паспорте написано, – он достал из кармана сложенный пополам листок плотной бумаги. – А так, как хочешь назови.

- А! Какой там паспорт! Сразу видно – флотский пёс! Я буду звать его... – Мишка на секунду задумался. – Гюйс! Точно. Гюйс.

Подошла, Надя, кажется. Он с первого раза не запомнил, попросила подержать щенка. Он смотрел на них, группой стоящих напротив него, и ему было грустно. Детей у них с Ниной не случилось, а их совместная жизнь, похоже, «накрывается медным тазом».

Они долго сидели за столом, выпивали, закусывали (Мишка заказал еду в соседнем кафе), говорили о флоте, армии. Внимательно

слушали Костю, выкладывавшего им последние новости. Гюйс крутился возле Нади – она тайком скармливала ему лакомые кусочки. Совсем ещё девчонка.

Когда молодёжь отправилась спать, они перебрались на кухню. "Новокрещённый" Гюйс, зевая во всю пасть, поковылял за ними.

Новый год, рассказавшись с женой, он встречал у Михаила. Гюйс уже заметно подрос, но его узнал.

- Ну, как вы с ним? – он кивнул на собаку.

- Да отлично, спасибо тебе! Я хоть на улицу теперь стал не только за водкой выходить. Да и дома теперь живая душа есть.

- Э то ему спасибо скажи. – Погладил он пса по лобастой голове.

Новогодние каникулы проходили на фоне тревожных событий на Украине.

Затем неожиданное, но с ликованием принятое народом, возвращение Крыма и Севастополя. Они с Мишкой серьёзно отметили это знаменательное событие, распевая на кухне «Севастополь, Севастополь – город русских моряков...».

А потом началась война.

Он все вечера после работы смотрел новости и передачи о событиях на Украине. Материл «чуков» и «геков», так он называл украинцев (Ковальчук, Безенчук, и т. д.). Он даже купил крупномасштабную карту Украины, и отмечал на ней позиции ополченцев и боевиков, профессионально

замечая тактические ошибки тех, или иных. Продумывал возможные стратегические ходы противников.

Он словно старый боевой конь, почуявший недалний бой, встрепенулся, снова почувствовал, уже казалось забытый, вкус к жизни, ощутил себя лет на пять, да что там пять! – На десять лет моложе.

Однажды, подвезя клиента к подъезду соседнего с его корпусом, он решил перекусить дома. Обычно он покупал шаурму в палатке, около которой встретил хозяйку ретривера.

Поднявшись в квартиру, и пройдя на кухню, он увидел сидящих за столом Нину и какого-то хлюста, без пиджака, в небрежно ослабленном галстуке. На столе стояла початая бутылка шампанского, бокалы, надломленная плитка шоколада на блестящей обёртке.

Он только посмотрел в её испуганные и одновременно вызывающие светло-серые глаза, и всё понял. Не говоря ни слова, повернулся к ним спиной, и вышел из квартиры, позволив себе хлопнуть дверью так, что горевшая в коридоре лампочка светильника испуганно моргнула, и погасла.

Какое-то время он колесил по городу, пытаясь унять клокотавшее внутри него бешенство. Немного успокоившись, он припарковал машину на пяточке около железнодорожной станции.

Чтоб хоть чем-то отвлечься от назойливо роящихся в голове опасных мыслей, достал с утра куп-

ленную газету, мельком прочитав заголовки, остановился на статье о войне на Украине. Несвязная чехарда отвратительных «картинок» билась о черепную коробку, не давая сосредоточиться на тексте.

По стеклу негромко постучали.

Он приоткрыл окно, в которое тут же залетели несколько снежинок, и ментально растаяли в тепле салона.

- Мужик! За город. Не обидим. Очень надо. – Вслед за снежинками ворвался в уютную утробу машины грубый голос.

- Мужики в поле пашут. Садитесь. – Он убрал с руля газету.

Занятый своими мыслями, он не обратил внимания на мёртвую холодность глаз говорившего, синие от татуировок кисти рук.

Тот, что говорил, сел сзади, прямо за ним. Второй, коренастый, с красным лицом, устроился на переднем сиденье.

Они выехали за город. По сторонам замелькали унылые подлески, с низкими снеговыми тучами над ними, тёмные, напитанные влагой поля с пятнами ещё не растаявшего серого ноздреватого снега. Поля сменились ельником, подступающим прямо к шоссе.

- На следующем повороте поверни. – Резанул слух голос за спиной.

Он повернул, и поехал по просёлку.

- Корешок! Здесь притормози... – попросил сидевший рядом.

- Зачем? – он недоумённо посмотрел на проплывающие справа и слева

от машины ели.

- Отлить надо. – Обнажил в улыбке кое-где прореженные зубы красно-мордый.

Он подрулил к обочине, и остановился.

Много лет тренированное тело среагировало быстрее, чем он понял, что происходит. Мелькнувшее перед глазами нечто, оказавшееся бечёвкой, поймала кисть левой руки, не дав той врезаться в шею. Ребро ладони правой – с хрустом врезалось в кадык красно-мордого. Не выпуская бечёвки из крепко сжатого кулака, он, резко потянув её на себя, отклонился вправо, и нанёс серию коротких ударов в голову находивше-

гося сзади, тот обмякнув, завалился на сиденье.

Он несколько раз глубоко вдохнул, восстанавливая дыхание. Потом взял из ячейки справа от сиденья пачку сигарет, вытащил одну, щёлкнул зажигалкой. Выпустив в лобовое стекло густую струю дыма, вслух подумал:

- Ну, вот всё само собой и разрешилось.

Докурив, и потушив сигарету в пепельнице, он вышел из машины. Посмотрев по сторонам, открыл заднюю дверцу, и выволок «пассажира» на обочину. Тот застонал, и вяло зашевелился.

- Ну уж нет. Шалишь! - он резким движе-

ем свернул ему шею и оттащил тело в лес, подальше от дороги. Вернулся к машине. В том, что второй уже не очухается, он не сомневался.

Позже, отъехав подальше от поворота, он остановился. Достал из «бардачка» Атлас дорог России, нашёл в нём то, что его интересовало, бросил его на сиденье рядом. Выжал сцепление, и надавил педаль газа.

Теперь он точно знал, что ему нужно делать.

- Держитесь братцы-ополченцы! Я уже еду. Там где мы, там победа!

Автор: Андрей Григорович

Она любила джаз

Покуда скалы грызет волна

И чайка над ней парит,

В сердцах и душах живет страна

Музыки и любви.

(Иван Конев)

Дайна каждый вечер приходила на эту часть скалистого берега моря, и вглядываясь вдаль, пыталась понять и принять то, что принять она не могла или не хотела...

Вечернее море романтично. Заход солнца. Этот большой, желтый, раскалённый шар, постепенно начинает темнеть и утопает в бездонном море... «Утопает ...и тонет в бездонном море навсегда, забирая даже надежду» - с

давящей тоской в сердце вспоминала Дайна.

Она любила приходиться, как ей казалось, на это отчужденное место, где ей никто не мешал уединиться.

Дом на берегу моря, в котором жила Дайна с родителями, достался им от родителей отца. Теперь в этом доме она живёт одна. В памяти Дайны сохранились воспоминания о том благополучном времени, когда живы были её родители. Тогда дом наполнялся радостью жизни, счастьем, звуками музыки. Незабываемым семейным удовольствием были особенно те вечера, когда в дом приходили друзья отца и устраивали джазовые им-

провизации, где соло на саксофоне исполнял отец.

Дайну радовали импровизации отца, когда он, войдя в раж, сочинял прямо на ходу и тогда, каждая клеточка твоего тела, начинала вибрировать в такт этого упоительно сумасшедшего ритма. Некоторые знакомые отца, с улыбкой, предлагали ему уже остепениться, но он всегда отшучивался, утверждая, что у джаза нет возраста.

Как всегда, никто не ожидал несчастья.

Каждый вечер Дайна приходила на это место и ждала чуда, хотя знала, что чудес не бывает. Прошёл год. Поиски пропавшей в море яхты, прекра-

тились. Их больше не искали, хотя никаких материальных свидетельств о гибели родителей у Дайны, не было.

Первое время ей было очень тяжело, приходилось в опустевший дом. Иногда Дайне даже хотелось уехать куда-нибудь, покинуть этот дом, в котором была атмосфера уже никогда не возродится, так она думала. Потом она привыкла, как ей казалось, к одиночеству, и только саксофон отца мог успокоить её мятущуюся душу на какое-то время. Играть на саксофоне её научил отец.

Она часто шла на берег моря, на любимое место, где отец учил её игре на саксофоне и где, отдаваясь музыке, она исполняла свою любимую мелодию **с л о у ф о к с** — «Маленький цветок»*.

Море притягивало её, звало на берег и Дайна не могла отказать ему. Она чувствовала, она знала, что море хочет открыть ей свою тайну. Тайну чего? Она приходила на берег моря даже поздно вечером, когда ночное море казалось волшебным. Вокруг тишина и ничего не было слышно, кроме лёгкого плеска набегающих волн.

Так было и в этот вечер. Дайна медленно шла по берегу. Мягкий серебристый свет луны, пробегал по морским волнам до самого горизонта. Дайне казалось, что море сливается с звёздным небом в единое целое, и что она единственное существо земное, которое до звёзд может дотронуться руками...

Только потеряв се-

мью, она вдруг поняла, что больше ей любить некогда... Конечно, у неё были друзья и подруги, но в неё никто по-настоящему не влюблялся. Так..., лёгкий флирт, ни к чему не обязывающий.

Становилось прохладно на берегу. А может быть, это холод одиночества сковывает её, ещё не успокоившуюся, душу? Она уже собралась уходить, когда неожиданно до её уха донеслась знакомая и такая родная мелодия саксофона... Резко остановившись, Дайна прислушалась... Нет, нет! Ей не показалось! Звуки продолжали литься. Нежные, томные..., они выползали откуда-то из-за прибрежных валунов, приближались к ней, обволакивая её теплом и надеждой. Весь мир для неё перевоплощался во что-то радужное и волнующее.

Дайна больше не чувствовала холода. Она, как замороженная, шла на звуки музыки, пробираясь через валуны к пляжной части берега. Чем ближе она подходила к источнику дивных звуков, тем тревожнее было у неё на сердце. Кто это может быть? Здесь никогда не звучало соло на саксофоне, кроме её отца и её самой...

Пробравшись незаметно поближе к волшебному месту звуков, Дайна вдруг поняла, что это не слуховая галлюцинация, звук приобретал очертания. При лунном свете, на фоне моря она видела лишь силуэт мужчины, издающего эти дивные звуки, которые привели Дайну к

этому месту. Она замерла в нерешительности... Ей было всё равно старый он или молодой, ведь у джаза нет возраста. Одно она знала точно — их может объединить музыка и её одиночеству настанет конец. Подойти? Нет! Его спугнёт появление незнакомки... И она приняла неожиданное для себя решение.

Уже светало, когда Дайна вернулась на место ночного видения. Саксофонист также сидел на том же месте, но его сакс молчал. Не решаясь подойти, Дайна прильнула губами к саксофону и начала тихо играть полюбившуюся мелодию. Шум моря мог заглушить тихие звуки музыки, но случилось чудо. Молодой человек с саксофоном, (при ещё слабом утреннем освещении, Дайна уже хорошо видела мужчину), вдруг продолжил музыкальную тему в унисон. В какое-то мгновение Дайна поняла, что может выйти из укрытия и, продолжая играть на саксофоне, она приблизилась к незнакомцу. Сердце её забило от неожиданного признания самой себе, что теперь она знает, какую тайну от неё скрывало море. Море вернуло ей надежду на любовь, надежду на радость, казалось бы уже навсегда утерянную.

Прошло время и родной дом Дайны, как и в былые времена, снова наполнился радостью жизни, счастьем, звуками музыки.

Автор: Кора Журавлёва

Лицо напротив

Очередной день.

И снова это лицо напротив. Лицо молодой девушки. Оно прекрасно: большие глаза небесно-голубого цвета, длинные ресницы, чуть вздёрнутый носик, на котором ровно шесть, едва заметных конопущек; ещё три маленьких чудесных пятнышка, цвета солнца, притаились на одной щёчке и четыре на другой. Аккуратный рот с коралловыми губками и правильный подбородок. Две золотистые пряди волос обрамляют его.

Я уже не помню, как выгляжу сам, но наизусть знаю и люблю каждую черточку её внешности. Даже, когда закрываю глаза, её образ стоит передо мной.

Постоянно пытаюсь заговорить с ней, она отвечает, но звука нет. Я вижу, как двигаются прекрасные губы, пытаюсь прочесть по ним, что она отвечает, но смысл ускользает.

Каждый день, каждое мгновение я люблюсь

этим лицом, таким родным и знакомым.

Никак не удастся вспомнить, почему мы здесь и как давно. Боже, как она прекрасна! Готов отдать, что угодно, лишь бы приблизиться на мгновение и нежно поцеловать её. Приблизиться и прошептать: "Я очень люблю тебя...". Хочется кричать об этом, хочется услышать её ответ...

Пробую ещё раз обратиться к ней и... О чудо! Звуки снова появились в моей голове!

- Ты слышишь меня?! - радостно спрашиваю и с нетерпением жду звук её голоса.

- Да, - отвечает она, и сердце моё начинает бешено колотиться.

Она слышит меня! Она! Меня! Слышит! А я слышу её, и теперь мы будем говорить, я узнаю о ней всё и расскажу обо всех своих чувствах.

- Кто ты?! Как тебя зовут?! - вопрошаю, едва

сдерживая радостный смех.

- Ты опять всё забыл, - её лицо помрачнело.

Мне начинает больно давить в груди от плохого предчувствия.

- Нет, не расстраивайся, что я забыл? Скажи, я всё исправлю! - всё что угодно, лишь бы она была счастлива.

- Ты убил меня... - внутри что-то оборвалось. И тут воспоминания взорвали мозг! - А до этого три дня насиловал и пытал... - слеза скатилась по её щеке.

Не-ет! Зачем я опять это вспомнил?! Я едва могу существовать от отчаяния и безысходности. Изменить что-то уже невозможно.

Кровавые слезы текут ручьями из глаз. Понадобятся века или тысячелетия, чтобы я снова смог забыть то, что сделал.

В аду нет пощады раскаявшемуся грешнику.

Автор: Алексей Балаев

Инопланетянин

Часть первая.

Теория всемирного заговора. Вот, что действительно будоражит моё воображение. Вот, о чём я готов размышлять долгими сумеречными вечерами с

хорошей кружкой горячего чая. С бутербродом с сыром или ветчиной.

Ночью, когда отвернувшись от уснувшей жены, пользуясь нежданной свободой, можно открыть наконец крышку ноутбука

и в неверном свете экрана попробовать ухватить кончик этой ускользающей тайны.

Кто бы знал, как же меня все это будоражит! Но ещё больше меня будоражит история одного челове-

ка. Моего друга.

Станным осенним вечером, после закрытия, в торговом зале местного магазина самообслуживания «Гастроном № 5», прямо между рядами с бакалеей и консервами, был обнаружен инопланетянин. Согласитесь, одного только этого обстоятельства уже достаточно, чтобы вечер можно было смело отнести к категории — странный.

Итак, инопланетянин. Нет, это не был зелёный человек с раскосыми глазами или инопланетный монстр, а был это самый что ни на есть обыкновенный и невзрачный мужчина лет сорока. Неполный, но вполне себе упитанный. Голый.

Да.

Первым его обнаружил ночной сторож, он же приёмщик Пантелеев, в разных носках.

Тут надо отвлечься.

Разноцветные носки Пантелеева не были ни эстетским изыском, ни атрибутом шаманского обряда или, не дай Бог, политическим демаршем. Просто бывает так, что утром Пантелеев не всегда адекватно оценивает реальность. А какая может быть реакция человека в разных носках на голого мужчину на охраняемой территории? На нём же не написано, кто он?

Правда, у него отсутствовал пупок, но оценить эту анатомическую особенность вряд ли смог бы ночной сторож Гастронома. Во всяком случае, это было бы, наверное, последним, на что он обратил бы внимание. Бывает ко-

нечно, что сторожем подрабатывает студент медик или студент училища барона Штиглица-Мухиной. Художник какого-нибудь промышленного дизайна. Те, заметили бы конечно. Ну, наверное заметили. Хотя, студенты медики обычно подрабатывают ближе к специальности: или санитарами в морге, либо распространителями антирелигиозной литературы. А художники, те вообще обычно не подрабатывают. Они хотят с юных лет соответствовать высокому званию «Вольный художник».

Да.

Так вот, Пантелеев не был ни тем, ни другим. Он был просто сторожем пятидесяти лет от роду. Одиноким. Разведённым.

Пантелеев шёл вдоль рядов, привычно выравнивая банки с томатной пастой так, чтобы нарисованные помидоры выстраивались ровными линиями и тут, на тебе — Голый. Стоит, хлопает глазами.

От неожиданности Пантелеев зачем-то спросил у голого, как того зовут и тут же получил в ответ: Николай, а вас? И дружескую улыбку.

Пантелеев машинально ответил: Пантелеев. Вспомнил не к месту сатирика Райкина с его грузинском, которого зовут Авас, после чего тяжело задумался.

Думал он так наверное целую минуту и выдумал только одно, грустное: «И что теперь?».

Вообще, быстрые решения ему всегда давались непросто. Бывало так, что выбор между — отве-

чать ли на звонок телефона или не отвечать, особенно когда догадываешься, что звонит бывшая жена, превращался для него в чудовищную пытку.

«Вот, ты узнал, что он — Николай. Легче тебе от этого?» — начал истязать себя Пантелеев.

Они бы долго ещё так стояли между рядами — грустный Пантелеев и голый Николай, если бы Николай не сказал: Тут холодно у вас, — и ещё шире улыбнулся.

И от улыбки этой случилось так, что, слово за слово, но они разговорились. Да как-то хорошо разговорились. Николай оказался славным собеседником — умел слушать.

Так у них продолжалось часа два, но всему хорошему приходит конец.

В ночи, к Гастроному подъехала машина ПМГ-17. Из неё вышли милиционеры, смешно прижались носами к витринному стеклу, гулко в него постучали и направились в сторону служебного входа. Это была традиция. Они иногда покупали у сторожа свежий хлеб, если успевали к ночному привозу фургона с надписью "ХЛЕБ", а заодно они проверяли, всё ли в порядке у них на районе. Пантелеев совсем упустил это обстоятельство из виду.

Естественно, наличие в магазине голого постороннего очень заинтересовало дружный экипаж Подвижной Милицейской Группы №17.

Не умеющему врать Пантелееву пришлось рассказать всё, как есть, и ино-

планетянина забрали в милицию. Правда, на тот момент он уже не был так девственно гол. На нём был старый, выдавший виды синий халат, неизвестно с каких времён хранившийся в подсобке. Но это ничего не меняло.

Когда его забирали, в левой руке Николай держал недопитую бутылку ряженки с широким горлышком, выданную ему сердобольным Пантелеевым, а в правой Городской батон. Батон он взял самостоятельно прямо с полки хлебного отдела, пока Пантелеев ходил за халатом. Уж больно вкусный был у него запах. За Городской батон и Ряженку честный Пантелеев позже положит пятидесятикопеечную монетку в кассу. Без сдачи у него просто не будет.

Наличие халата как раз не позволило милиционерам заметить странность анатомического строения пришельца в виде отсутствия пупка. Поэтому в отделении его, без лишних вопросов, посадили в "аквариум" к местным пьяницам.

Утром старший лейтенант Злобин Ч.К., проходя мимо застеклённого помещения, стал свидетелем странной, не сказать, очень странной сцены.

В загородке, где сидят задержанные, в противоположной от двери стене, была огромная, больше чем в рост человека, абсолютно круглая дыра.

Она была проделана в кирпичной кладке «С помощью воздействия высоких энергий неизвестного происхождения», как поз-

же будет записано в заключении экспертов.

Надо сказать, что задержанные пьяницы и дебоширы не разбежались, а сидели чинно по своим углам и тихо смотрели в сторону дыры, как в телевизор. Всё это напоминало коллективный просмотр какой-то телепередачи.

«Камера смотрит в мир» — пришло на ум Злобину, и ещё мелькнуло: «Интересно, это получился Каламбур или Парономазия?».

wikipedia:

Парономазия — стилистическая фигура речи, образного сближения слов, схожих по звучанию в частичном совпадении морфемного состава, в речи используется каламбурно.

Сквозь круглую дыру были очень хорошо видны: соседний дом, небо и даже дворик детского сада, где уже прогуливались малыши. На них-то с умилением и смотрели сокамерники.

- Это кто... такое? — только и смог выдавить из себя Злобин.

Задержанные, словно нехотя, повернулись и посмотрели на него с явным чувством превосходства, чуть ли не с вызовом. Помолчали.

Злобин почувствовал неладное.

Наконец, кто-то сжалился и произнёс весомо: «Инопланетянин».

Так это слово в первый раз прозвучало в камере сорок седьмого отделения милиции.

Как только у лейтенанта захлопнулся распах-

нувшийся от изумления рот, он сразу же, почему-то, вспомнил розуэлльский инцидент — один или несколько случаев, имевших место в июле 1947 года в США в Нью-Мексико, связанных с появлением НЛО.

Лейтенант Злобин был человеком любознательным, широких взглядов и даже прочитал в самиздате книгу Эриха фон Дэникена «Колесницы Богов» или «Воспоминания о будущем». Позже, он шёпотом так и рассказывал своим коллегам по опасной и трудной службе: «Сразу же меня как накрыло чем-то — это Розуэлл!». Почему он решил, что огромная дыра в его родном отделении милиции может быть связана с деятельностью пришельцев из Соединённых Штатов, впоследствии, он и сам толком объяснить не мог. Ведь самого пришельца старший лейтенант даже не видел, а о том, что у задержанного отсутствовал пупок, сидевшие с ним сокамерники дали показания много позже.

На уточняющий вопрос, при каких обстоятельствах было обнаружено это анатомическое несоответствие, сидельцы закрылись и хмуро отвечали в том смысле, что, мол, известно при каких, — обыкновенных. А когда на них поднажали как следует, припёрли к стенке неопровержимостью улики в виде дыры, они объяснили, что перед тем как выйти, он, пришелец, скинул с себя халат и вышагнул, как был есть — голый. Вот тогда-то про пупок они, вроде, всё и поняли. Других несоответ-

ствий в его анатомии ими замечено не было — всё при нём.

Да и про пупок они, похоже, приврали, а может попутали.

Как это часто случается с историческими событиями, свидетелями их становятся случайные и зачастую неподготовленные люди. Это вам с сожалением подтвердит любой историк. Самый известный случай произошёл в Галилее две тысячи лет назад, когда за Учителем ходили двенадцать полуграмотных и грубых мужчин и ни одного историка.

Да.

В данном случае, о том, что задержанный из гастронома был пришельцем, первыми догадались местные пьянчужки. Правда, сначала они до хрипоты спорили: пришелец это или Терминатор из будущего, как вон тот, из нового американского фильма, про который им рассказывали в "Кинопанораме" и даже показали фотографию. Но быстро сошлись на том, что для Терминатора этот, — наш, был не слишком-то накачан. Тот-то, здоровый был, как бык, а наш — нет. Да и миролюбив не в меру. Всё улыбался и со всеми охотно говорил.

- О чём говорили то? — любопытствовал Злобин.

Выяснилось, что сам он, похоже, ни о чём и не говорил, а всё больше слушал. Как-то так получалось, что все охотно рассказывали ему свои истории жизни, а он внимательно слушал. Вот, собственно, всё, что Злобину удалось узнать у сокамерников. Негусто: невнятные

воспоминания, дыра в стене и халат.

Халат, упавший на пол, они готовы были предъявить. Его забрал себе Тимоха-Охтинский. Вон он в нём и сейчас сидит завёрнутый.

- А, что? Пришельцу-то, в его шестом измерении, халат без надобности.

Со знанием дела заартачился Тимоха.

После недолгой возни с упрямым Тимохой, у страдающего с похмелья народца удалось наконец выяснить обстоятельства дела.

Где-то посреди ночи, когда все сидельцы угомонились и расположились на лавках, этот, в халате с голыми ногами, вдруг встал, вышел на середину и прислушался к чему-то.

- Там звук это... противный такой был. — пояснили свидетели.

Потом он повернулся лицом к стене и сказал что-то вроде: «Я всё понял, больше не повторится» или «Всё понятно, не повторится».

Тут-то в стене и засветилось... он сбросил халат на пол и ушёл.

- Куда ушёл?

- Ну, в дыру эту и ушёл.

- Куда? Направо, налево, прямо? Может в дом напротив или за угол?

- Да, нет. Просто в это светящееся и ушёл. Это же только потом, когда погасло, тогда и стало видно, что в стене дыра была. А сначала то в стене засветилось круглое, он и шагнул. Как погасло, его уже там и не было.

- А я видел, он вознёсся. Прямо свечкой

вверх, как метеор!

Вдруг заявил Тимоха-Охтинский, видимо из вредности. На него зашикали. Велели заткнуться и не вводить следствие в заблуждение.

- Ты не думай, начальник, мы могли тоже за ним уйти, но мы ж понимаем, дело серьёзное. Сергеева накажут. Дежурного сержанта, а он хороший парень — курево не отобрал. Шмонал несильно. Никто и не ушёл. Мы ж понимаем — Стокгольмский синдром! Тут уж ничего не напишешь. Одно дело делаем. Нам бы, начальник, на опохмелку за это дело полагается, а?

Халат, как неопровержимую улику, изъяли. Тимохе пригрозили, чтоб не вводил в заблуждение. Остальным велели помалкивать про дыру.

Потом уже начали выяснять, кто же был этот самый задержанный и откуда он здесь взялся. Тут вспомнилось, что доставленного ночью из Гастронома даже и не допрашивали толком. Точнее, совсем не допрашивали.

- Было совсем не до него — пересменок, то-да-сё. - Объяснял дежурный капитан Семёнов.

- Какой пересменок? Ночью?

- Да! Тут же ещё привезли этого клоуна, ну который по проводам ходил на стройках. На высотах всяких по стенам лазил. Говорит — я Руфер! Его наши с каланчи пожарной сняли. Она, кстати, не такая и высокая, но он до неё с соседнего дома по перетяжке шёл, а там высота метров 25, наверное. Цирк

Шапито да и только. Внизу две машины остановились, гудят. Прохожие. Все глаза, а этот, он ещё в маске этого, с ногтями, — Фредди Крюгера! Я с пацаном своим такую кассету купал. Мы с друзьями «Электронику ВМ-12» в складчину взяли, вот и ходим друг к другу фильмы смотреть. Приходи, эту неделю у майора Шибарова собираемся под водочку. Там у него такая кассетка есть... закачаешься.

- Семёнов!

- Да. А тут, все тоже пошли на него смотреть. В смысле, на этого. Крюгера. Когда его к нам доставили... В общем, не до показаний было.

Фредди Крюгер был на месте. Сидел тихо в своей камере.

- Чего маску не сняли?

- Снимали. Плачет. Говорит, что без неё страшно.

wikipedia:

«Руфер» — человек, занимающийся прогулками по крышам — т. н. руфингом или руферством.

Показания показаниями, а с дырой нужно было что-то делать. Впервые, из неё дуло. И хоть на улице стояла тёплая, почти летняя погода, но всё равно дуло. Да и непорядок это, когда посреди отделения милиции, в стене камеры дыра диаметром с человеческий рост.

Пьяниц из камеры сразу же перевели в другую, к Крюгеру, не смотря на его протесты. Тут выяснилось, что он никакой не Руфер, а Григорьев. Но это потом. На стену с дырой было решено повесить ог-

ромный занавес, который быстро приволокли откуда-то ребята из экипажа ПМГ-31.

Зайчики-лисички-грибочки и серый волк, изображённые на занавесе, очень странно смотрелись за решёткой камеры, но дыру закрывали.

- Это откуда?

- Подшефные наши. Детский сад рядом. Одолжили на время.

Прибывшее через час начальство тут же распорядилось этих зайчиков убрать.

- Это что ещё за Петрушкин цирк? — вопрошало грозно Начальство.

Потом, как только занавес сняли, опять засияла нахальная дыра во всей своей бесстыжей красе, а за нею стояла небольшая группа местного населения в виде старушек.

- Закрыть! Местное население опросить. — Распорядилось Начальство.

- Чем закрыть?

- Чем хотите, хоть щитом фанерным с этой девкой, вон, во дворе у нас стоит. Сколько уже можно? Рекламу обещали на год повесить, а валяется там уже года три, наверное?

- Пять.

- Ну вот.

Так в камере, за решёткой, оказалась улыбающаяся Красотка с какой-то рекламной хреню в руках, которая обязательно окажется жутко необходимой во время долгих перелётов самолётами Аэрофлота. Хрень эта, с олимпийской символикой, давно уже отжила свой век и стала неактуальна даже для самых внушаемых и доверчивых советских покупателей. Те-

перь найти её можно, разве что, на прилавках магазинов где-нибудь в глубинке, в сельпо.

Да и то, вряд ли.

В это время начальству доложили, что один из пьяниц, тех что сидел в камере вместе с пришельцем, похоже, сошёл с ума.

- Сидит в углу камеры и проповедует сокамерникам, — отпартовал Дежурный, капитан Семёнов.

- Религиозный фанатик? — брезгливо спросило Начальство.

- Нет, вроде... — радостно ответил Семёнов — скорее, научный.

Начальство заинтересовалось и пошло любопытствовать.

Проходя мимо злополучной камеры, Начальство с удивлением заметило внутри неё красотку с рекламы. Хрень в её руке призывно поблескивала в полумраке, всеми олимпийскими кольцами.

- Вы что, издеваетесь?! — загромыхало Начальство. — Снаружи закрыть надо было! Снаружи!

Началась суета по вызволению красотки из камеры. Обратно в дверь камеры она уже не лезла.

- Да как вы туда её запихать-то умудрились?!

- Так через дыру! — бодро доложили пьяницы, вместе с «Крюгером» вызванные для исправлению недочёта.

Потом было удаление от стены очередных любопытствующих, которыми теперь уже оказались бородатые люди с вещмешками и проволочными рамками в руках. Лозоходцы очень заволновались при виде «Крюгера».

В общем, прошло время.

Когда любознательное милицейское начальство добралось наконец-то до дальней камеры, то услышало примерно следующее:

- Какая она, ваша вселенная? Размер. Цвет. Ну, хоть какая у неё форма? Вы пользуетесь вселенной даже не задаваясь вопросом о том - в моде ли она в этом сезоне! Ну хорошо, она слишком большая и её не видно, разве что по ночам и то не всем. Возьмите тогда что-то маленькое. Блюдец хотя бы, или ещё меньше. Из чего там делают у вас бусы. Бисер? А если не останавливаться? Из чего состоит свет в вашей части вселенной, а? Фотон! Фотоны это ваше всё. Если фотон расщепить, то свойства половинок, как бы, становятся единым целым. Их две, половинки, а информация одна. Единая информация. Это дверь в другое измерение. Это путь к телепортации! Но не этой, дурацкой, как в Стар Треке или что там ещё у вас... Звёздные войны? Там было про телепортацию? Если вы развлекаетесь, вылавливая фотоны, то вы произвольно передаёте в другую вселенную йоттабайты информации, даже не подозревая об этом. Вам знакомо это слово?

- Звёздные войны?

- Йоттабайт!

wikipedia:

Йоттабайт (ЙБ, Йбайт; англ. yottabyte — септибайт) — единица измерения количества информации, равная 1024 байтам.

- Это... это так много, что вам просто и не представить. Вы просто заваливаете другую вселенную тем, что ей совершенно не нужно. Ваши «Физики» построят очередной сталкиватель адронный на народные деньги или ещё какой супер ускоритель. Обстреливают своими нано частицами их микромишени. Получают мириады разлетающихся осколков. Пользуясь общим попустительством, вы варварски вмешиваетесь в дела чужих вселенных.

wikipedia:

Большой адронный коллайдер, сокращённо БАК (англ. Large Hadron Collider, сокращённо LHC) — ускоритель заряженных частиц на встречных пучках, предназначенный для разгона протонов и тяжёлых ионов (ионов свинца) и изучения продуктов их соударений.

- Вы уничтожаете целые миры. Миры! Которые сформировались за миллионы лет до того, как ваша первая протоамёба, мать ваша, в порыве страсти попыталась размножиться делением в первичном океане. Между прочим, спровоцировав тем самым остальных, вполне себе законопослушных амёб, к свальному греху! Позже это ваши высоколобые учёные назовут первичным генетическим взрывом или божественным щелбаном. Эволюцией! Ха-ха. Чушь собачья. Запомните — Вселенная должна быть симметричной!

Милицейскому начальству очень не понрави-

лись намёки на протоамёбу и пассаж про свальный грех. Оно поинтересовалось, давно ли это с ним и бывают ли паузы. Потом распорядилось вызвать психиатрическую, цинично рассудив, что поскольку клиент, похоже, не наш, то и возиться с ним нет никакого смысла.

А между тем, этот несчастный пытался доступным языком объяснить стражам порядка то, что, по его словам, в остальных частях обозримой вселенной знают даже «Ученики первичного уровня обучения в предварительной жизни».

Каким образом это вскочило в голову мирного алкоголика, неизвестно. Одно стало очевидно — Контакт, он, даром не проходит.

При дальнейшем исследовании уже в другом заведении выяснилось, что эти знания совершенно не тяготят нашего проповедника от науки и никоим образом не сказываются на обычной его жизни со всеми бытовыми подробностями. Клиент охотно ел, с удовольствием мылся в душе и даже азартно покуривал, нарушая режим, если его угощали. Но стоило задать ему вопрос о возможностях современной науки, взгляд его становился ироничным, надменным, и он охотно начинал делиться своим мнением на происходящее в мире физики высоких энергий.

Тяжёлый случай.

Но объяснение этому феномену было найдено традиционно-банальное — ретроградная шизофрения,

усугублённая застарелым алкоголизмом. В дальнейшем, правда, выяснилось, что больной «в миру», ещё до того, как стать больным, был физиком-ядерщиком. Да не рядовым, а Профессором, заведующим лабораторией из какого-то очень закрытого предприятия ядерно-оружейного цикла империи Министерства среднего машиностроения СССР. Вполне себе уважаемым человеком был. Ковал ядерный щит страны. Подкосила его любовная история (подумаешь, застукал жену с лаборантом) и лёгкий доступ к дармовому спирту, который он получал как заведующий, аж, целых 10 литров в месяц на всякие научные нужды.

wikipedia:

Вялотекущая шизофрения, или малопрогредиентная шизофрения, — разновидность шизофрении, при которой болезнь прогрессирует слабо, отсутствует свойственная для шизофренических психозов продуктивная симптоматика. Концепция вялотекущей шизофрении получила распространение лишь в СССР и некоторых других восточноевропейских странах.

«Дело с Дыркой» или «ДСД», так его окрестили между собой в журналистских кругах. Оно будоражило воображение. На совещании в Главном Управлении Внутренних Дел по Ленинграду и Ленинградской области сказали: «Эта дыра стала вызовом профессиональной чести и достоинству всей нашей милиции».

На расследование,

естественно, были брошены «самые лучшие силы» в лице усталого следователя капитана Иванова А.И., отца многочисленного семейства с кредитом за холодильник, и участкового лейтенанта Шарова И.А., пока ещё холостого и поэтому весёлого.

Тем временем дыру решено было заделать, хотя бы просто потому, что надоело отгонять от неё уфологов с приборами и экстраенсами. Под разными предложениями они так и норвали проникнуть внутрь отделения милиции. Мало того, что они нарушают, тем самым, штатный режим службы, так они ещё и нервируют сотрудников ненужными вопросами типа: «Не ощущаете ли вы присутствие Иного разума в повседневной работе, а если да, то, какие необычные свойства вы обнаружили в себе за последнее время? Взять хотя бы вас?»

Сотрудники обнаруживали в себе только глухое раздражение.

Врождённая толерантность, свойственная нашим милиционерам и скреплённая строгим начальственным запретом, помогала им справляться и с этим недугом; уфологов пока просто отгоняли, хотя, после того, как те заметили внутри камеры сидящего «Крюгера», они просто как с ума посходили.

Некоторых, особо настырных, пришлось припугнуть привлечением, а одного, который дважды за день пытался проникнуть то под видом сантехника, то активиста-пенсионера, хотели даже задержать до

выяснения личности.

Чему, кстати, «активист», оказался несказанно рад. Тут у него в кармане обнаружился паспорт на имя Гаюнаса Эдуардаса Степановича, русского и с его же фотографией. Чтобы избавиться хоть на время от надоедливого активиста, паспорт пригрозили у него изъять и послать на экспертизу, мотивирую тем, что, мол — «А вдруг он фальшивый?»

Наконец-то самого уфолога выгнали несмотря на то, что он слёзно просился переночевать в «той-самой камере». Ему даже строго объявили домашний арест на трое суток, (хоть такого наказания нет ни в уголовном ни в процессуальном кодексе РФССР). Настолько он надоел.

Потом, наконец-то, пришли каменщики, привезли кирпич, цемент и дело пошло. Ровно до тех пор, пока в одном из каменщиков не был опознан недавно отпущенный под арест «активист». Подкупив бригадира «Агдамом», он переоделся в малярский замызганный халат, чалму из газеты и опять крутился у дыры.

Ну, что ты будешь с ним делать?!

Терпение стражей порядка лопнуло и настойчивому уфологу пообещали запереть его в камере, но только после того как он, собственноручно, заложит проклятую дыру кирпичом. Уфолог был счастлив. Хотя, вскорости выяснилось, что о кирпичном деле он не имеет ни малейшего представления.

Часть вторая.

Но, нет. Остались ещё люди пылкие сердцем и пытливые умом. Остались ещё любознательные и бескорыстные.

Живущий напротив стены с криво заложенной дырой пенсионер Венедиктов Д.К., например. Начинаящий экстрасенс 16 лет от роду Кривошеин Санька и бросившая всё пенсионерная певица, как она сама себя величала, Маргарита Логашина. Наверняка, есть и ещё люди, не забывшие об этом странном происшествии и готовые приложить все усилия для раскрытия тайны ДСД, но мне про них ничего неизвестно. Каждый из перечисленных героев нёс на себе печать приобщения к тайне, сопричастности с удивительным и непознанным. Если конкретно, эти люди были свидетелями неожиданно возникшего феномена на стене 47-го отделения милиции. Именно благодаря таким скромным героям можно попытаться восстановить историческую картину Первого Контакта.

Демидыч.

Выяснилось, что пенсионер Венедиктов Д.К., сослепу, разглядел только яркий диск и в нём человека. Поэтому его мнение по поводу происшедшего не так интересно, но зато он единственный, кто точно смог указать время, когда всё это случилось. Дело в том, что бравый пенсионер всю свою жизнь носил на левой руке командирские часы «Ракета», которые впервые за тридцать лет безупречного хода самопроизвольно, с жалобным скрипом, останови-

лись именно в эту ночь, в тот самый момент. Это случилось ровно в два часа семнадцать минут.

Санёк.

Начинающий экстрасенс Санёк Кривошеин в ту ночь на Контакт выходил один. Ну, почти один. С одноклассницей Юлькой Миринок. Случилось так, что его родители и младший брат отбыли на дачу на два дня, а Санька они оставили в городе, взяв с него слово, что он будет готовиться к экзаменам под присмотром бабушки. У бабушки был строгий режим и гомеопатия, так что к одиннадцати вечера её контроль над Саньком сошёл на нет.

Юлькина мама — мать-одиночка. Как раз по выходным она устраивала свою личную жизнь с коллегой Корнеевым М.М., и поэтому Юлька также могла гулять сколь угодно долго.

Всё складывалось как нельзя лучше.

Одноклассники сидели на скамейке во дворе детского садика, прямо напротив отделения милиции, укрытые от посторонних взглядов кустами сирени. От той злополучной стены их отделяло не больше пяти метров. В момент происшествия Санёк как раз показывал Юльке свои экстрасенсорные способности. Он только что угадал семь из десяти цифр, задуманных Юлькой (выбранных от одного до десяти), и теперь наступал самый ответственный момент — угадывание мыслей на расстоянии. Гипноз и последующие за тем поцелуи.

Запах сирени будо-

ражил.

Санёк встал перед сидящей Юлькой, приказал закрыть глаза и осторожно положил свои руки на её плечи. Юлька послушно закрыла глаза, приоткрыла рот и подумала: «Интересно, как это будет, он сначала поцелует или сразу начнёт хватать?».

В этот момент Санькина левая рука неуверенно ползла к её правой груди.

Юлька, как бы поощряя его, вздохнула поглубже, она знала, что от этого грудь становится твёрже, но тут раздалось звонкое и какое-то совершенно неуместное Санькино:

- Ой!

Юлька недовольно поджала рот и чуть приоткрыла один глаз. Санёк с открытым ртом смотрел куда-то выше её головы и ничего не делал. Этого ещё не хватало. Если он так реагирует на прикосновение, то что же будет, когда дело дойдёт до поцелуев? Юлька чуть нетерпеливо шевельнула плечами. Санёк не отреагировал и, всё ещё не глядя на Юльку, произнёс:

- Охренеть...

Мало того, что сами слова были абсолютно неуместными, так ещё и произнёс он их как-то... глумливо-удивлённо что ли.

- Дурак! - Решила обидеться Юлька, оттолкнула Санькины руки в сторону, встала и, не оглядываясь, обиженно виляя, ушла в темноту. Она так и не увидела, что за ней, на фоне кирпичной стены, в светящемся круге, в позе Витрувианский человека, завис совершенно голый, взрослый мужик. Собственно,

именно поэтому в дальнейшем рассматривать её как свидетеля происшествия или участницу Контакта, совершенно бессмысленно.

Тем временем голый мужик бесстыдно смотрел на Саньку и улыбался. Глаза его были абсолютно белыми, без зрачков. От этого улыбка получалась жутковатая, не сказать — страшная. Плюс раскинутые руки и раздвинутые ноги.

Санёк попытался оторваться от этой улыбки, опустил взгляд и увидел, как ветер чуть шевелил волосы... скажем так, — на ногах голого. От всего этого Саньку ужасно захотелось спрятаться. И ещё. В это время, безостановочно и очень тревожно, откуда-то сверху, звучал надоедливый вой.

Вдруг голый последний раз улыбнулся Саньку и исчез. Как выключили. Вой тоже прекратился, а на месте свечения осталась огромная дыра. Санёк всё ещё стоял с протянутыми вперёд руками, с растопыренными пальцами, с левой ладонью, которая так и не успела ничем заполниться и открытым ртом. Пахло чем-то неприятным. Мочой что ли?

И тут, из дыры в стене, которая, как ему вначале показалось, вела прямо в преисподнюю с решётками, на него полезли какие-то страшные рылы. Этого уже Санёк не выдержал. Он вскрикнул и бросился бежать. Благо, этого уже никто не видел. Это потом уже, сидя у себя в комнате и закрывшись на все засовы, он понял, что это были люди. Неопрятные, но люди. Проще говоря — пьяни-

цы, а за ними виднелось зарешеченное отделение милиции. Самое обыкновенное. Всё бы ничего, но вот только висящий в воздухе мужик... И ещё его глаза...

В ту ночь что-то в Саньке перевернулось. В психике подростка произошло какое-то серьёзное изменение. Может быть, даже надлом. Он вдруг понял, что его совершенно уже не беспокоят ни паранормальные знания, ни экстрасенсорика с уфологией, ни даже убежавшая Юлька, хотя этого, конечно, было жаль. Самое главное, он вдруг точно понял, что нет в этом мире ничего более непривлекательного, более отвратительного, чем совершенно ненужные ему, Саньку, чужие тайны. Не суй свой нос, как говорится.

Короче говоря, стал наш Санёк не по возрасту «либеральным консерваторм умеренного толка», как сказано у классика. Детство его закончилось.

Марго.

В ту ночь бросившая всё пассивная певица Маргарита Логашина курила на балконе своей квартиры. Вернее, бросили, конечно, её, а курила она в два часа ночи по причине любовных переживаний. Чтоб заглушить душевные раны, она уже выпила полбутылки вина и размышляла о том, а не стоит ли сейчас позвонить бывшему и испортить ему жизнь?

То ли вино действовало не так, то ли надломленная душа рвалась наружу, но в какой-то момент, неожиданно для себя, Маргарита тяжело и про-

тяжно взяла ноту «Ля» малой октавы. Вначале тихо, но потом всё сильнее. Нота взялась как-то удивительно удобно. С ней не хотелось расставаться.

Затем она увидела как во дворе, на стене милиции, в светящемся кольце, появилась фигура, словно висящая в воздухе на высоте двух метров от земли. Голый мужчина с призывно раскинутыми руками и ногами. Это действовало на певицу неожиданным образом — нижнее «Ля» ещё точнее и звонче понеслось над спящим районом.

В окнах соседнего дома даже начали зажигать свет. Кольцо на стене вспыхнуло и стало светящимся диском. Фигура повисела ещё немного и растворилась в воздухе. Вместо неё показалась слабо освещённая изнутри круглая дыра.

«Ля» повибрировала напоследок и оборвалась. Наступила тишина. Ни звука, ни грохота кирпичей, ни дыма. Ничего. Только растерянные потрёпанные лица осторожно выглядывали из дыры в стене.

Что-то взвизгнуло в темноте и метнулось из кустов в сторону дома. Но всего этого она уже не видела. Она жмурила глаза. Никогда ещё Маргарите не доставлял такого удовольствия её собственный голос. В ней неожиданно проснулось настоящее академическое контральто.

«Может быть, это и есть оргазм?» — Подумала Маргарита Логашина.

wikipedia:

Контральто (итал. contralto) — самый низкий женский голос глубокого

грудного бархатистого тембра. Рабочий диапазон: милой октавы — фа второй октавы. В опере композиторы часто писали произведения, используя этот голос в образе мальчиков, молодых парней, матерей-героинь и женщин с трагической жестокой судьбой.

Всё проходит. Как было написано на кольце у Соломона: «И это пройдёт». История вокруг пришельца с дырой в милиции вначале обросла разными неправдоподобными подробностями, потом стала превращаться в очередную порцию городских мифов про зелёных человечков, а затем ажиотаж благополучно сошёл на нет. Так оно всегда и бывает.

Так или иначе, но на жизнь и на дальнейшую судьбу каждого из участников и свидетелей появление инопланетянина Николая в нашем мире уже оказало серьёзное влияние.

Певица Логашина из тихой, понукаемой и вечно бросаемой любовниками серой мышки превратилась в женщину вамп с потрясающим эстрадным контральто. Между прочим, очень востребованным голосом для исполнения патристических и популярных шлягеров на праздниках и «сборных солянках».

(«Сборная солянка». На сленге лабухов среднего звена, ещё с советских времён так называют сборные концерты, составленные из артистов разных жанров. Как правило, для выступлений на периферии для заработка. Это могли быть певцы, танцоры, престижисты. В общем, кто угод-

но.)

Что-то женское, неожиданно проснувшееся в Маргарите той ночью, теперь не давало ей покоя. Мужчины, просто коллеги по Ленинградской Филармонии, не могли нарадоваться тем переменам, которые произошли с Королевой Марго. Так они стали называть её за глаза. Из-за неё, между полным трубачом и не менее полным саксофонистом, даже стали вспыхивать небольшие конфликты. Особенно во время гастролей. Женщины завидовали и отчаянно интриговали.

Бывший экстрасенс Александр Кривошеин, к удивлению родителей, подготовился и блестяще сдал все экзамены. Юлька несколько раз с интересом и тревогой поглядывала на него, но эти взгляды не привели, ровным счётом, ни к чему. Тогда она решила, что — «Ну и пусть!», — и бросилась с головой в отчаянный роман с двадцатидесятилетним гопником, соседом по двору по прозвищу Пашка Дембель. Преждевременно повзрослевший Кривошеин смотрел на всё это отстранённым взглядом естествоиспытателя. Юльке с Пашей Дембелем было скучно.

Пенсионер Венедиктов Д.К. вдруг оказался востребованным в своём дворе рассказчиком и балагуром, чего раньше за ним не водилось, а так же хорошим третейским судьёй по всем бытовым спорам и разногласиям. Наш Демидыч, так уважительно стали называть его старушкоревесницы. Наш Демидыч

всех рассудит.

Популярность эту ему создал уважительный интерес к Венедиктову, проявленный со стороны правоохранительных органов.

Во время опроса местного населения участковым, лейтенантом Шаровым И.А., на предмет, не видел ли кто «чего необычного» прошлой ночью, на весомый вопрос милиционера — «Чё тут?» — тихий и неприметный пенсионер Венедиктов Д.К. неожиданно бодро отрапортовал, что, не только мол, видел, но и назвал точное время необычного. Что именно он видел, загадочный Венедиктов при всех говорить отказался.

После этого он был приглашён в отделение милиции, а оттуда уже переправлен в Главное Управление Внутренних Дел Ленинграда и Ленинградской области. Там он был допрошен и внимательно выслушан грустным следователем капитаном Ивановым А.И., а затем уже, через час, доставлен обратно, до своего подъезда на милицеской машине с мигалкой, где его уже ждали.

Мигалка, правда, крутилась недолго, её заклинило как раз в момент остановки машины во дворе, но впечатление она произвела. Заинтригованные местные старушки допрашивали Демидыча и скопом, и по одиночке.

Демидыч молчал.

Тогда они стали навещать его дома под разными бытовыми предложениями типа, - «Требуется помощь, а то телевизор не перещёл-

кивается с канала на канал, тугой зараза». Приносили домашние угощения, мол, — «Как же без домашнего?»

Но крепкий старик мужественно не поддавался на дамские уговоры и хитрости, а только отвечал загадочно: «Есть многое на свете, другой раз, что и не снилось ихним мудрецам». Чем заслужил ещё большее уважение среди всей женской публики нашего микрорайона.

Гамлет у нас в чести.

Что касается Инопланетянина, то о нём больше никто и ничего не слышал в Ленинграде городе. Потому как уже начинались времена смутные и странные. Экстрасенсы доморощенные пошли и потомственные колдуны в каждом телевизоре, так что не до инопланетян стало. Может он и появлялся где, да в такой вакханалии разве ж заметишь его, даже и голого? Сумасшедших всех мастей на улицах появилось пруд-пруди. Голых, в том числе.

Прошло три месяца.

В маленькой однокомнатной холостяцкой квартирке, где-то на окраине города, вечером, сидел мужчина в чёрной футболке с надписью «BEATLES» на спине и в футбольных трусах с лампасами. Перед ним в сантиметрах десяти над поверхностью клеёнчатого стола, висело нечто круглое зеленоватого цвета. Пантелеев ждал. Наконец-то в зелёном что-то поменялось. Оно превратилось в большой круглый шар, в котором показалось улы-

бающееся лицо.

- Здравствуй, Друг, — сказала оно.

- Здравствуй, Коля, — ответил Пантелеев.

- Я проверил, следующее ночное интернет-дежурство в Кибермаркете у меня будет через трое суток в отделе коммуникаций и телепортации. Ты то сможешь подмениться?

- Да, — ответил Пантелеев, — конечно. У меня в Гастрономе сменщик покладистый.

Лицо Николая просияло.

- Это так здорово, Друг, мне так много тебе нужно рассказать. Не забудь проверить, чтобы в хлебном остались свежий Батон и ещё Ряженка.

Николай рассмеялся, но потом спохватился.

- Это не обременит тебя?

- Нет, — сказал Пантелеев, — не забуду. Слушай, я тогда угощу тебя пивом «Жигулёвское», бутылочное. Я достану свежее, у меня в виноводочном знакомство-для меня оставят. Докторская колбаса и городской Батон. Мы будем смотреть хоккей по телевизору прямо в подсобке. Там есть огромный такой «Рубин». Правда, он показывает только первый канал, но по первому как раз и будет повтор игры СКА - Динамо. Будем смотреть, пить пиво и болтать. Я специально не буду смотреть днём, чтоб не узнать счёт. Лишь бы никто не проболтался.

И он тоже засмеялся.

- Хоккей.. На огромном телевизоре «Рубин». Алексей Гусаров, Николай Дроздецкий, или он ещё не

вернулся из ЦСКА? — забеспокоился Николай — это такой подарок для меня! Спасибо, друг. К сожалению, я ничего не могу взять с собой для тебя...

Он замялся и осторожно взглянул на Пантелеева.

- Может, ты что-то хочешь узнать о... будущем?

- Нет, Коля, спасибо. Всё, что нужно, я и так знаю. А ждать чего-то, что и так будет... это глупо. Да и что может измениться?

- Да, ты прав. Ничего не меняется, а всё, что нужно, мы и так знаем. Мне уже пора, Друг. До встречи!

- До встречи, Друг, — ответил Пантелеев, но его уже никто не услышал. Зелёное погасло...

Через день вышло обновление 2.02 для Машинок бытовой Телепортации (HhT).

Cybermarket News:

Выпуск обновления для Household Teleport направлен на устранение ошибок и улучшение стабильности работы. Внеочередное обновление связывают с обнаружением уязвимости о которой рассказали эксперты Кибермаркет. Брешь в безопасности позволяла бесконтрольно открывать и изменять не только пространственные, но и временные параметры настроек. Новое обновление призвано устранить эту ошибку и будет автоматически установлено на все модели, включая уже проданные.

Автор: Виктор Гончар

Если бы вещи умели разговаривать

Здравствуйте. Позвольте мне представиться — Аксентий Павлович Грымов. Возможно, это несколько странно, что я намекаю вам на то, что ко мне нужно обращаться по имени-отчеству, но я так воспитан, и ежели уж вы вознамерились меня слушать, то стало быть готовы к причудам немолодого уже *кокетливо вздыхает* сударя.

На этом моменте было бы уместно рассказать вам о моем происхождении. Оно берет начало еще в 18 веке, когда одни из лучших столяров Санкт-Петербурга бережно вытесывали меня в своих мастерских по эскизам самого *горделиво поvyšает голос* Растрелли! Я был предназначен для кабинета Императрицы. Мой изысканный фасад, украшенный резными деталями из красного дерева, стал, могу вам сказать без лишней скромности, достойным украшением покоев Ее Величества. Знаете, я всегда восхищался ее вкусом, с самого первого момента, как я занял свое место, меня наполняли книги лишь высшей марки, а самой большой чести удостоивалась последняя полка — на ней лежали те книги и газеты, которые Ее Высочество изволила часто читать

и перечитывать. Порой мне до сих пор кажется, что дерево источает тонкий запах ее духов... Ах, простите, я, кажется замечтался. То было золотое время, период моего духовного наполнения; я был совсем еще неопытный, как те молодые дубы, что пошли на мое изготовление. Но царский дух незаметно проникал в мои поры и остался в них до сих пор. То время, за которое я сменил не одну королевскую эпоху и семью подарило мне крепость характера, веру, статность и светские манеры, что так трудно найти в сегодняшнем мире, *скривился*, по правде говоря, с современными шкафами мне и поговорить-то не о чем! То ли дело мои старые друзья! Я был знаком с Лаврентием Громушкиным, письменным столом Александра Сергеевича Пушкина, заочно дружил с Павлом Астафьевым, любимым креслом Сергея Юльевича Витте. А уж Мадам Шерер! Ох ну и была плутовка! *смеется* Приходила ко мне, когда в соседних покоях у Марии Николаевны бывали перестановки (а они бывали ой как часто!). Разговоры у нас с ней часами затягивались, сплетница она еще та была, но уж больно милая и открытая,

так, что и пристыдить-то ее за это никак не получалось. Где сейчас мои милые друзья... *вздыхает*.

Период моей жизни, который я практически не помню, трудно было находиться в сознании, валяясь в подвале под какими-то тряпками и обломками, связан с советским правлением (это я вычитал в многочисленных газетах, пытаюсь потом, многим позже, восстановить свое прошлое). Я до сих пор помню, как первый раз за долгое время меня коснулись лучи солнца. Они так тепло и ласково пригрели меня, прошлись по запыленному стеклу в дверцах, по позолоченным ручкам, по причудливо изогнутым ножкам. Потом несколько пар рук вытащили меня в центр большой комнаты, где было много окон, и я шурился, глядя на соскучившееся солнце. Меня бережно очищали от пыли и грязи, покрывали блестящим лаком и всё время восторгались моим возрастом, *кряхтит и покачивается*, да, ребяташки, долгожитель перед вами еще тот! Так о чем это я? Ах, простите, почему-то никто не упоминает, что возраст — это, конечно, хорошо, но склероз, как говорится, никто не отменял *посмеивается*. С тех са-

мых пор я стою в Эрмитаже, в полностью воссозданном кабинете Императрицы. Жаль только, что настоящий экспонат — только я, те копии, что пытаются быть похожими, ну например, на Мадемуазель Фонтэн, тумбочку под вазы с цветами, в подметки им не годятся, так, искусно сделанные подделки, душут им никто неотреставрирует...

Каждый день я вижу много людей. Я являюсь центральной композицией не одной тысячи фотографий. Про меня рассказывают экскурсоводы. Но, ежели у нас с вами зашел такой откровенный разговор, признаюсь вам - мне бывает иногда очень грустно. Никто ведь даже не спросит, как я себя чувствую, как у меня дела. Никто не любит слушать занудного и дрях-

лого старика, я им ... всем ... неинтересен. Интересно только то, как я сияю, чисты ли мои полки, и правдива ли на мне бирка «XVIII век». А ведь у меня столько историй, чтобы всем рассказать, может, я мог бы раскрыть великие тайны, но ... Кого волнует мнение книжного шкафа. Простите, ребяташки, я, кажется, совсем устал сегодня. Идите, идите скорее к следующему экспонату, а то экскурсовода потеряете и пропустите что-нибудь действительно интересное. А я, с вашего позволения, вздремну немного, а то ночью я так люблю смотреть на звезды, что даже не до сна ... *зевает*. Спасибо.

Двое маленьких детей с интересом наблюдали за старинным книжным шкафом.

- Мама, мама, ну он движется, я тебе честно говорю, я слышала, как он вздыхает! Саш, Саш, ну скажи ей, она мне не верит!

- Теть Света, ну правда, он как живой! Смотрите, дверцы похожи на глаза и нос, а стоит он как будто на настоящих ножках!

- Дети, хватит говорить ерунду! Пойдемте, а то наша экскурсионная группа вон куда уже ушла, отстаем еще!

Маленькая девочка, взмахнув голубыми лентами, обернулась, задумалась о чем-то и послала в его сторону воздушный поцелуй: «Шкафик, ты не вздыхай так, я к тебе как-нибудь еще приду».

Автор: Мария Шевченко

Хренов оннитиси

Одного человека звали Иннокентий, а фамилия у него была Хренов. Какое-то время он был в меру жизнерадостным человеком, но на фоне сложной экономической ситуации его оптимизм вдруг зашкалило, и он стал приставать к людям с просьбой верить в самих себя.

Легко было заметить, что чем настойчивее Иннокентий, тем быстрее бегут от него люди. Но он успел сам поверить в свои слова.

Кто-то откупался от него деньгами, кто-то — обещаниями. В конце концов оказалось, что весь район ему что-нибудь да обещал.

Не то чтобы Иннокентий пользовался этим неумело. Большой период своей жизни он то и делал, что гулял, и умудрялся покупать себе новые носки. Многие тогда ходили в грязных.

Но когда поток обещаний иссякал, Иннокентий находил себя в долговой яме. Люди раз-

говаривали с ним только сверху вниз, и только те, кто этого захочет. На этих малых он набрасывался неистово, атаковал расплывчатыми просьбами и они уходили.

Но один пожилой мужчина в шляпе спросил у Иннокентия:

— Работать хочешь?

Иннокентий не отвечал. Тот настаивал:

— Если хочешь ничего не делать и получать деньги, приходи завтра к филармонии.

На прощание мужчина, как в старых фильмах, сказал: «Честь имею!»

Иннокентий мог пообещать, к своим обещаниям он всегда относился без особого уважения. Но филармония! — вот что ему нравилось уже само по себе.

Иннокентию помешалось, что Вселенная его выбрала, как он её выбрал. Он видел себя дарящим свою идею внимательной публике в свете прожекторов. Выходит из лимузина, и репортёры кричат ему: «Хренов! Хренов!»

И хотя он в жизни не сыграл ни на чём ни одного аккорда, и контрабас называл большой скрипкой, но всё-таки надел для филармонии лучшую рубашку.

Филармония со служебного входа оказалась простой. Как сам он отметил, никакой лепни. Пластиковые окна, двери, стены.

Но Иннокентий имел отдельный кабинет, где был стол и стул. На столе лежал гвоздь.

Время от времени на стол клали музыкальный инструмент. Иннокентий проводил гвоздём по лакированному дереву, царапину фотографировали, и инструмент уносили.

Иногда это случалось пять раз за день, иногда — неделями ни разу. Закономерности Иннокентий не заметил. Но

так или иначе каждый день он получал обещанную ему пачку чая.

Чай был грузинский, и пить его никто не собирался. Продать тоже не удавалось никому.

Когда Иннокентий попробовал что-то вякнуть, человек с фотоаппаратом коротко объяснил, что с поезда не спрыгнуть.

И наш герой вновь разбудил свой оптимизм.

Иннокентий с этого момента делал уже не царапины на древесине, а произведения искусства. Сначала он перепробовал латинские буквы, ему больше всего понравилась R. Потом перешёл к изображению знакомых ему предметов — крестов и домиков, цветов. Наконец, подошёл к портретам окружающих его людей. Тех, что приносили ему, можно сказать, новый материал.

Когда к Иннокентию подошли двое без инструмента и фотоаппарата, он загрустил. В участке спрашивали, есть ли у него деньги, но их не было. На всякий случай позвонил своей жене, а она говорит, начала забывать, как он выглядит. Денег у неё нет, тем не менее.

И тогда Иннокентий сделал то, чего никогда не нужно делать перед людьми в форме. Он стал храбриться. Говорил, что делает великое дело, что они просто не понимают пока, что они тупы.

Судье показали ро-

жищу, которая нагло смеялась со скрипки Страдивари, как утверждалось, а рядом с рожицей был вырезан фотоаппарат. Судья заявил, что хотя сам он впервые слышит об этом безусловно выдающемся артисте, инструмент вышеозначенного требует абсолютного к себе отношения. Абсолютного! — он повторил.

Потом судья открыл блокнот, полистал, поцокал языком, и Иннокентий получил свои законные семь лет, которые благополучно отсидел в компании торговцев заперещённым веществом.

Работу в заключении ему как вредителю не дали, и Иннокентий в основном лежал. Он здорово поправился и крепко подумал. Домой вернулся Иннокентий-реалист.

Он сразу же стал торговать наркотиками, чтобы открыть со временем вино-водочный магазин с низкими ценами. Вспомнил о семье, купил домой мороженое и торт. Купил матери новые очки. У Иннокентия появились деньги.

Когда за ним пришли, гражданин Хренов пробовал договориться, но над ним посмеялись, сказали: «Пиши нам оттуда, старик».

За семь лет многое может измениться.

Автор: Евгений Халецкий

В лесу

Стояла замшелая избушка, с покатою крышей и слабо освещенными изнутри маленькими окнами.

Временами, к избушке, осторожничая, подходили лоси, но всякий раз останавливались, будто наткнувшись на невидимый барьер.

Волки кружили неподалеку, задирая лобастые головы кверху, нервно нюхали воздух, покусывали, истоптав весь снег на границе огорода, исчезали, будто духи леса, растворяясь серыми тенями посреди высоких задумчивых сосен.

Днем, из избушки выходил дед не дед, но дядька с посеребренными сединой, волосами и хитро прищурившись, оглядывался вокруг, а обнаружив следы возле границ своих владений, кстати, ничем не огороженных, хохотал насмешливо:

- Что не ндравиться?

Лес отвечал, в обыкновении, тихим шелестом. Правда, изредка сорока, наблюдая за дядькой с безопасного расстояния, с верхушки сосны, принималась оскорбленно трещать и дядька грозил ей кулаком:

- Поговори мне еще!

Изредка, на снегоступах добиралась до пограничной зоны некая фигура и встав, жалобно начинала звать:

- Евсей, а Евсей Николаич!

Скрипела дверь избушки и на крыльцо выходил дядька.

- Слушаю? - строго говорил он, насупившись.

Фигура поспешно излагала суть вопроса.

Подумав, Евсей, как правило, пропускал просящего, но бывали случаи, когда и отсылал прочь, сердито махнув рукой:

- Ишь, чего удумали, - ворчал он, имея в виду просителей в целом, - в святые меня определили. Вроде люди, вроде думать умеют, а будто неразумные сороки поступают, лишь бы потрещать!

Между тем, слава о Евсее-отшельнике неслась вприпрыжку по всему сибирскому краю и уже не остановить было поток страждущих. К избушке Евсея люди протоптали по снегу твердую тропинку.

Наконец, и церковь заинтересовалась отшельником. Архиепископ земли сибирской отрядил нескольких экзорцистов дабы установить, святой ли на самом деле проживает в лесу, молиться ли он богу и почему, на каких основаниях народ ломиться к нему да еще и помощь получает?

Экзорцисты легко добрались до избушки Евсея, но аккуратно перед устеленным снежным покрывалом огородом, по которому

была проложена узенькая дорожка, они наткнулись на невидимую стену.

- Что такое? - ощупывая "твердый" воздух, спросил у братьев, старший экзорцист, иеромонах Пафнутий.

- Колдовство, - убежденно проговорил младший, инок Арсений.

- Не иначе этот Евсей с дьяволом знается? - прищурился на избушку, послушник Алексей.

Они покликali. Евсей и вышел на крыльцо. Приложил козырьком руку ко лбу, сквозь сосны уже вовсю пробивались весенние, яркие, солнечные лучи, а разглядев своих просителей, расхохотался, напугав сороку.

- Святые пожаловали!

- Не шути с нами, Евсей! - пригрозил отшельнику иеромонах Пафнутий.

- А то что? - недобро сощурился хозяин. - Избушку мою спалите?

- Откуда он знает?! - растерялся послушник Алексей, ощупывая за пазухой бутылку с керосином.

- Может и спалим, - угрожающе подвинулся вперед Пафнутий, но наткнувшись лбом на невидимую преграду, притопнул в гневе.

- Братя, ни одна дьявольская сила во все времена не могла противостоять псалмам, так начнем же молиться!

И они, широко разевая рты, принялись распевать псалмы, один за другим.

Евсей на это ответил презрительным смехом.

- Глупые монахи, - говорил он стайке маленьких воробьев, допущенных до крыльца избышки, - хотя призывай своими молитвами ангелов Бога, но кого тут ангелам одолевает, демонов нет, а до чертей, кому какое дело?

И он подмигнул естественно притихшим, ведущим себя отнюдь не по-птичьи, воробьям, слушающим Евсея также внимательно, как некоторые боязливые грешники внимают церковным пастырям произносящим с паперти философские проповеди о предсмертном покаянии и посмертных мучениях в геенне огненной.

Между тем, невидимая стена начала двигаться, выжимая возмущенных экзорцистов прочь, из леса.

Едва ли не бегом, будто огромной лопатой, сметены они были к опушке леса, откуда и начинали свой путь к отшельнику.

На кувыркающихся, истерзанных, протестующих монахов с удивлением смотрели люди. Из десятка саней запряженных лошадами вылезли и простые крестьяне, и благородные господа. У всех в глазах стоял немой вопрос, но ни слова не говоря, святые отцы кинулись к своей повозке с мирной лошадкой и кучером. дремлющим под лучами теплого солнышка.

- Погоняй, кому говорят! - замахнулся на кучера, иеромонах Пафну-

тий.

Инок и послушник, без сил, повалились на овечьи шкуры, настеленные в саях и когда оказались в чистом поле, без людского надзора, дали волю слезам.

- Батюшка, ведь едва не погибли от рук проклятого колдуна! - жаловались они, трясаясь в не придуманной лихорадке.

- Ничего, - злобился Пафнутий, - мы еще повоюем!

Поздней весной, едва сошел снег и земля покрылась зеленым пушком первой травы, экзорцисты вернулись.

Обошли избышку с тыла, но опять наткнувшись на невидимую преграду, схватились за боченок со святой водой, что волок на своих плечах послушник Алексей.

- Молитвами святых отец наших, - громко напевал инок Арсений, а Пафнутий щедро разбрызгивал мохнатой кистью святую воду.

- А это вы? - выглянул из-за избышки Евсей. - Не надоело еще?

- Колдун. дьявольское отродье! - плюнул в ярости, но не доплюнул в отшельника, Пафнутий.

Слюна стекла по невидимой стене, экзорцисты проводили ее изумленными взглядами.

- Что ты есть такое? - удивился инок Арсений, отступая.

- С нами Бог! - перекрестился послушник Алексей.

- Оставьте меня, - посоветовал Евсей, пожимая плечами, - я же к вам в монастырь со своей прав-

дой не лезу, отчего же вы лезете в мой дом?!

На что Пафнутий задохнувшись от ярости затопал ногами:

- Ты колдун, а стало быть, зло!

- не знаю, не знаю, - покачал головой Евсей, - если бы зло, пошто люди ко мне за помощью ездят?

- Знаем мы твою помощь, - продолжал бесноваться Пафнутий, - болезнь с одного человека на другого переводишь!

- А хоть бы и так, - ухмыльнулся колдун, - болезнь сама по себе не появляется, посылают ее злобные ведьмы-упырки. Посылают шепотом по ветру, подбрасывают подкладами под двери, втыкают иглами в стены.

- Вот-вот, даже в собственном колдовском мирке разобраться не можете! - встрял тут инок Арсений.

Евсей вздохнул.

- Нешто это наш мирок? - он решительно помотал головой. - Так, последствия неудачного эксперимента демонов-вампиров.

- Ведьмы-упырки? - не поверил иеромонах Пафнутий, вглядываясь в отшельника.

- Именно! - закивал Евсей. - Еще ни одно столетие настоящие колдуны будут бороться с упырями и много времени уйдет, прежде чем до окружающих дойдет, кто по настоящему виноват в дурной славе, которую приписывают всем колдунам и ведьмам без разбору!

- Ишь ты, святые! - недобро хмыкнул Пафну-

тий, продолжая осыпать невидимую стену каплями воды из бочонка.

- И святой, - хохотнул отшельник, - через столетие, ваши же братья, монахи, запишут меня в святцы, как блаженного, станут поминать в каждой церковной службе.

- Бреешь! - попятился Пафнутий, не сводя потрясенного взора с колдуна, но отчего-то внутренне понимая всю справедливость слов Евсея.

- Помилуйте, - смеялся отшельник, - скольких недостойных людей вы уже причислили к лику святых? Руки по локоть в крови, убийцы многих и многих живых человеков, а вы преклоняетесь перед короной и торжественно объявляете народу, дескать, тот или иной цать, царица теперь свят-пересвят, ан нет, душегубец в аду сидит!

- Замолчи! - осипшим с испугу голосом, потребовал Пафнутий и повернувшись, пошел прочь.

За ним последовали его ученики, инок Арсений и послушник Алексей.

Отшельник с грустью глядел им вслед. Вспорхнувшим на его плечи воробьям, он сказал:

- Глупые какие, сколько им придется еще умереть и родиться, сколько придется жизнью прожить в этом тяжком мире, прежде чем они поумнеют и поймут истину.

Воробьи согласно молчали, наблюдая безо всякого выражения за удаляющейся троицей святых отцов, но ожили, когда Евсей вернулся в избушку,

где его дожидались очередные просители: парализованный старик и его жена, добрая старушка.

- Так уж ты постарайся, Евсей Николаич, - выкладывая на стол тщательно завернутые в чистое полотно дары, попросила старушка.

Евсей не удержался, понюхал шаньги и пироги с капустой. С удовольствием взглянул на кувшин свежего козьего молока, круглую головку сыра, попробовал творога.

- Балует меня? - весело глянул он на старушку.

- Ах, Евсеюшка, все бы отдала, лишь бы старик мой встал на ноги, - заплакала старушка, роняя светлые слезы на темные, исореженные тяжелой крестьянской работой, руки.

- Плохо без хозяина, понимаю, - кивнул Евсей и без лишних слов велел воробьям, так и сидевшим у него на плечах, - а ну-ка, снесите ведьме-упырке ее наговор, пускай теперь сама мучается!

И воробьи исполняя приказание тотчас налетели на парализованного, недвижимого старика, распластавшегося на широкой лавке.

Старик с ужасом в глазах глядел на хлопотливую стаю, живым ковром покрывшую его тело.

Колдун раскрыл настежь двери избушки.

- Летите! - приказал он своим помощникам и проводив воробьев взглядом, повернулся к старику, до сих пор неподвижно лежавшему на скамейке. - Вставай!

Старушка охнула, когда ее старик сел, свесил ноги и с трудом поднялся, покачиваясь от усилия.

- Святой, истинно святой, - грохнулась на колени старушка, стараясь облобызать руку отшельника.

- Глупости, - отвел руку Евсей, - иди-ка лучше, сыновьям крикни, чтобы отцу помогли до повозки добрести, слаб он еще!

Шло время, слава про Евсея-отшельника росла и множилась. Обрастая новыми и новыми подробностями летела по земле сибирской, не давала покоя экзорцистам-православникам.

Будучи на смертном одре, иеромонах Пафнутий продиктовал слабым голосом послушнику Алексею, что Евсей - не свят вовсе, но колдун с дьявольской мощью. Записи эти строго сохранялись в архиепископской библиотеке, но после революции растащенные на сигарки фомами неверующими, исчезли, обратившись в пепел, а через несколько десятилетий, когда рухнула власть атеизма и церковники вновь принялись возводить свои храмы, сбылось предсказание колдуна, его записали в святцы и лишь немногие старожилы покачивали в сомнении головами слушая, как на церковных службах монахи поминают блаженного старца Евсея, говорили, мол, колдун это был и все тут...

**Автор: Элеонора
Кременская**

Феминистка

Светлана Вострикова считала себя весьма успешной бизнес-леди. Обладая дорогой иномаркой красного цвета, она свысока поглядывала на прохожих и, насмешничая над женщинами, с трудом перетаскивающими сумки, набитые продуктами, презрительно цедила сквозь зубы:

- Кошёлки!

Она не влюблялась и не позволяла романтикам и идеалистам, которыми, как ни странно, еще полон этот мир, приблизиться к себе. Напротив, циников, людей бессовестных и развратных, она рассматривала, холодно оценивая все то, что может получить от потенциального любовника. Впрочем, скупердяев гнала прочь, отдавая предпочтение щедрым натурам.

- Мужик нужен для здоровья, - говорила она подругам, расположившись за круглым столиком в дорогом городском кафе, сплошь успешным, одиноким, чрезвычайно предприимчивым дамам.

- Найти бы постоянного, - мечтала она, - и, чтобы на один час. Сделал дело, гуляй смело!

Подруги кивали, полностью с ней согласные.

- Но так трудно, - пожаловалась она, - отыскать родственную душу.

Любой норовит влезть в мою жизнь с чемоданом вещей и собственных принципов!

- Нет, каковы субъекты, - возмущалась она, прихлебывая из элитной чашки кофе глясе, - я сразу объявляю, замуж не собираюсь, мужчины мне необходимы только для встреч, а они соглашаются, но рассчитывают на брак!

В свободное от работы время, Светлана, предварительно убедившись в абсолютной исполнительности своих подчиненных, как правило, молодых сотрудников хорошо разбирающихся в специфике компьютерной техники, а у Востриковой был собственный магазин, торгующий техническими новинками, отправлялась на курсы женской самообороны.

Боевые крики занимающихся женщин, сплошь феминисток, подстегивали бизнес-леди к серьезному пересмотру такой проблемы, как мужчины.

Этому способствовали и разговоры после занятий, которые вели феминистки в общей душевой.

- Что ни мужик, то больной, - бasila одна из самых ярых противниц мужского пола, - каждый заразен!

- Заразен? - поинтересовалась Светлана, лениво поворачиваясь под теплыми струями воды из лейки душа.

- Распространяют венерические болезни! - громыхнула феминистка и громко фыркнула, напоминая рассерженную лошадь. - И попробуй потом вылечиться, легче сдохнуть!

И она, окатив яростным взглядом Вострикову, отвернулась к стенке, тщательно вспенила гель, размазывая мыльную пену по своему мощному телу.

- Все мужики - сво! - строго заявила другая феминистка. - Ребенка заделают и сбегут, сделав вид, что это не их проблема!

- Ну, да! - вмешалась третья, в прошлом, явно домашняя девушка.

Положив очки на полку, она нервно хмыкнула, включаясь в разговор.

- А еще заставляют противозачаточными таблетками женщин травиться!

Тема беременности оказалась болезненной. Женщины зашумели, перечисляя всю непорядочность бывших мужей, сожителей, когда-то любимых.

Светлана слушала, жадно внимая отнюдь не кошелкам, но людям другого сорта, ненавистникам мужского населения стра-

ны.

Добравшись до дома, Светлана обнаружила возле входной двери квартиры одного из бывших ухажеров.

Он протянул ей букет алых роз и бархатную коробочку с обручальным кольцом.

- Выходи за меня замуж? – робко спросил он, вглядываясь в ее лицо.

- К чему мне это? – вопросом на вопрос, ответила она.

И проигнорировав обеспокоенного ее агрессивным поведением, мужчину, захлопнула перед его носом двери.

- Можно заменить мужика роботом! – твердила на следующий день одна из бизнес-леди, подруга Востриковой.

- Верно, у мужиков есть механические куклы, с которыми они сексом занимаются, все соц-сети пестрят фотками счастливых самцов, купивших себе послушных «жен», чем мы хуже?! – горячо поддержала мысль другая подруга.

- Где приобрести такую куклу? – деловито осведомилась Вострикова.

- Андроида, – уточнила первая подруга.

- Допустим, так где? – загорелась Светлана.

- В Японии! Можно даже заказать лицо любимого актера, вот тебе кто нравится?

Подруги взглянули на Вострикову. Она задумалась, пожала плечами:

- Все равно! А как по деньгам?

- Не дороже ино-марки! – заверила ее под-

руга.

Что и говорить, феминистки были потрясены информацией об искусственных мужиках.

- Я бы своего заставила посуду мыть, белье стирать, пищу готовить, – пробасила мощная женщина.

- А я заставила бы работать круглосуточно, ведь роботы не устают, – мечтательно произнесла домашняя девушка, – представляете, сколько денег он стал бы зарабатывать?

- Не надо будет самой вкалывать, – кивнула мощная женщина.

- Такие мужики будут способствовать продлению жизни или вовсе отмене смерти, – зашумели женщины.

- Не забывайте, – остановила их Светлана, – люди – алчные существа, так что заострите свое внимание лишь на сексуальных особенностях роботов и не иначе!

С тем и расстались.

На следующий день Светлана Вострикова купила билет на самолет до Токио.

В известной японской фирме, она приобрела мужчину своей мечты и в огромном чемодане, с кипой сопроводительных документов привезла робота в Россию.

Распаковав чемодан, она еще раз изучила инструкции на нескольких языках мира, в том числе и на русском. Главное, робот требовал каждодневной подзарядки.

- Словно сотовый телефон, – пробормотала

она, подтаскивая чемодан к розетке и подсоединяя провода.

Зарядившись, андроид ожил. Светлана управляла им с помощью пульта.

- Не сложнее пылесоса, – вела она робота на кухню мыть посуду, в ванную стирать белье, апогеем деятельности послушного механического мужчины была влажная уборка квартиры.

Вечером, Светлана убедилась и в сексуальности своей куклы.

- Прямо, мечта, – глядя, как робот самостоятельно подключается к розетке и застывает истуканом заряжаться на всю ночь, потянулась она в постели.

Засыпая, Светлана нисколько не пожалела о своей покупке, пожалуй, все живые мужчины мира не смогли бы переубедить ее в обратном.

Робот подзаряжаясь, бесстрастно стоял у стены, бесстрастно глядя прямо перед собой, без мыслей, без цели, без души, абсолютно послушный своей хозяйке, рассчитанный на долгие годы службы. Высокий, стройный, с европеоидными чертами лица, короткой модной прической и темными волосами.

Надоел бы он когда-нибудь Светлане, вряд ли, здесь, надобно, чтобы на ее месте оказалась живая душа, желающая прикосновения теплых рук любящего мужчины...

Автор: Элеонора Кременская

Разные вкусы

Иван Павлович Куропатков очень любил поесть, но мало того, любил вкусно поесть. Жена у него, Екатерина Леонидовна готовила прекрасно, избаловала мужа своего совершенно. Иван Павлович лакомился потрясающими блюдами, кушал пирожки с грибами, пил вкусные морсы и компоты.

Наевшись, Иван Павлович едва добредал до дивана, где валился обессиленный едой, погружаясь в блаженный сон.

Однако волей судьбы спокойная жизнь Куропатковых была нарушена срочной телеграммой сигнализирующей о болезни матери Ивана Павловича, женщины настолько преклонных лет, что, как говорится, остается только шляпу снять.

Старшая Куропаткова проживала в соседней Украине, под присмотром младшего сына, Василия и его жены, Натальи.

Странно, но Иван Павлович не смог вспомнить, когда он сидел за одним столом с братом, а главное, его женой. Польстившись на внушительное наследство в виде просторной хаты, плодово-ягодного сада и сколько-то гряд земли, Василий с Натальей поспешили захватить материнскую вотчину, тем более два сына с дочерью расплодились и груз в виде пяти внуков дошкольного возраста заставлял дедушку с бабушкой крутиться.

Иван Павлович с Екатериной Леонидовной такими успехами похвастаться не могли, у них был всего-

навсего один сын, да и тот одинокий, но богатый, живущий и работающий в крупной фирме города Лондона.

Рассматривая заграничные снимки, Иван Павлович вздыхал, наблюдая деловые очки на худом крючковатом носу пятидесятилетнего сына даже не помышлявшего о создании семьи.

Посоветовавшись, Куропатковы пришли к выводу, что Екатерине Леонидовне ехать на Украину незачем, к тому же толстого, ленивого, домашнего кота не на кого было оставить.

Поехал Иван Павлович. Подъезжая на такси к хутору, знакомому с детства, Иван Павлович к удивлению своему не чувствовал никакого волнения. Списав отсутствие человеческих эмоций на свой солидный возраст, в семьдесят лет, он подошел к дому, выкрашенному в яркий сиреневый цвет и, поднявшись на крыльцо, вежливо постучал.

- Возможно, скоро умрет, - наблюдая за Натальей, ловко разливающей борщ по тарелкам, произнес Василий, задумчиво, - а хоронить нам с женой будет трудно, сам понимаешь, какие затраты!

И он многозначительно посмотрел на брата.

- Но ведь не умерла же еще, - покосился в сторону застеленной цветным покрывалом, высокой кровати матери, хорошо видной в проем раскрытой двери комнаты, Иван Павлович.

- Не факт, что не умрет завтра, - не согласился Василий, нарезаая чеснок по

долькам.

- А в какой она больнице? - размешивая сметану в борще, спросил Иван Павлович.

- В городской, - кратко ответил Василий и, откупорив бутылку, предложил, - самогончику?

- Не откажусь, - подвинул брату стопку, Иван Павлович.

Впрочем, самогон пригодился, проглотив первую ложку борща, Иван Павлович выпучил глаза на Наталью. Привыкнув к вкусным обедам, он никак не ожидал столкнуться с плохо приготовленным супом. С трудом доев, выпив для того, чтобы отбить отвратительный терпкий привкус несколько стопок самогона, Иван Павлович попытался отказаться от второго, но Василий настоял:

- Обижает, брат, Наталья старалась, готовила!

Иван Павлович удивленно приподнял брови, вспоминая свою жену, если его Катенька старалась приготовить праздничный обед, повара ведущих ресторанов могли отдыхать.

На второе Наталья подала жареную курицу и картофельное пюре. Василий подвинул брату салатники с разными лечо и салатиками.

- Попробуй! - сделал он широкий жест рукой.

Иван Павлович послушно пробовал, с трудом сохраняя на лице благодушное выражение и вежливо улыбаясь. Боже мой, как можно так отвратительно готовить, думал он, с ужасом наблюдая за опьяневшим

братом, с удовольствием, поглощающим пищу приготовленную его женой. И переводил взгляд на довольную жизнью Наталью.

- Вот поедим и поедем в больницу, мать проводить, - проговорила она, опрокидывая стопку самогона.

- Выпьем и поедем, - согласился Василий, налегая на трясущийся студень.

- Мать-то у нас большая ругательница! - подмигнула Наталья. - Готовить мне не давала!

И обиженно шмыгнула, вытирая нос тыльной стороной ладони.

- Орала, что я ее отравить хочу!

Иван Павлович кивнул, лучезарно улыбнулся, но внутренне сжался, мать, действительно обладала крутым характером, была, как говорится, скоро на расправу, но в силу возраста, наверное, не смогла сопротивляться обстоятельствам свалившимся на нее, как снег на голову, между тем, Наталья продолжала:

- Банки с едой за окно палаты выбрасывает!

- Это, какие же банки? - осторожно спросил Иван Павлович.

- А, что я ей приношу! - шмыгнула, Наталья. - Каждый день, между прочим, приношу, чтобы кушала, а она, за окно!

- Старая она, безмозглая уже, - попытался сгладить ситуацию, Василий.

- Да, старая... - разревелась Наталья.

В больницу Иван Павлович поехал сам, Василий с Натальей наклюкались и уснули в комнате матери, повалившись на ее кровать.

- Пробовал ты ее стряпню? - сердито насупилась старуха, после крепких объятий со старшим сыном.

- Пробовал, - вздохнул Иван Павлович, разглядывая девяностолетнюю мать, худую, в чем душа держится.

- Легче сдохнуть, - решила мать.

- В больнице совсем не кормят?

- Ну, почему же, - возразила мать, - пшенная каша на завтрак, пустой суп на обед, пшенная каша на ужин.

- Мамочка, - подвинул принесенный килограмм яблок, Иван Павлович, - не расстраивайся, я попытаюсь тебе что-нибудь купить!

И он рысью отправился в магазин, где набрал творожков и йогуртов, все, что любят старики.

Мать встретила его покупки с удовольствием.

- Ведь им что надо, - облизывая ложку, произнесла мать, отдуваясь от съеденного, - на дом глаз положили. Я понимаю, дети беспутые, нарожали мне правнуков, а сами все в одной трехкомнатной квартире родителей ютятся. Простор нужен для правнуков!

- Так, пусть их, - робко предложил Иван Павлович, откупоривая для матери очередную упаковку творожка.

- Старая я, - взглянула ему в глаза, мать, - мне покой нужен. Уехать бы куда, а дом, пушай забирают!

- Поехали к нам!

- Ты серьезно? - обрадовалась мать.

После подписания всех документов, Василий с Натальей проводили Ивана Павловича с матерью на вокзал.

- Стол бы прощальный накрыть, - жалела Наталья, - но вы так торопитесь покинуть нас!

- Учись готовить! -

сердито оборвала ее мать.

- Она прекрасно готовит! - вступился за жену, Василий.

- Недаром ты только с рюмкой и можешь ее поганую стряпню есть! - рассердилась мать.

- Полно вам, - вмешался Иван Павлович, миролюбиво улыбаясь, - просто у вас разные вкусы!

Поезд унес их от родственников. И встреченные Екатериной Леонидовной, они спокойно доехали на такси до дома, где мать, переступив порог квартиры, подозрительно принялась к восхитительным запахам праздничного обеда, приготовленного для нее снохой.

- Вроде вкусно пахнет? - с сомнением покачала она головой.

- Мамочка, - засуетился Иван Павлович, - как мы живем, ведь ни разу ты не пробовала кушанья приготовленные моей Катенькой.

- Пока на ногах была, сама готовила, - согласно закивала старуха и, переодевшись в мягкий домашний халат, переобувшись в пушистые домашние тапочки, прошла за стол.

А проглотив первую ложку жаркого, выдохнула:

- Какое счастье, когда есть еще одна сноха!

Екатерина Леонидовна покраснела от смущения.

Мать поселилась в двухкомнатной квартире Куропатковых и прожила еще десять лет до своего абсолютного юбилея. Виной ее долгожительства были покой и вкусная еда, а еще неторопливые прогулки в лесистом парке, что очень любили ее сын и сноха...

Автор: Элеонора Кременская

Миллениум

Часть первая. Пираты

16

Городскую площадь слегка отремонтировали: наспех уложили наземное покрытие, вместо каменной трибуны возвели подобие из дерева и постарались украсить поярче. Теперь президентская трибуна оказалась прямо над монументом, а не в его середине.

Инаугурацию назначили на одиннадцать утра, но уже к десяти площадь заполнили люди. Правительство не скупилось на оркестр и угощения, жителям раздали цветные флажки. В парке за монументом солдаты в праздничной белой форме уже приготовились к параду. Небольшой отряд вооруженных миротворцев окружил трибуну и монумент, при них ружья с холостыми патронами для церемонии. Другие миротворцы рассредоточены по площади, и их винтовки точно заряжены. Люди, не смотря на них, танцуют.

Народ только похоронил старых героев, но уже готов встречать новых.

Как только наручные часы Кристины показали половину десятого, зажегся свет, и в подвал спустилась охрана. Пленников в наручниках по одному вывели наружу и перевезли в Дворец правительства. После плотного завтрака они наконец смогли увидеться.

Друг за другом их привели в небольшую комнату без окон. Пока охрана не заперла двери, все молчали, выглядя так, будто и вовсе не знакомы.

— Хей-хей, ребята, — наконец говорит Кристина. — Прекрасно выглядите!

Они сидят в кругу с пристегнутыми к стульям руками и разглядывают друг друга. У Мэтта большая красная ссадина на левой скуле. Нос и глаза Чарли превратились в один большой фиолетовый синяк с кровоподтеками на верхней губе. На темнокожем Базуке синяков не видно, зато заметна опухшая щека.

— Тебе, похоже, досталось меньше всех, — замечает Чарли. Он больше не сопит, но сильно говорит в нос, от чего его реплики звучат еще смешнее.

— О-о, боюсь, что мой живот и спина превратились в огромное синячище. Готова поспорить, ваши ранения спишут на сопротивление при задержании. А мне они не стали разбивать лицо, это плохо скажется на репутации нового президента.

— Ты улыбаешься так, будто нас вызвали к школьному директору, — отвечает Мэтт.

— Учитывая, что жить мне осталось не более суток, можно и повеселиться, — девушка пожимает плечами. — Мне-то мутация не грозит.

— Чем ты так отличилась? — спрашивает Чарли, но все молчат. — Базука, дружище, может, хоть ты напоследок поделишься их семейным секретом с будущим трупом?

— Их секрет, пусть они и делятся.

Чарли усмехается и отворачивается. Да смотреть особо не на что.

— С вами, друзья, невероятно весело. Всегда есть о чем поговорить!

— А тебе бы только повеселиться, — говорит Мэтт и криво улыбается.

— Кристина, у тебя невероятно серьезный брат. Ты знала?

— Знала, третий. Мэттью, сколько его помню, всегда считал, что детектив должен быть серьезным. Непонятно только откуда такое предубеждение — наши родители не были занудами.

— Зато ты только и делала, что пакостила и веселилась, — отвечает Мэтт.

— Только в детстве.

— Не только, — возмущает Базука. — Тебе досталось всего полкапли серьезности из всего вашего семейного запаса.

— Спасибо, Баз, — Мэтт улыбается.

— Всегда пожалуйста.

— Зато с нами, весельчаками, не скучно, — Чарли отправляет Кристины подбадривающую улыбку. Выглядит это, однако, просто кошмарно.

— Согласна, третий.
— Меня, кстати, Чарли зовут. Чарльз Питер Вуд.

— Ага. Я помню, третий.

Мэтт смеется в голос.

— Друг, ты точно странный, — возмущается Чарли. — Я вроде бы сейчас шутки не рассказывал.

— Клеить мою сестру в таких условиях — это очень смешно, — возражает Мэтт.

— И вовсе я ее не клею. Я это для Базуки сказал. Кстати, а как тебя зовут?

— Так и зовут.

— Даже в официальных документах?

Легкий тон Чарли заставляет Базуку улыбнуться, но он все же молчит.

— Кристин, может ты скажешь?

— Его имя, пусть сам и говорит, — усмехается она в ответ.

— Черт побери, да это просто клуб секретов! — наигранно недовольно восклицает Чарли. — Базука, дружище, ну же, колись!

— Ни к чему тебе знать мое имя.

— О'кей! Очень приятно, Ни-к-чему-тебе-знать-мое-имя! А я — Чарльз Питер Вуд, — с гордостью сообщает Чарли, чем заставляет остальных засмеяться.

— Да, третий, с тобой точно не соскучишься.

— А то!

Дверной замок щелкает три раза, и в комнату входит будущий премьер в окружении охраны.

— Освободить задержанного Льюиса и про-

водить в мой кабинет, — говорит он и удаляется.

Пленные удивленно наблюдают, как Мэтта освобождают от стула и выводят. Выходя, он дважды оборачивается. Двери закрываются. Все молчат.

Мэтт смотрит в спину премьеру и прокручивает в голове все доступные его воображению сценарии. Снова вопрос? Попытаются договориться? Если так, то зачем?

Миллхаузер останавливается у двери своего кабинета в конце темного пустого коридора и оборачивается. Остальные ожидают: охрана — спокойно, Мэтт — недоверчиво.

— Вы понимаете, что будет с вами и вашими друзьями после инаугурации, детектив Льюис? — Миллхаузер говорит очень тихо, серьезно, но спокойно. Мэтт кивает в ответ. — Хорошо. Чтобы сделать то, что я собираюсь сделать, мне нужна гарантия, что вы не попытаетесь сбежать. Могу ли я вам довериться?

Мэтт оценивающе смотрит в лицо премьера. Ему не нравится все, что происходит, он прекрасно знает, что политики любят поиграть в игры. А Мэтт не любит, когда с ним играют. И все же, пока не согласишься, не узнаешь, что они задумали. И Мэтт соглашается.

— Хорошо, — с некоторым облегчением говорит Миллхаузер и обращается к охране. — Освободите.

Один из охранников, совсем еще юноша, ловким движением расстегивает наручники, и Мэтт, ожидая

дальнейших событий, потирает запястья.

— То, что здесь происходит, должно остаться в тайне. Для всех, — последнее адресуется в том числе охране, которая кивком соглашается. Миллхаузер переводит взгляд на задержанного. — У вас несколько минут, не больше. Отсюда вы отправитесь на городскую площадь для вынесения приговора. Вы войдете, охрана останется за дверью. Когда время подойдет к концу, они выведут вас. Надеюсь, ваше обещание не попытаться сбежать стоит веры.

Мужчины недолго смотрят друг на друга, и премьер наконец открывает дверь. Мэтт входит, готовясь ко всему. Но человека, которого он видит перед собой, Мэтт увидеть никак не ожидал.

17

Заклоченных снова усаживают в небольшой фургончик, плохо оснащенный для перевозки преступников, и, следом за президентским кортежем, везут из Дворца правительства по пешей улице Дружбы к монументу Единства. Поездка эта занимает не более десяти минут.

Праздник, тем временем, идет полным ходом. Жители, разогретые концертом, уже готовы к главному блюду — церемонии инаугурации, после которой состоится вынесение приговора. Кристин смотрит в окно на радостные лица жителей, и по ее коже пробегают мурашки.

Нет, не по коже. Под ней. Кристин невероятно

страшно.

— Где, черт возьми, Мэтт? — тихо спрашивает она неизвестно у кого. Собратья по заключению молчат.

Фургончик с заключенными останавливается недалеко от монумента, его тут же окружает охрана. Кристин, Чарли и Базука пододвигаются поближе к окну в задней двери, чтобы увидеть церемонию.

Шоу начинается.

Оркестр играет спокойную, но торжественную композицию. Жители затихают, на их лицах сплошной восторг. На президентскую трибуну поднимается Миллхаузер с книгой правил города. Следом за ним — главный судья, в его руках свод законов. Первый встает справа от трибуны, второй — слева. Позади трибуны становятся председатель Совета, генерал Экхарт, боссы Мэтта и Чарли и один из ученых научного центра города. И в этот замкнутый круг под шумные аплодисменты жителей входит Бауэрман.

Оркестр стих, люди смолкли, микрофон включен, камеры транслируют лицо политика на уличные экраны во всем городе. Большое лицо, алчный взгляд, хитрая, но широкая улыбка. А в глазах жителей по-прежнему восторг. Бауэрман кладет ладони на книги правил и законов и, непрерывно улыбаясь, смотрит вперед. Началось.

— В присутствии жителей города, представителей Совета, Корпуса министров, Коллегии судей, миротворцев, хранителей порядка и ученых даю клятву всем вам. Я клянусь, бу-

дучи президентом, делать все необходимое для развития и процветания города. Я клянусь сохранять безопасность жителей, охранять их права и свободу. Я клянусь быть объективным там, где требуется быть объективным. Я клянусь быть принципиальным и твердым там, где требуется принципиальность и упорство. Я торжественно клянусь делать все от меня зависящее для блага города и его жителей!

Конец присяги. Цветная масса собравшихся громко аплодирует и машет яркими флажками. Каждый из присутствующих на трибуне подолгу жмет руку новому президенту. Миротворцы у трибуны по команде генерала синхронно трижды палят в воздух, и оркестр играет гимн города. Жители поют, но без поддержки лидера получается как-то вяло. А Бауэрман все это время принимает поздравления коллег.

— Черт возьми, да он же просто купается в славе. Вот чем конкретно ему пригодился несуществующий Марлен, взрыв монумента и погибшие мирные — потешить свое тщеславие! — гнусаво восклицает Чарли, неотрывно смотря в окно.

Базука удивленно смотрит на мужчину, и пока Чарли объясняет ему, что же было в тех документах, Кристин отсаживается. В ней уже зародилась смутная надежда, что Мэтт каким-то чудом останется в городе. Но, вместе с тем, и неотступный страх оказаться за пределами Миллениума вырос многократно. Да и что если Мэтт уже мертв?..

— Эй, — Чарли садится напротив, и Кристин поднимает глаза. — Не стану говорить, что будет хорошо, но...

Не найдя нужных слов, мужчина усмехается и берет девушку за руки. Кристин некоторое время смотрит на его большие ладони и красные следы от наручников на его запястьях.

— Спасибо, — наконец говорит она, улыбаясь.

Чарли кивает и поворачивается к Базуке.

— Эй, друг, — говорит он тихо, — если все пойдет по нашему плану, то у нас уже не будет возможности поблагодарить тебя и попрощаться. Поэтому...

Он протягивает руки, и мужчины из-за мешающих наручников неловко обмениваются рукопожатиями.

— Рад был познакомиться, Базука, — серьезно, но очень по-доброму говорит Чарли. — Постарайся сделать все, что сможешь. Чувствую я, с этим президентом ничего хорошего город не ждет.

Темнокожий мужчина кивает головой и поворачивается к Кристин. Девушка пытается обнять друга, но удается только прижаться.

— Ты простишь меня? — тихо спрашивает она.

— Куда я денусь?

Кристин поднимает глаза.

— Спасибо тебе. За все, что ты для меня сделал.

А тем временем президент Бауэрман поднимает руку, делая жителям знак замолчать. Оркестр перестает играть, конец гимна

недопетым подвисает в воздухе.

— Дорогие мои, — говорит президент, пытаясь подражать своему предшественнику. — Прежде чем продолжить наш праздник, мне бы хотелось поговорить с вами кое о чем очень грустном, но безусловно важном.

Жители молчат. Слышен только ветер, ворочающийся в листве деревьев.

— Совсем недавно мы потеряли близких нам людей: президента Кауфмана, мистера Яски, наших любимых, которые безвинно погибли во время взрыва в день столетия. Это случилось по вине людей, которым безразличны ценности нашего общества. По вине мятежников, которые хотят разрушить то, что многим людям с большим трудом удалось восстановить. И со всей скорбью я хочу заявить, что несколько дней назад в здании правительства была совершена кража жизненно важной для Миллениума информации.

Жители в испуге охнули.

— Но нам удалось оперативно вернуть все назад и схватить виновных.

Жители снова охнули, на этот раз облегченно.

— В присутствии первого судьи и вас, мы бы хотели вынести приговор мятежникам. Привести.

Приказ президента тут же был принят к исполнению. Двери фургончика распахнулись, и охрана, взяв по одному за локоть, начала выводить задержанных. Сперва Чарли, потом Базука. А следом, откуда-то слева, появился Мэтт. Уви-

дев спину брата, Кристин и обрадовалась и испугалась одновременно: да, Мэтт жив, но это значит, что его изгонят вместе с ней. Но и ей теперь не придется умирать без кого-то близкого рядом.

Вместе с охраной, заключенные поднялись на монумент, где их тут же поставили на колени справа от трибуны. Ни одного мятежника в истории Миллениума не судили на коленах.

Пока толпа возмущенно свистела и кричала, Мэтт повернулся в Базуку.

— Моя жена, Сабина, — быстро и тихо говорит он. — И Алек Миллхаузер.

— Что?

— Им можно доверять. Выпутаешься, доверься им.

— Что происходит? — спрашивает Кристин.

— Сам не знаю, — отвечает ей брат.

Кристин ловит удивленный взгляд Чарли и отворачивается. Опытным взором она осматривает площадь и, заметив кое-что, легонько толкает брата в бок. Тот оборачивается, Кристин показывает ему лазейку в толпе.

— Мы можем сбежать, — серьезно говорит девушка.

— Нет.

— Но почему?!

— Просто... доверься.

Бауэрман считает, что толпа достаточно возмущалась, и вновь поднимает руку. Жители реагируют беспрекословно.

— Перед вами люди, которые посчитали, что наше общество недостаточно

хорошо, чтобы беречь его. Которые считают, что разрушение лучше созидания. Которые не уважают ни труд своих предков, ни труд других жителей. И, с невероятной грустью, я должен признаться вам, что эти люди прежде защищали порядок в городе. Что с ними случилось? Мы не знаем. Но отныне отбор в миротворцы и детективы будет еще более тщательным, чем прежде. Нас ждет ряд реформаций в отношении безопасности, но об этом позже. А теперь, — президент протягивает руку в сторону, и судья подает черную папку с документами, — приговор.

Заключенные переглядываются. Момент, который, казалось, наступит не скоро, наступил.

— Один из задержанных был втянут в мятежную деятельность не по своей воле. И, по итогам расследования, мы убеждены, что он не владеет никакой важной информацией, и потому будет наказан менее строго. Заключенный Босворт.

Охранник, стоящий за спиной Базуки, поднимает его и подводит к президенту.

— Итак, Стефан Босворт, вы приговариваетесь к исправительному труду на животноводческой ферме и лишаетесь прав горожанина на свободу слова и действия до тех пор, пока суд не посчитает, что вы можете вновь стать членом нашего общества.

— И Базуку тоже по своему изгнали, — тихо заключает Чарли. — Так его зовут Стефан, мило.

Мэтт шикает на дру-

га.

— Увести, — приказывает президент.

Охранник Базуки отводит его назад, оставшихся заключенных подводят к президенту.

— Кристин Льюис, Меттью Льюис Второй и Чарльз Питер Вуд, — говорит президент, будто прикидывая каждое имя на вес. — Миротворец, детектив и спецгент.

Жители неодобрительно кричат. Бауэрман несколько секунд смотрит на заключенных и возвращается к микрофону.

— За предательство жителей города, нарушение присяги и законов нашего общества вы уволены со своих постов. Так же вы лишаетесь прав гражданина на свободу слова и действия и будете изгнаны из города на пять лет. Если по истечению данного срока суд посчитает вас готовыми вернуться в Миллениум, вы будете восстановлены в гражданских правах.

Стандартная издевка правительства. Разумеется с момента первого изгнания еще никто не пришел обжаловать решение суда.

— Бывший детектив Льюис, бывший миротворец Льюис, — говорит президент в микрофон. — Ваши родители служили городу всю жизнь и умерли в борьбе за порядок. Им было бы стыдно за вас.

Мэтт быстрым рывком подскакивает к Бауэрману и со всей силы бьет его закованными руками по лицу. Президент ударяется о трибуну и сносит микрофон. Тот истошно свистит от удара об пол, заглушая недовольные крики жите-

лей. Заключенных тут же берут под руки, однако никто из них не двигается.

— Увести, — приказывает Бауэрман, держась за лицо. — И никакой провизии в дорогу, пускай сожрут друг друга.

Этого, разумеется, жители не слышат.

Кто-то поднимает микрофон на трибуну, и президент возвращается к людям. На лице его неизменная улыбка.

— Слався, Миллениум! — заканчивает он, вскидывая руку.

Оркестр принимает-ся играть одну из своих торжественных песенок. Заключенных уводят с трибуны, и Кристин смотрит на Базуку до тех пор, пока их не рассаживают в разные машины.

Больше она никогда его не увидит.

Кристин, Мэтта и Чарли усаживают в другой фургончик и увозят на внешнюю границу Верхнего города, где расположен аэродром. Там их снарядят стандартным набором выживания (кроме еды и воды, если верить Бауэрману) и переправят подальше от города.

Кристин смотрит на Мэтта, который как никогда хмур.

— Ты правильно поступил.

Мэтт переводит взгляд на сестру. Сейчас он похож на невероятно уставшего большого пса, который мечтает лишь о мягкой подстилке.

— Отличный был удар, дружище, — подтверждает Чарли.

Мэтт ухмыляется, и эта маленькая искорка зара-

жает остальных. Небольшой остаток дороги до аэродрома друзья смеются.

Их высаживают в ангаре на три небольших самолета, один из которых уже выгнали на взлетную площадку. Задержанных встречает офицер-миротворец. Кристин вглядывается в его лицо и узнает в нем своего старого наставника. Мэтт тоже узнает его, но никто не подает виду.

В рабочей комнате задержанные по очереди переодеваются в специальную одежду, которую выдают мятежникам. И, как ни странно, одежда эта очень хороша: термокомплект из рубашки, обтягивающих брюк и куртки и высокие ботинки. Кристин долго не хочет расставаться со своей обувью, но присутствующий охранник убеждает ее, что для первого прыжка с парашютом ее поношенные ботинки не годятся.

При них комплектуют багаж — небольшую сумку каждому с ножом, спальным мешком, спичками и куском брезента, который можно использовать в качестве навеса. Еда и вода никому из них не достается. Напоследок каждому надевают тяжелый парашют за спину и электронные наручники, которые заключенные смогут самостоятельно снять, как только окажутся на земле.

— Господа, — обращается к ним офицер. — Вам предстоит прыжок с парашютом, так как мы не можем приземляться на зараженные территории. У вас скованы руки, поэтому за вас все сделает техника. Ваша забота только прыг-

нуть. Лучше сделайте это сами, если не хотите, чтобы мы сбрасывали вас насильно. Прыгаем строго по команде.

Если хотите выжить, за сто пятьдесят метров до земли поворачиваетесь лицом к воздушному потоку. При наличии сильного ветра, ноги при подготовке к приземлению держите вытянутыми вперед, соединенными в коленях и ступнях. Если ветра не будет, что наиболее вероятно, ноги держите чуть согнутыми, стопы параллельно земле. Полностью напрягите ноги, иначе переломаетесь. При столкновении с землей, падайте на бок, не нужно пытаться устоять. Та территория слабо изучена, что-либо предугадать трудно. Так что в экстренных случаях, выпутывайтесь самостоятельно. Есть вопросы?

— Как это работает? — спрашивает Чарли, кивая себе за спину.

— Как только вы прыгните, сработает вытяжной трос и раскроет стабилизирующий парашют. Через несколько секунд сработает страховочный прибор, и раскроется основной парашют. Дальше ваша задача не переломать себе ноги при приземлении.

— Звучит оптимистично, — замечает Кристин.

Офицер молча смотрит на заключенных несколько секунд.

— Если вопросов больше нет, следуйте за мной.

Кристин, Мэтта и Чарли усаживают в самолет и, преодолев взлетную полосу, поднимают в воздух. Сперва Кристин кажется,

что она в невесомости, и это захватывает дух, но уже через несколько секунд она вновь чувствует скамью под собой. Уши заложило, но они ей сейчас ни к чему — Кристин смотрит в иллюминатор, и вид земли с такой высоты ее завораживает. Покрытое трещинами заброшенное зелено-серое полотно пролегает на многие мили вперед. Привлекает и пугает одновременно.

— Погода почти ясная, — сообщает офицер, перекивая шум самолета. — Безоблачно, землю видно. Повезло, в некотором смысле.

— Вы перешли работать на аэродром. Почему? — спрашивает Кристин.

Офицер, опираясь рукой о стену, наклоняется у свободного иллюминатора.

— Еще в школе, на уроках старейшей истории, нам рассказывали о пиратах. Эти люди бороздили просторы морей и нападали на другие корабли ради наживы. И хотя мне не кажется их дело достойным, было в них что-то романтическое. Путешествовать, побеждать новые земли, бороться за то, что считают своим...

Офицер продолжает смотреть в иллюминатор.

— Раз уж мне не суждено оказаться за пределами города, я хотя бы могу увидеть то, что вокруг него, с воздуха. Как пират, который видит новые берега лишь издалека, но не может к ним пристать. Так что, в некотором смысле, я вам даже завидую.

Кристин улыбается краешком губ.

— Сейчас будет кое-то интересное, — добавляет

офицер. — Не пропустите, старший лейтенант Льюис.

Самолет меняет курс, Кристин оборачивается к иллюминатору и от изумления хватается первое, что попадается — руку Чарли.

— Смотри, — восхищенно говорит она.

Слева, обрамленный в коричневую рамку берега, показывается мутно-зеленый водоем, конец которого теряется где-то в горизонте.

— Море? — спрашивает Мэтт, неотрывно смотря в иллюминатор.

— Океан, — отвечает офицер. — Жаль, мы не застали его таким, каким он был до войны. Голубым, чистым. А сейчас это мертвые воды, особенно в штиль.

Кристин все равно, каким океан был прежде. Потому что его бескрайнее великолепие очаровывает ее на всю жизнь.

— Может ради этого и стоило ввязаться во всю эту передрыгу? — спрашивает она. Чарли не отвечает, и лишь крепче сжимает ее ладонь.

Еще несколько минут самолет летит вдоль берега и сворачивает, но Кристин до последнего смотрит на тихие зеленые воды, пока земля не занимает свое место в иллюминаторе.

— Заключенные, на позиции, — командует офицер.

Мэтт, Чарли и Кристин выстраиваются в шеренгу, охранники аэродрома к каждому пристегивают трос. Когда самолет снижается, сбоку открывается люк, и внутри становится

очень шумно.

— Не забудьте про ноги, — кричит офицер. — Детектив Льюис.

Мэтт первым подходит ближе к офицеру и люку.

— Это ключ от наручников, — сообщает тот и надевает на шею заключенного веревку-жгут с электронной круглой подвеской. — Достаточно поднести к рукам, и вы свободны.

Мэтт кивает и бросает короткий взгляд на сестру и друга.

— Пора, — кричит офицер. — Пошел. Пошел!

Мэтт без раздумий прыгает. Стоит ему оказаться в воздухе, раскрывается первый парашют, а через несколько секунд — второй.

— Некогда смотреть, быстрее, — вновь кричит офицер. Он быстро надевает на следующего мужчину ключ.

— Увидимся внизу! — кричит Чарли с улыбкой и прыгает.

Наступает очередь Кристин, от чего у девушки сводит живот. Офицер что-то засовывает в ее сумку, что та заметно тяжелеет, но Кристин не замечает, что — настолько ей страшно.

— Постарайся продержаться, пират, — кричит офицер, надевает ей на шею ключ и выталкивает наружу.

И Кристин летит вниз.

Первым делом у нее схватывает дыхание, но, легким рывком открывается первый парашют, а за ним второй, и Кристин снова может дышать. А земля под ногами, хоть и не так стре-

мительно, но приближается. И Кристин кричит — как от страха, так и от удовольствия.

Мэтт и Чарли уже приземлились, их серые парашют видны справа на некотором расстоянии друг от друга. Но Кристин не знает, насколько удачно им это удалось, а для нее еще все впереди. Решив, что пора готовиться к приземлению, девушка разворачивается немного вправо и поджимает ноги. Напрягает их настолько, насколько это возможно. Земля уже совсем близко, и Кристин — как ребенок, которому и любопытно, и страшно — зажмуривается. Досчитывает до сорока трех и наконец врежется ногами во что-то твердое и перекатывается через голову.

Выругавшись не стесняясь, Кристин открывает глаза и смотрит на серую пелену, которая накрыла ее полностью. Ощупав себя как получилось и убедившись, что все чертовски болит, но работает, девушка рывками выползает из под парашюта. И, увидев над собой небо, громко облегченно смеется несколько минут.

Впереди маячат две знакомые фигуры, и, завидев их, Кристин поднимается на ноги.

— Эй, я здесь! — громко кричит она, размахивая скованными руками.

Пока фигуры приближаются, девушка пытается понять, как избавиться от раскрывшихся парашютов.

— Ты цела? — издаleка кричит Мэтт.

— Более чем, — отвечает Кристин. — Сними-

те эту чертову штуку с меня.

— Закрой рот и нос рукой!

Кристин плевать, слишком много новых ощущений, чтобы заботиться о здоровье.

— Мне все равно немного осталось!

Через пару минут вся троица в сборе.

— Иди сюда, освобожу, — говорит Чарли. Скованными руками он держит нож, который достал из сумки. — Лямки толстые, придется потерпеть.

Пока он срезает остатки парашюта за спиной девушки, Кристин громко смеется.

— Согласитесь, это было страшно, но круто!

— Круто, круто, — отвечает Мэтт. — Твой ключ от наручников срабатывает?

— Ключ? — удивленно спрашивает Кристин. — Наручники отключаются автоматически через десять минут после прыжка.

Чарли останавливается и удивленно смотрит на Мэтта.

— Тогда что за хрень висит у нас на шеях, дружище?

Не успевает кто-либо ответить, как наручники звучно пищат и падают на землю с рук всей троицы. Кристин, сбрасывает с себя парашют, отбирает нож у Чарли и, сняв с шеи жгут, вскрывает круглую подвеску. Внутри нее чип с маленькой красной мигающей лампочкой.

— Что это? — спрашивает Чарли.

— Это, друг мой, датчик слежения, — отвечает девушка.

Кристин осматривает землю и, найдя камень поувесистей, разбивает чип в дребезги. Остальные поступают так же.

— Кому и зачем по-

надобилось следить за нами здесь? — спрашивает Кристин.

Мэтт снова хмур. Чарли молча осматривается.

А вокруг них лишь безмолвные земли..

Автор: Диана Вольз

Лемониси межмирья

Книга третья

III

Аквамарины

Глава седьмая

Дроу по имени Лилиум

10 месяц 513 год с м.п. (апрель 2012 года н.э) ...

Межмирье. Лилиум

Знаете, что из себя представляет работа ведьмака? Девяносто процентов времени, вы просто ходите и собираете ингредиенты для зелий, магические камни для усилителя магической силы. Травы, части тел животных, кровь... вот с кровью мне сегодня повезло. Хотя, рваная рана на руке довольно сильно болела.

- Ты до сих пор будешь отрицать, что ты не эльф? — Насмешливо говорил вампир. Где же носит Мангуса?

- Повторяю, я не эльф! Я дроу! — Произнесла я, сжимая кровоточащую рану на левой руке. Катар давил на разорванные ткани. Как это ни прискорбно, но сила ведьмака в его зельях и амулетах, а не заклинаниях, как у мага. В данный момент мои запасы

зелий были на Мангусе, а я отпустила свою виверну поохотиться, пока я собираю ингредиенты. Этот рай-он межмирья всегда был тихим и кроме зверей, здесь никого никогда не было. Но мне повезло встретить вампира. К сожалению, это был солдат. Скорее всего, гвардеец. Поэтому ведьмаки не брезгали использованием холодного оружия. Я предпочитала длинные катары.

— Уши острые, худощавое тельце, да и навыки никудышные. Ты эльф!

- Ты никогда не слышал о дроу, вампирчик? — Насмешливо спросила я. Хотя, смеяться тут могли только с меня. Получить такую рану в рукопашном бою.

- Каких еще дроу? — Так же насмешливо спросил вампир. Вместо ответа прозвучал пронзающий вой виверны. Мангус вернулся. Вампир в страхе смотрел за мою спину.

- Мангус, не смей! — Крикнула я за спину. Если виверна выплюнет кислотой, я останусь без добычи.

- Запомни, вампир, я дроу по имени Лилиум, — произнесла я, снося ему голову. Он так и не смог пошевелиться от страха.

* * *

Четырнадцать флаконов крови, два глаза, сердце вампира. Еще печень, почки и желудок. Самые ценные ингредиенты. Это настоящее сокровище! А вот «достоинство» у этого мужа не велико. То-то, я удивилась, что он не кричал о том, что изнасилует меня. Странное дело, мужчины, когда видят, что противник женщина, кричат именно это. Такое ощущение, что у них с этим проблемы.

Ведьматство — самое кровожадное волшебство. Самые сильные и разрушительные зелья требуют очень редких ингредиентов. В том числе и орган живых существ.

Кстати, я не ведьма, я ведьмак. Да, пусть это звучит грубо, по-мужски, но слово «ведьма» как-то оскорбительно. Ведьмы пласивы, стервозны, я же нет. Даже сейчас, когда рука ныла болью, я не ныла. Только сделала перевязку с исцеляющим зельем и все.

Загрузив все богатство на виверну, а это было действительно богатство, я собралась лететь с этого острова. Только Мангус что-то учуял. Он иногда вел себя как простая собачонка. Правда, раз в двадцать больше и вместо шерсти,

чешуя. Мангус стал приносиваться и, повернув голову в одну сторону, стал махать хвостом. Слово «вилять» тут не уместно, так как огромным куском мяса не повиляешь. Ну, действительно как собачонка. За это я его и люблю.

- Стой тут! – Приказала я Мангусу. Виверна зверь огромный и бегать за ним по острову – дело не из приятных. Во – первых, он сносит все на своем пути, а во-вторых... во-вторых уже и не надо.

Мангус остался сидеть у обрыва, я же направилась в указанном им направлении, выставив вперед клинок. Атакующий амулет я сжимала в левой, раненой руке. В глубине небольшой чащи я заметила слабое свечение. Охранное заклятье?

На всякий случай, я достала еще один амулет. Он создан так, что реагирует на любое защитное заклинание, нейтрализуя его. Увы, при этом он сам уничтожается, но как одноразовое средство – сгодиться.

Приблизившись, я увидела человека в светящемся коконе. Точнее, это были тонкие магические трубки, по которым струился огонь. Довольно сложное заклинание магии огня. Оно запирает мага внутри некоего кокона и замедляет его время. То есть, этот маг мог пролежать тут уже не один месяц или даже год.

Он лежал в нем без сознания и весь израненный. Раны были похожи на ожоги. Наверное, так и было. Проблема заключалась в том, что если просто разру-

шить кокон, то время, как бы, совершит прыжок. Если он пролежал в коконе всего пару дней, то ничего особого не произойдет, а если дольше, то могут быть самые не предсказуемые последствия. А средств снять кокон без последствий у меня под рукой не было. Придется транспортировать его к дому.

Если бы хоть кто-то сказал мне тогда, чем данная встреча для меня обернется, прошла бы мимо. Но дурная привычка помогать попавшим в беду – взяла верх. Я направилась к Мангусу, готовиться к транспортировке.

Автор: Александр Маяков

Евангелие от Лейлах.

Три звезды

Глава 19 Невыносимая легкость бытия

И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: «Иди и смотри». Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник имеющий меру, и весы в руке своей, И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: «Хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай». Откровение Иоанна Богослова.

***

И снова падение. Сергей не понимал, зачем он карабкается по этой скале, – сил больше не было; выступ, за который он ухватился, оказался предательски хрупким, и он сорвался. Парень не успел осознаться, но отчетливо вспомнил, что это с ним происходило уже тысячу раз, как во сне, так и наяву. Падение... так хотелось расправить крылья и полететь, но все внутри сжалось от страха, и древний могучий инстинкт самосохранения вырвал его из страшного сна.

Нина сидела за сто-

лом, грела ложку. Взглянув на Сергея понимающим взглядом, она, молча, кивнула. Минут пять спустя, жизнь снова стала прекрасна. Вдоволь накувыркавшись в постели, позавтракав, можно было начинать обычные, ничем не примечательные движения в мире думающих животных.

Хмурый пасмурный день пролетел быстрее, чем серия черно-белого фильма со Штирлицем, оставив после себя странное ощущение нереальности происходящего. «Невыносимая легкость бытия», как назвал

Егор Летов один из своих альбомов, была больше похожа на сон, чем то, что довелось пережить Сергею ночью, в объятиях дьяволицы.

Шло время. Неизвестно откуда взявшийся в городе героин, быстро закончился, — еще не пришло его время; но вскоре появились удалые ребята с Украины и маковая соломка. Со стакана хорошей соломки можно было упороться пятерым начинающим, ну или двоим знатокам. Кайф от мака оказался гораздо ярче и сильнее героинового, не говоря уже о приходе, который, правда, не всем так уж нравился. Варить ханку было не многим сложнее чем борщ, да и готовое зелье тоже тогда продавали.

В общем, вернувшись как-то раз в общагу пораньше, и увидев милую домохозяйку, заливающую в кастрюлю растворитель марки 646, Сергей несколько не удивился.

— Главное не переварить, а то масла потянутся, — сказала Нина, накрывая кастрюльку глубокой тарелкой с водой. — Я сначала солому подмачиваю и распариваю с содой, потом растворителем заливаю. Если не доваришь — не беда, — вторяки тоже вещь.

Дух растворителя шибанул в нос, когда Нина переливала содержимое кастрюльки в миску через марлю, а потом ее отжимала. Еще невыносимее стало, когда она его выпаривала, осторожно подливая воду в конце процесса. Затем вариво, ставшее мутным от подлитого в него уксуса, надо было выбрать через ватку

на канюле шприца и выпарить снова.

— Теперь ангидрируем, и почти готово, — сказала адская повариха; она была похожа на ведьму, готовящую свое зелье.

Снова выпаренный, теперь, уже в кружке, раствор она смочила уксусом и пропарила под стеклом минут пять, — больше не хватило терпения; затем опять пару раз выпарила с водичкой, «чтоб вылетел кислый» и, наконец, снова прокипятила, теперь уже с парой таблеток димедрола.

— Димыч грязь отбивает и тягу усиливает, — гордо заявила жрица Гека-ты, выбирая раствор через ватку.

Добрая порция ширева выхлеснула Сергея на этот раз так, что он снова увидел иной мир с закрытыми глазами, будто от кислот. Не последнюю роль сыграл, видимо, сибазон, принятый до этого у Масакры.

Было здорово. Было кайфово изо дня в день, от дозы до дозы, из ночи в ночь. Тем более что ночью они все чаще начали просыпаться для того, чтобы снова принять, теперь уже почти необходимое им лекарство.

Много раз он отключался прямо на стуле, просто исчезая, не помня ничего впоследствии о том, что с ним было в течение нескольких часов. Дырки, прожженные сигаретой в штанах и рубашке стали вполне обычным явлением, — под маком можно запросто «воткнуть» даже стоя или же за рулем. Зачастую было просто невозможно кончить, или сходить в туа-

лет, но это все казалось такой мелочью, по сравнению с получаемым удовольствием.

Все чаще, чтоб сгладить томительные, бесконечные секунды ожидания тишины, Нина глотала колеса. Элениум, фенобарбитал, седуксен, фенозепам, назепам и прочее она грызла, как семечки, в неограниченных количествах. То, что посерьезнее, например нитрозепам, или радедорм, как его тогда называли, штук по пять зараз, предварительно выпив крепкого чая, чтоб меньше клонило в сон. Вообще же всяких зепамов, зепимов, золамов, зепидов, зепатов, и прочего она проглотила столько, что хватило бы усыпить небольшой город. Встречались среди них и вовсе зверские таблетки, такие, например, как этаминал натрия, или азалептин, от которого потом в туалет приходилось добираться, держась за стену. Когда наступал голод, в ход шло все что угодно, любые содержащие кодеин колеса, которые были особенно хороши под пиво и марихуанку, благо дезоморфин из них научились варить несколько позже. Они кололи норакин, паркопан, калипсол и прочую психотропную хрень в ампулах, не говоря уже о мягоньких нежных сибазоне, реланиуме, ради-ке и любой околоопиумной ерунде, вроде трамадола, которую удавалось достать. Глотали таблетки от сон-пакса, амитриптилина, циклодола и астамола, до теофедрина, димедрола, ме-протана, аминазина и даже тарена, который, наряду с калипсолом, попробовав

раз, Сергей больше уже никогда не применял, из-за их совсем уж дебильного действия.

Транквилизаторы, антидепрессанты, снотворные, психотропные, нейролептики... В общем - что греха таить, третий всадник апокалипсиса был изощренней своих братьев. Мало кто из подсевших на дурь избежал этой участи, - голод однажды настигал всех, и заставлял, если не глотать все подряд, то искать деньги любыми возможными способами. Нина даже не пыталась скрывать от Сергея того, что она порой отдается за дозу, или наличные, но, все же, они продолжали встречаться. Моральные принципы в мире наркотиков весьма отлича-

ются от привычных, хотя... жить без боли и угрызений совести гораздо невыносимее-легче.

Так прошел, скорее, промелькнул месяц, за ним другой, но, почти каждый день Сергей думал о Люси. С девушками в реальном мире он знакомился легко и как-то очень уж запросто. Ходил на свидания, встречался, гулял по ночам и обжигался на вечеринках, порой, оставив Нину залипшей, заходил к Лене, которая казалась ему теперь удивительно чистой, наполненной силой жизни, теплом и здоровьем. Немного полноватые, по сравнению с Ниниными формы, по-детски радовали глаза и руки; хотелось утонуть у нее между грудей, навсегда

поселиться в Лениной уютной мягкой постели и послать к черту все эти мутные бестолковые движения.

Но росла Луна, а вместе с ней и жажда, - непреодолимое желание снова нырнуть в кроличью нору, и повстречаться с призрачной возлюбленной демонессой.

Несколько самостоятельных попыток увидеть Люси не увенчались успехом, но он чувствовал и верил, что наступит какое-то особенное полнолуние, и они снова, пусть ненадолго, но встретятся.

Автор: Вадим Доннерветтер

Кто похитил Стива

Часть 9

После смерти Сэма, Касандра стала смыслом жизни Лилиан. Разочаровавшись в Изабель, в Роберте, в чём Лилиан даже самой себе боялась признаться, она целиком и полностью погрузилась в воспитание девочки.

"Касандра меня не разочарует, - думала Лилиан, - я заменю ей маму и отца, я дам ей всё, что она пожелает. Я окружу её любовью и заботой, и она ответит мне тем же"

Касандра действительно росла послушной спокойной девочкой, улыбчивой и любознательной.

Роберт снимал квар-

тиру с очередной женой или подругой, и поведаться с дочкой приходил к Лилиан. Миранда забирала её не часто к своим родителям. Лилиан не позволяла ей водить девочку к себе.

- Нечего ребёнку видеть, в каком пороке живёт её мать, ничему хорошему она не научится у неё, пять раз в неделю меняющей любовников, - заявляла она Роберту, - а не нравится - лишу материнских прав.

Став постарше, Сандра спросила бабушку:

- Скажи, а почему у меня не как у всех, папа живёт отдельно, мама - отдельно и я отдельно?

Лилиан не скоро нашлась, что ей ответить:

- Понимаешь, папа очень занят, он учится и пишет книги, а мама... э...э...

Она ездит по миру и изучает разные новые страны.

Касандру ответ устроил, больше она к этой теме не возвращалась. Девочка с нетерпением ждала, когда начнёт учиться балету. Вскоре Лилиан стала возить её в балетный класс, где тренировали таких же малышей, будущих великих балерин. Взрослым на уроках не разрешали оставаться, чтобы не отвлекать детей.

Прошло несколько месяцев. Приехав однажды за Сандрой, Лилиан нашла

её одетой, стоящей у окна.

- Девочка моя, ты почему не на уроке? Ты здорова? - заволновалась Лили.

- Да, бабуля, всё хорошо, просто мне нравится смотреть на проезжающие автобусы. Я вырасту и стану водителем в таком автобусе.

- Водителем? Касандра, о чём ты говоришь? Ты же занимаешься билетом. Ты будешь балериной, примой...

- Не хочу! - девочка упрямо вздёрнула подбородок, - не хочу быть балериной, хочу водить автобусы!

Ничего не помогло, ни уговоры, ни угрозы, ни обещания поехать летом в Диснейленд. Она лишь упрямо пожимала плечами и твердила:

- Не хочу.

Касандра росла, и менялись её пристрастия. Она хотела быть пожарником, развозчиком пиццы, шеф-поваром, клоуном, мойщиком окон, пиратом и президентом. Только ни врачом, ни балериной быть она не желала. Лилиан смирилась.

Девочка пыталась воплотить свои мечты в жизнь. Она чуть не сожгла дом, пытаясь воспроизвести картину пожара. Научилась водить мотоцикл, едва не сбив соседку преклонных лет, готовить всевозможные диковинные блюда, есть которые было невозможно. Все окна в доме отмыла до воздушной прозрачности, чуть не вывалившись с третьего этажа. Нацепив на один глаз повязку, скакала на швабре, съезжала по перилам, лази-

ла по деревьям, оглушая всю округу дикими криками. Знала наизусть биографии всех умерших и ныне живущих президентов.

В последних классах школы Сандра так и не решила, кем ей стать. Из прошлых увлечений остался лишь мотоцикл, на котором она гоняла со своими школьными друзьями. На вопросы Лилиан отвечала, что она ещё молода, хочет подумать, всё взвесить и прийти к верному решению. Лилиан терпеливо ждала, зная уже, что заставить Сандру сделать что-нибудь против воли просто невозможно.

Совершенно неожиданно для самой себя, читая папины детективные романы, она решила просто из любопытства почитать что-нибудь ещё и сравнить, так ли уж её папа хорош, как об этом пишут в прессе.

В библиотеке она и познакомилась со Стивом. Девушка бродила между полками, разглядывая ничего ей не говорящие корочки книг, когда услышала мужской голос:

- Тебе помочь? Ты ищешь что-то конкретное?

Обернувшись на звук голоса, увидела худого очкарика со стопкой книг в руках. "Похоже, он понимает кое что в литературе", - и, не побоявшись выглядеть душой в его глазах, честно призналась:

- Хочу почитать что-то интересно, только не очень заумное, про любовь...

Он пошарил глазами по полкам и протянул девушке толстую книгу:

- Это Маркес, "Сто лет одиночества". Заумная,

но интересная... Слушай, а не пойти ли нам чего-нибудь перекусить? Я с утра ничего не ел.

В библиотеку они так и не вернулись, и папа остался для дочери самым талантливым писателем всех времён и народов.

Касандра влюбилась. С первого взгляда и навсегда. При своей яркой красоте она пользовалась успехом у мальчиков, но дальше невинных танцулек и пылких поцелуев дело не дошло. Её бойкие подружки, успевшие переспать с половиной школы, всё подначивали её: "Ну, крепость пала?" Сандра отрицательно качала головой: "Я не хочу просто так".

Со Стивом это было не просто так. Он успел получить степень Бакалавра по химии с курсом Премед и учился третий год на общей хирургии. Услыхав, что её избранник будет врачом, да ещё и хирургом, Сандра возликовала: "То-то Лилиан обрадуется".

Касандра всё свободное время проводила у Стива в небольшой квартирке, которую он снимал с однокурсником. Вопросы будущей специальности, выбора профессии поблекли, отступили на второй план. Молодых захватила любовь, увела в свою необыкновенную страну, существующую только для двоих... И вдруг Стив пропал. Пропал именно тогда, когда она должна была сообщить самую радостную, волнующую новость. У них будет бэби...

Автор: Карин Гур

Рожденная воином.

Врага Нурберила

Глава десятая. Возвращение домой.

Ровная, извилистая дорога и запах свежескошенной травы в сочетании с мелким перестуком копыт убаюкивали путников. По левое плечо журлила и искрилась речка Беглянка, ее окончание скрывала массивными стволами дубовая роща. Было раннее утро, когда друзья увидели впереди себя ворота, сооруженные из оструганных бревен высотой в три сажени, скрепленные между собой тугой конопляной веревкой. Они были распахнуты, будто хозяева приглашали к себе всякого, кто устал и нуждается в пище. Это радушное гостеприимство не исчезло, не стерлось под жестоким напором кочевников, хотя так оно, казалось, и должно было произойти.

Въезжая в теплый, жужжащий, как улей, с самых первых лучей солнца Муштар путники разминутись с торговцем, везущим в телеге, покрытой мешковиной, сочные репы на рынок. Старый Веснинг, стацив с макушки шапку, едва не свернул тонкую шею, глаза на странных всадников. Но, как с сожалением заметила Дайнара, ее он не узнал. Иначе и быть не могло, ведь эту хулиганку, воющую у него репы по

осени, давно считали мертвой или, что еще хуже, наложницей у усатого кочевника.

Вновь оправившийся от нанесенных ему ран Муштар встретил своих гостей с огромным интересом. Пыльная дорога, способная уместить в ряд лишь двоих всадников, неуклюже петляла меж домишек, площадка перед входом в деревню была чисто выметена, а у ближайшего из домов распахнулись, словно заспанные веки, резные ставни. Ни следа не осталось в Муштаре, напоминавшего о резне, произошедшей здесь не так давно.

- Хе, а нас уже заметили, - пробормотал растерянно Двалин, заведя спешащую к ним со всех ног малышню.

- Они просто никогда не видели таких пузатых коротышек как ты, - усмехнулась Мин-Айрин, притянув поводья.

- Это я-то пузатый?! – воскликнул гном. – Мастер Хадобарт, вот настоящий пузан! Он годами не вылезает из кузницы, зато когда, наконец, решится – под ним земля содрогается.

Дайнара, смущенно улыбаясь, наблюдала за перепалкой своих друзей и искренне радовалась тому, что теперь хоть как-то сможет их отблагодарить за оказанную помощь. Если б

не их встреча ей вряд ли удалось бы вернуться домой.

- Почтенный Двалин, милая Мин-Айрин, - обратилась к ним Дайнара, стараясь не обращать внимания на прыгающих вокруг детей. – Могу ли я попросить вас остаться в моем доме хотя бы на некоторое время?

- Дайнара, к чему все эти вычурности? Не надо так к нам обращаться, мы же свои, не так ли? – Двалин добродушно подмигнул девушке. – Конечно, мы останемся! Нам ведь теперь некуда спешить.

- Верно, - промурлыкала эльфа.

Поглазеть на необычную троицу выбежало полдеревни. Люди столпились у своих крылец, стояли, оперевшись о заборы, но подойти ближе не решались. Коренастый карлик с бородой и высокая девушка с большими, чуть раскосыми глазами пугали народ, отроду не выдавший ни эльфов, ни гномов, а всадница с внешностью кочевницы Вангол, между прочим, вооруженная, как и двое других, казалась им не менее страшной. Они были настороже.

- Да это же дочь покойного Хардинга! – выкрикнул кто-то из толпы, когда путники спешили.

- Вернулась из про-

клятых степей... вернулась живой, - тут же зашептались вокруг.

Девушка подняла вверх руку и произнесла:

- Да, я вернулась. Я снова здесь, на земле, которая мне очень дорога. Как же я рада видеть всех вас снова, но я страшно устала и хочу отдохнуть с дороги.

Рядом вертелись дети, которые оказались смелее взрослых и дергали ее за обрезанную до колен юбку. Дайнара потрепала по кудрявой голове каждого, крепко обняла малыша Тутко, жившего с большой семьей в пятнадцать ртов неподалеку от ее дома.

- А кого ты привела с собой?! Да еще с оружием! - гневно вопрошал старый ворчун Норл.

- Это мои друзья, они помогли мне бежать от кочевников, - произнесла Дайнара, поднявшись с колен, и вдруг увидела перед собой вначале обтянутый широким поясом с вышивкой живот, а затем и лицо Управителя Варлина. На миг ей стало страшно, что вот теперь-то грозный Варлин устроит взбучку за битву на крыше его жилища. Секунду он хмурился, оглядывая девушку, а потом сгреб ее в охапку со словами:

- Как же мне тебя не хватало, кудрявый сорванец!

Столпившийся вокруг народ взорвался ликованием. Если кто-то еще сомневался, как вести себя с вернувшейся девушкой, то слова Варлина поставили в вопросе жирную точку.

Отдохнуть в этот день не удалось. Вначале

Управитель принимал важных гостей у себя, расспрашивая их поочередно то о далеком Халило-Турна, то о Древнем Эльфийском государстве. Ответы он получал скупые и поэтому быстро перешел к другим интересующим его темам. Обстановка в ближайших землях была не менее важна, а повествования о злоключениях молодой, но отважной муштарки вызвало на его лице бурю эмоций. Еще больше Варлин оживился, когда девушка дошла до того места, где она встретилась с Элиусом и Нарсилом. Все, что касалось его сына, Управитель переспрашивал по несколько раз. О разукрашенной физиономии Нарсила девушка разумно решила умолчать, в чем ее поддерживали и Мин-Айрин с Двалином.

Варлин же рассказывал о том, что произошло в Муштаре после ухода набегчиков. Среди новостей о заново покрытых крышах и недостроенных домах, каких было только два, больше всего Дайнару заинтересовала весть, связанная с приходом Унгобара в деревню. Имя это, несомненно, было ей знакомо, ведь старец Унгобар оставался в ее доме, тогда еще доме Хардинга, на несколько дней. Это именно он подарил ей превосходный меч, скованный из удивительно легкого и прочного металла. В памяти при этом всплыла старая липа, под которой, как сказал Элиус, был зарыт этот меч. Варлин сообщил, что седой ведун пробыл в деревне два дня, дожидаясь девушку, а затем, наскоро оседлав коня, ускакал прочь на северо

-запад. Это известие взволновало муштарку, но предаваться воспоминаниям, а тем более искать дорогое сердцу оружие сердцу было не время.

Прием у Управителя окончился лишь под вечер. Солнце еще не село, но в воздухе сгустились сумерки. По пути назад им встретилось стадо, подгоняемое пастухами ко дворам. Возможно, в нем были и ее козы. Завтра девушка займется своим хозяйством, но только не сегодня. В честь возвращения блудной муштарки, а также в честь необычных гостей в трактире "Бегущий олень" был устроен праздничный ужин и в нем долго гудели любители гулянок и те, кто просто хотел послушать животрепещущие рассказы из уст самой Дайнары.

Едва разлепив веки наутро после долгого празднования, новоявленная героиня Муштара отправилась к старой раскидистой липе, росшей у деревянной изгороди. У крыльца она увидела двух приземистых коз с грязно-белой шерстью, щиплющих еще достаточно мягкую траву, и просияла. Видно, кто-то устыдился и решил вернуть ей ее небольшое хозяйство. Козы были упитанны и пригожи, о них заботились все то время, пока девушка отсутствовала, и, наверное, уже считали своими, но тут появилась хозяйка, да еще с шайкой иноземных заступников. Хорошо это или плохо, но жители Муштара побаивались ее друзей и старались обходить стороной. Один только Варлин да еще дряхлый летописец Сидрин от-

носились к ним с уважением и, конечно, с любопытством. Именно благодаря Управителю, как узнала девушка, ее дом остался нетронут, хотя желающих пожить было предостаточно.

Освободив конец бечевки, привязанной к обтесанному колу, Дайнара отвела коз в пустующий загон, заперла их там и добралась до липы. Солнце совсем недавно показалось из-за серых стволов Вороньего леса, а земля под ногами была влажной как после дождя. Огород уже успел порости жестким пыреем, лебедой и прочей сорной травой, что очень огорчило девушку. Теперь все это ложилось на ее женские плечи, с хозяйством придется управляться одной, и Дайнару совсем не радовал такой расклад вещей.

У самой дальней изгороди, отделявшей владения Хардинга от жиденького перелеска из молодых осин, корявых и несурзных дубов и разросшихся кустарников, возвышалась массивная, в полтора обхвата, липа. На ее толстых, причудливо изогнутых сучьях Дайнара могла сидеть часами, когда ей вдруг надоедали шумные компании, здесь она бывала с Элиусом, взбираясь по шишковатым наростам вверх, но все это было в детстве.

"Элиус сказал – под липой. Но где именно?" – думала девушка, оглядывая землю у корней и примеряясь лопатой. Она искала какой-нибудь знак, оставленный другом. Да только знал ли он, что не сможет сам извлечь этот меч? По-

чему его так скоро отозвали в эту крепость на востоке и что там сейчас происходит? Дайнара хотела оказаться там, чтобы подставить плечо, покинуть это место, еще вчера бывшее таким желанным и родным. Тогда же она вдруг осознала, как закрыты ее соседи от всего мира. Они словно бы заперлись в своем маленьком Муштаре, укрепив его со всех сторон, и замерли в ожидании нападения. Если бы каждый осознал свою силу и встал на защиту, они смогли бы заставить кочевников дрожать от ужаса перед праведным гневом. Дайнара не могла знать, что враги, пришедшие в ту страшную ночь в их деревню, и без того были ошеломлены стойкостью и отвагой народа, живущего здесь.

Ощупав землю вокруг липы, испачкав землей руки, она в отчаянье подняла глаза, думая, что придется окопать липу вокруг, но тут ее взгляд скользнул по вырезанной на стволе стрелке, указывающей вниз. Там, куда была направлена эта стрела, и был закопан меч, принадлежавший когда-то старику Унгобару.

Работая лопатой, Дайнара гадала, зачем он приходил в деревню и дожидался ее, но ответа так и не отыскала. Зато нашла нечто иное под пластом утрамбованной почвы. Нечто, что связывало ее с прошлым, где она была дочерью своего отца и, несмотря ни на что, гордилась этим. Бережно развернув плотную ткань, пропитанную влагой и с налипшими комьями земли, девушка

извлекла на свет старые, стертые по бокам ножны, в которых покоился меч. Воспоминания тут же нахлынули на Дайнару. Конское ржание, стоны раненых и яростные возгласы кочевников, лязг оружия и короткий окрик Хардинга на площади перед распахнутыми воротами – девушка сжала в ладони рукоятку и сцепила челюсти, чтобы не дать воли слезам, а потом зашагала в сторону дома, решив все-таки навестить могилу отца.

Вернувшись во двор, она застала гнома за рубкой дров. Двалин умело подставлял чурбачки и колот их тем самым топором, что был для него незаменим в бою.

- О, Дайнара, ты уже на ногах? – воскликнул он, остановившись, чтобы оттереть пот со лба. – А я вот решил дров наколоть, заодно баньку растопить. Видная у тебя баня, ладно срублена.

- Отец построил. А где Мин-Айрин?

- Эта плутовка хотела отоспаться, но я послал ее в лес, пусть дичи принесет, что ли. А козы твои в загоне? Не припомню их вчера.

- Да, их вернули.

- Ну вот и славно. Значит, будет парное молоко на завтрак.

- На кухне у порога есть вход в погреб, там должно что-нибудь остаться из съестного, - Дайнара подошла к крыльцу и оставила на нем только что найденный меч. – Я хочу... - она вдруг запнулась. – Мне нужно сходить на его могилу

Двалин понял. Он

кивнул головой и, обхватив крепче топорище, произнес:

- Иди, Дайнара, ты все правильно делаешь. Иди.

Он с размаху ударил по чурбану, тот разлетелся на две половинки, а молодая муштарка отправилась на погост. Дорогу к могиле Хардинга ей показала шамкающая старуха, которая жила неподалеку от деревенского кладбища и знала все о тех, кто был там похоронен. Будучи девчонкой Дайнара побаивалась эту одинокую женщину и про себя называла ее ведьмой. Всю дорогу старуха бормотала что-то себе под нос и, словно соглашаясь с чем-то понятным только ей, кивала. Потом она, также прихрамывая на одну ногу и бурча, возвратилась к себе, оставив девушку наедине с ушедшим в Дальние Земли отцом.

Дайнара опустилась на колени перед холмом, на котором уже пробивалась трава. Земляная насыпь да каменная плитка с выбитым на ней именем – это все, что осталось от защитника Хардинга, великого и грозного воина, любящего отца. С раннего детства не было для нее никого роднее этого человека. Дайнара не знала свою мать, сестры ушли слишком скоро, она почти не помнила их, а отец был всегда. Девушка прикусила губу, чтобы сдвинуть крик отчаянья, но это у нее не получилось. Слезы горячим потоком хлынули, она плакала долго, пока, наконец, не поняла, что слез больше нет. В тихом одиночестве сжимая землю руками, девушка постепен-

но успокаивалась. Дайнара никогда не боялась ходить на погост, скорее наоборот, это была одна из ее забав – пугать своих друзей страшилками, но сейчас вдруг показалось, что сама смерть стоит за плечами. Зловеще закаркал ворон, словно оборванный кусок тучи, поднялся в воздух. Ужас распростер крылья, заполняя собой пронизанное сквозь кроны деревьев утренним солнцем кладбище. Дайнара давно знала, что это значит, но никак не могла привыкнуть к очередному появлению своего покровителя.

- Он что-нибудь говорил? Мой отец? Он что-нибудь сказал, когда ты забрал его с собой?

Ее голос дрожал.

- Да, - после долгой паузы послышалось из-за спины.

Девушка мысленно напряглась и обернулась. Закутавшись в черный, как сама тьма, плащ, перед ней стоял повелитель Царства мертвых Анамар. Для многих такое явление могло означать лишь одно – конец жизненного пути, но только не для Дайнары.

- Что? – спросила она.

Тяжело вздохнув, хоть он и не мог сочувствовать ей, Древний опустился на землю.

- Здесь холодно, ты не чувствуешь? – произнес отвлеченно Анамар и накинул на дрожащие плечи Дайнары свой плащ. После его прихода действительно похолодало, но теплая рука, прижимающая ее к себе, грела сильнее, чем огонь. Девушка слышала прерывистое дыхание Валдора, и

от этого на спину высыпали мурашки. Ни шелхнуть, ни вздохнуть в этих смертельных объятьях.

- Моя маленькая девочка, - прошептал древний собеседник. – Твои волосы пахнут грозой. Ты знаешь, как пахнет гроза? – Дайнара, судорожно сглотнув, кивнула. – Нет ничего прекраснее в мире, чем тот миг, когда истосковавшаяся по влаге природа получает свое. Она ликует и поет, воздух становится чище.

- А потом из-за туч появляется солнце, - выдавила из себя девушка. – Что сказал мой отец?

Снова вздох. Казалось бы, Анамар не хотел говорить об этом. Он мог уйти от ответа, но все же предпочел раскрыть тайну бывшего сотника Хардинга. Этой тайне почти семнадцать лет, ни Анамар, ни сам Хардинг за все это время и не пытались поднимать ее из пыльной летописи памяти.

- Ты хочешь знать, что сказал твой отец, когда пришло время уходить? – произнес бог тьмы и, отстранившись от заплаканной девушки, взглянув ей в глаза. – А хочешь ли ты услышать, что он сказал, когда ты появилась на свет?

Дайнара открыла рот, чтобы ответить, но Анамар сделал ей знак замолчать.

- Я расскажу тебе, дитя воина, все то, что так ревностно скрывал от тебя Хардинг, сын Грора. Испытывая судьбу на прочность, он проклял нежеланное дитя и готов был отдать его взамен на отошедшую в Дальние Земли жену. Он жаждал иметь сына, на-

следника для продолжения рода и опору семье, когда его не будет рядом. О, Хардинг, он был немногословен, но в его словах была такая ярость, такой громадный гнев на все живое и, в особенности, на ту кроху, что пришла в мир ценой жизни своей матери. Как думаешь, пожалел бы он когда-нибудь, если б его желанию суждено было сбыться? – Анамар вошел в раж: в его бездонных глазах сверкал огонь, а на губах играла отстраненная улыбка. – Любимая жена потеряла третьего ребенка, не беда, ведь в доме подрастают две чудные дочурки. Вначале горе, ручьи слез, но стал бы жалеть об этом отец? Всего-навсего девочка, не сын. А ведь так бы и случилось, если бы боги вняли мольбам огорченного Хардинга.

- Ты лжешь, - выдавила ошарашенная такой речью Дайнара. В ее голове не укладывалось то, свидетелем чего был Древний.

- С чего бы это?! – Анамар был уязвлен и не желал остановиться. – Я был там, я видел маленькую, розовую кроху в деревянной люльке и убивающего сыплющего проклятиями отца. Я дал тебе имя!

Внутри все бунтовало. Девушка хотела закричать, очнуться, наконец, от этого неправдоподобного видения. Зачем он ей все это говорит? Неужели отец хотел ее смерти? В эту мерзость невозможно поверить. Дайнара набрала воздуха в грудь и обратилась к неизменному Анамару.

- Что значит мое

имя?

- Вспомни наш разговор в том грязном местечке у дороги.

На миг муштарка погрузилась в душную атмосферу "Золотого рога" - вечер, поединок Двалина и громадного сорянина, смерть последнего.

- Несущая свет во тьме... Что это? – пробормотала она, чувствуя, как тело пробирает насквозь жуткая, мелкая дрожь.

- Грядут времена перемен, земля содрогнется, вспомнятся старые обиды, и давно забытые враги заявят о себе, сидя на троне из костей. Война, как огромная волна, захватит все стороны жизни, живое и мертвое. Очень сложно будет не потерять во всепоглощающей бойне слабый огонек надежды. Держи его крепче, Дайнара, это твой свет, - Древний умолк, глаза его уперлись в землю и принялись изучать ползущего по травинке жучка.

- Война в Нусане? – воскликнула девушка в ужасе.

Анамар отрицательно покачал головой.

- Возможно, все еще обойдется. Это только мои предположения, и совет Древних предпочитает их игнорировать, - на его мягком лице вновь засияла улыбка. – Забудь о том, что я тебе говорил. Время, его слишком много, чтобы успеть исполнить свои желания. Моя маленькая нимфа, я не могу больше задерживаться здесь.

Взмахнув плащом, бог тьмы поднялся на ноги и тряхнул густой гривой черных волос. Дайнара за-

стыла на месте, не представляя, как понимать слова покровителя. Он умел говорить загадками, ставя ее в тупик.

- Ах да! – будто что-то вспомнив, воскликнул Анамар. – Хардинг, идя по тропе Даго, говорил только о том, как гордится своей дочерью и как сильно ее любит. Сильнее, чем мог бы любить сына.

Черная пелена окутала Древнего повелителя мертвых и в следующий миг растворилась вместе с ним. На пронизанном солнцем кладбище, где совсем недавно шла беседа, осталась одна Дайнара. Ее покровитель ушел, не оставив после себя и следа, и только примятая трава красноречиво говорила о его пребывании.

Вернувшись домой в смятении чувств, Дайнара недолго думала о разговоре, что случился на погосте. К этому времени Двалин уже затопил баню, она снова задышала жаром, с нетерпением ожидая первого гостя. Эльфа возилась на кухне, и от ее стряпни по комнатам разносились божественные запахи. Первым делом девушка убедилась, что ее меч убран в дом – на крыльце-то его не оказалось, и только затем отправилась в баню прежде всех на правах хозяйки. Позже к ней присоединилась Мин-Айрин, а когда обе распаренные девицы, хохоча, вернулись в небольшой зал, оттирать дорожную пыль и грязь болот поспешил Двалин. Он провозился в бане втрое дольше, а вернулся розовощеким крепышом в одежде

пекаря Норлинга, подогнанной за ночь по его росту, благо добряк не уступал гному в ширине плеч, и кафтан не пришлось заново кроить.

Потом был плотный завтрак, такой желанный после долгих дней в дороге. Двалин не мог нахвалиться на жирное козье молоко и утверждал, что оно много вкуснее муштарского пива. Дайнара поспорила с ним, но только для приличия, девушке было приятно видеть и слышать в своем доме друзей, которые спасли ей жизнь.

Так проходили дни, недели. Жители Муштара со временем свыклись с тем, что среди них живут гном и эльфа. Некоторые, например писчик Сидрин, Управитель Варлин и даже Норлинг, очень сдружились с инорожденными. Двалин частенько наведывался в "Бегущий олень" и каждый раз удивлял народ новой историей или сказкой своего народа. Мужчины были без ума от игривого взгляда Мин-Айрин, а вот женщины наоборот сторонились ее и в разговорах все чаще называли ведьмой. Доброе отношение к гному заставило его чуточку изменить свое мнение о нусанцах, и он с радостью помогал соседям поправить покосившийся забор или починить крышу, если те обращались за помощью.

Двадцать третьего августа вся деревня отмечала семнадцатилетие Дайнары. Варлин устроил щедрые гуляния для молодой героини Муштара. Весь день и всю ночь возбужденный праздничным сто-

лом и гуляньями народ славил Дайнару и желал ей скорее выйти замуж. На все подобные пожелания девушка лишь усмехалась и говорила, что такого не случится никогда. Вспомнив о том, что уроженцы Муштара Рондал, Нарсил и Элиус сейчас в осаждаемой проклятыми орками крепости, люди со скорбью опустили головы, кто-то предложил выпить за скорую победу мантадуйцев, и веселье снова заполнило праздничную поляну. Песни, пляски и гуляния продолжались до середины следующего дня, когда угощения и ягодные настойки вконец иссякли, но и тогда некоторые удалцы умудрялись веселиться, переместившись в трактир. Через два восхода друзья Дайнары засобирались в дорогу.

- Прости, Дайнара, - вздохнув, сказал Двалин. - Но у меня нет сил больше сидеть без дела, руки просят, а в Муштаре для меня нет работы по душе. Не отнимать же, в конце концов, хлеб у Бадра! - гном потряс руками, упоминая кузнеца.

- А если кочевники вернутся? - девушка не хотела отпускать полюбившихся гостей.

- Тогда только свишни. У нас ведь нюх на неприятности, - усмехнулась Мин-Айрин и, улыбнувшись, обняла Дайнару. - Умоляю тебя, не срывайся в Мантаду и лучше дождись вестей. Я искренне надеюсь на твою разумность.

Перед ней снова стояли путники, такие, какими она встретила их в степи: гном - в сверкающей

на солнце кольчуге, одетой поверх курточки из мятой кожи, широкие металлические браслеты на руках - наручи, наколенники, поножи и заточенный топор за объемным кушаком; эльфа - в новой, из муштарской пряжи тунике, свободной, легкомысленно укороченной юбке и новых сапогах, ладно сидящих на ее стройных ножках. Рядом с ними - жующий из кормушки овес конь и низкорослая выючная кобылка с широким крупом, на которую было нагружено все необходимое в дороге.

- Двалин, Мин-Айрин, я благодарна вам за все, что вы для меня сделали, и мне так грустно прощаться с вами, - помимо воли глаза Дайнары влажно заблестели, и она, чтоб отогнать слезу, захлопала ресницами.

- Чем раньше простимся, тем скорее увидимся, - улыбнулась эльфа, дернув плечами. - Так говорят у нас, в Древнем Лесу, и я почему-то хочу поверить мудрой пословице.

- Мы намереемся добраться в ваш прославленный Асин, поедем по главному тракту. Всё будет быстрее. Ну а ты не грусти, - Двалин по-отечески обнял девушку и похлопал ее по спине. Вмиг оказавшись на коне, вдвоем, как и по приходу в Муштар, они погнались за массивными воротами по уходящей вдаль на северо-запад серой ленте дороги. Оказавшись уже за пределами деревни, Двалин приподнялся в седле и, подняв вверх кулак, издал яростный клич жителей подземелий "Харуз!", чтобы прогнать прочь ненастные

мысли.

Дайнара стояла и смотрела, как удаляется сплетенная из всадников и коней фигура. В ее сердце было смятение, словно происходил в нем суровый спор, от исхода которого зависело направление жизненной тропы. Самые преданные друзья, проверенные кровью, покинули ее. Разве могла она назвать кого-то родным в этой деревне? Да, были люди, которые несмотря ни на что дороги девушке, но смогут ли они когда-нибудь понять ее стремление к свободе?

Отца больше нет. Отца, который отрекался от Дайнары еще в день ее рождения. Гном и эльфа направились в белокаменную столицу Нусана, кто знает, сведет ли их еще судьба вместе или они стояли друг перед другом в последний раз. Был еще Элиус, друг детства, добрый малый, но он в восточной крепости и вряд ли скоро вернется в Муштар. Отец много говорил ей об Асине, о своих друзьях и соратниках, оставшихся в городе после того, как он сам покинул его. Каков же он, этот благословенный Асин, каким его величают горластые купцы на рынке?

Черная точка на Западном тракте вскоре стала еще меньше, а затем и вовсе исчезла из виду. Дайнара до боли сжала кулаки, коротко остриженные ногти впились в кожу. Не пахнуть же в поле от зари до заката! Дорога зовет, манит как блуждающий огонек – затерявшегося путника. Тому, кто хоть раз стоял на краю смерти, никогда не забыться в душном уделе.

Дайнара поспешила к дому. Наскоро собрав пожитки и опоясавшись ножами, она забежала в загон. Козы приветливо заблеяли, когда девушка, подгоняя хворостиной, повела их к соседям. С Белянкой и Ларной Дайнара расставалась скрипя сердцем и просила хозяйку Наруну лишь об одном, чтобы коз не забили на мясо. Добротную, срубленную хату она отдала в управление Варлину, взяв с него обещание, что в любой момент, если такой представится, он должен дать ей кров. На все его расспросы о том, куда собирается храбрая дочь Хардинга и с чего это вдруг, она отмалчивалась. Дайнара и сама не знала, к чему такая спешка, но что-то внутри толкало ее вперед.

Расправившись с делами, связанными с хозяйством, девушка вошла в конюшню, рассчитанную на пять лошадей. Хардинг стал заниматься коневодством, когда ей было девять, но затем все отняли кочевники Вангол. Они увели коней в обширные степи, и тот забросил это дело. Теперь там жил только Дух. Почуввав знакомый запах, вороной жеребец затоптался на месте. Звонким ржанием приветствовал он муштарку, ставшую ему не только хозяйкой, но и другом.

- Ну что, Дух, истосковался по воле? – мягкой была шерсть под ее ладонью. Девушка отодвинула задвижку, которая удерживала ее любимца в маленьком пространстве стойла, покрытого свежей соломой. - Вот и мне тяжело дышится, словно не человек я вовсе, а

заарканенная лошадь.

Влажные ноздри коснулись ее оголенного плеча, Дух игриво уткнулся в него мордой.

- Ведь ты же знаешь, о чем я говорю, мой верный конь, - Дайнара улыбнулась, ощутив родственность двух душ: ее и коня цвета ночи. – Давай догоним их, давай вырвемся из этих тисков раз и навсегда!

Она ликовала, и Дух вместе с нею выражал, как мог, свой восторг. Он будто понимал каждое слово, произнесенное Дайнарой, он разделял ее чувства и отгонял прочь сомнения. Дух словно был отражением своей хозяйки, и, оказавшись за дверью конюшни, он сам рвался в путь. На приготовление ушло немало времени, и вскоре девушка верхом на жеребце стояла перед воротами Муштара, в который не так давно стремилась всем сердцем. Собравшийся на площади народ, а слух о ее отъезде распространился со скоростью стрелы, желал ей доброго пути и скорого возвращения, а когда Дайнара покинула деревню, все возвратились по своим делам, как делали это всегда, из века в век. Муштарцы, привязанные к своим уделам, дорожили каждым мигом, каждой крохой земли, что давала им добрый урожай. Только засуха или набег извечных врагов могли сорвать их с насиженных теплых мест и заставить обороняться, а уж делали они это не жалея себя.

Автор: Хиль Де Брук

Паразиты

Одним из множества одинаковых вечеров я включила свой компьютер. Но загрузка не происходила. Вместо правильной загрузки экран стал синим. Вот черт. "Синий экран смерти" — так подумала я. Какая-то системная ошибка. Я посмотрела на текст. Но вместо сообщения об ошибке компьютер выдал следующее:

МАЙЯ. ХОРОШО ЧТО МЫ ДОСТИГЛИ ПОНИМАНИЯ И ТЫ БОЛЬШЕ НЕ МЕШАЕШЬ НАМ. ТВОЙ САМОЛЕТ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ УЖЕ ПАДАЕТ НА СКАЛЫ И ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТЬ. ВЫРАЖАЯСЬ ТВОИМИ АНАЛОГИЯМИ ХА ХА. НО МЫ РЕШИЛИ ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ ЧЕМ ПРОСТО НЕ МЕШАТЬ. ТЫ БУДЕШЬ НАМ ПОМОГАТЬ. МЫ ЗАПУСТИЛИ ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ ПО ВНЕДРЕНИЮ НАШЕГО ВЫСШЕГО РАЗУМА В ВАШИ ОБОЛОЧКИ. МЫ ТЕБЯ ХОРОШО ИЗУЧИЛИ И РЕШИЛИ ЧТО ТВОЯ ОБОЛОЧКА ПРЕКРАСНО ПОДХОДИТ ДЛЯ ДАННОЙ ЦЕЛИ. ПОЗДРАВЛЯЕМ МАЙЯ ТЫ БУДЕШЬ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ХОМО САПИЕНСОВ УДОСТОИВШИХСЯ ТАКОЙ ЧЕСТИ. МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ. ПРИХОДИ К ДОКОРУ ОН УЖЕ С НАМИ.

БЕЗ УВАЖЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЗУМ
ВЫСШИХ СУЩЕСТВ

Сказать, что я пришла в бешенство — это ничего не сказать. И доктор, все-таки он инопланетянин, Президент был прав в своих догадках. Вот сволочи. Всю ночь я не могла уснуть, а утром к самому началу рабочего дня поехала в больницу. Конечно, следовало сообщить в полицию или в ФСБ, но я же помнила, чем это закончилось в прошлый раз. В этот будет то же самое. Придется действовать самой. Я не знала, что я сделаю с этим ложным доктором. Придушу его собственными руками, и плевать, что мне за это будет. В конце концов, что значит любое земное наказание в сравнении с той угрозой, которая нависла над человечеством? Или вспорю ему горло. Да, пожалуй, это будет лучше. Придушить его сложно, так как он физически сильнее. А нож можно воткнуть неожиданно. Я вооружилась складным перочинным ножиком, сунув его в носок под джинсами. Не бог весть что, но лучше ничего не придумать. На проходной я сказала, что пришла навестить больного, назвав одну из знакомых фамилий. Не помню как, в каком-то аффекте, я добегала до кабинета доктора Приготского. Ворвалась без стука. Доктор был уже на месте, он поднял на меня расширенные глаза. Свои стеклянные, бесчувственные, нечеловеческие глаза, которые он прятал под лин-

зами очков, и вцепился ими прямо в душу. Я тяжело дышала, горло сдавило удавкой гнева.

— Вы...ВЫ!!!.. Да как вы могли! Это все вы!!!

— Майя, спокойно! — заговорил доктор, вставая и выставляя вперед себя ладони. — Держите себя в руках. Просто объясните, что случилось. Уверен, что все можно решить диалогом.

— Что?! Диалогом?! И у вас хватает наглости! Так вот я объясню! Почему бы вам не убраться туда, откуда вы взялись, на свою планету?! Почему бы не оставить землян в покое?! Как вам такой диалог, так называемый доктор?!

Я метнулась к доктору, перескочив через стол, схватила его за лацканы пиджака и трясла со всей дури, продолжая кричать, уже даже не помню, что именно. Доктор попытался схватить меня за руки, но ярость придала мне неожиданно много сил и я продолжала колотить и трясти его. Одной рукой доктор потянулся к телефонному аппарату на столе и что-то там нажал. Пока он это делал, одна его рука выбыла из драки, и я умудрилась достать из носка ножик и выкинуть лезвие. Теперь я тянулась ножом к горлу доктора-инопланетянина. В кабинет ворвались двое санитаров оттащили меня от доктора, отобрав нож.

— Безумцы, что вы

делаете! Вы не понимаете, что это не человек! Он инопланетянин! Они захватят Землю! Они поработят нас! Человечество в опасности! Вы должны быть на моей стороне! Одумайтесь же...

Но санитары ничего не понимали и не хотели слушать. Подросла медсестра и сделала мне укол.

Очнулась я в своей старой палате. Не знаю, сколько времени я была в отключке, но судя по тому, как затекли мышцы, очень долго. Я тут же принялась

дописывать свою историю, лежа в больничной койке, осознавая, что скорее всего это мои последние строки. Скорее всего, завтра меня уже не будет. Мне вколют что-нибудь сильнодействующее, обезволят мое Я и подсадят в мою оболочку паразита. Иными словами, меня казнят. Казнят мою личность, и назад дороги нет. Кажется, я ничего не могу сделать. Но на самом деле, я кое-что могу. Я могу передать эстафету борьбы вам, мои незримые друзья и

соратники. Я спешу дописать эти строки, после чего отправлю их в сеть. У меня почти нет читателей, но я надеюсь, что кто-нибудь успеет прочесть этот текст до того, как инопланетяне его удалят. Если вы это читаете, то знайте, теперь ваша очередь действовать во имя спасения человечества. Я же желаю вам удачи. Прощайте.

Автор: Волкова Елена

Лави-кейк

Когда рисуешь, чувствуешь неимоверную близость с объектом, появляющимся на бумаге. Для меня это в некотором роде интимный процесс, когда подолгу возишься с его губами или ушами. Я закончила глубокой ночью, захотелось есть, я позволила себе выпить кружку кефира и удовлетворенная проделанной работой отправилась в постель. Этой ночью меня не мучили чувство вины или нестерпимое желание, я так выложились за сегодня, что как только моя голова коснулась подушки, я впала в глубокий здоровый сон.

Все последующие дни на работе я провела в гордом одиночестве. Чарли занял свою любимую позицию – замолчать. Роза подавала мне заказы, я делала и отправляла некоторые из них Кейт на декорирование. К вечеру позвонил Дэвид. Я честно хотела подойти к телефону, но пока мыла ру-

ки вызов прекратился. Чарли недовольно поглядывал, как я спешу ответить на звонок. Следующий дозвон Гэан сделал через пятнадцать минут после предыдущего, на этот раз телефон лежал рядом со мной и я, наконец, ответила:

— Да? Дейв! Привет, рада слышать тебя!

— О, привет! Даже не надеялся, что ты подойдешь. У тебя все нормально? Можешь говорить?

— Могу, говори, — я улыбнулась и наклонила голову так, что увидела Чарли. Он, не отрываясь от шприца с шоколадом не моргая, смотрел, как я кокетничаю.

— Слушай, я тут подумал, почему бы тебе не зайти ко мне как будет свободная минутка?

— Только минутка? — я надула губы. Дело в том, что я правда соскучилась по Дейву, с ним я чувствовала себя такой малень-

кой и неопытной, что дух захватывало.

— Ахах, разумеется, нет! Мы с ребятами закончили работу над очередной песней и решили дружно взять отгулы! Не хочешь посмотреть, где мы трудимся?

— О, Дейв, я с радостью, ты же знаешь!

— Вот и я так подумал! Ты свобода в субботу?

Мне нравилось, что он не напирал, а был очень обходителен, продумывая и выясняя каждую мелочь.

— Да. Я могу зайти в субботу! Адрес я знаю! Извини, я тут немного занята, работаю, сам понимаешь... Во сколько?

— Начнем днем, а там посмотрим. Приходи в любое время, я буду в студии с самого утра! С меня зрелище, с тебя хлеб!

— Ммм, зрелище! Интригуешь, Дэвид!

— Да, это я умею... В смысле интриги, ну и че-

го скромничать .. и зрелищ, конечно! Не буду тебя больше задерживать, целую тебя!!

— И я тебя.., — мне показалось, что у Чарли чуть глаза на лоб не вылезли от этой фразы, и я добавила, — ...целую!

В голове заиграла музыка из «You Have» Марка Алмонда. Почему Дэвид меня так окрыляет? Он такой милый, смешной, совершенно нестрашный, как я думала раньше.

Мне не хотелось ничего готовить к субботе и, уходя домой, я попросту купила в «Англез» кофейные маффины с кусочками белого и темного шоколада и пахлаву. Завтра надо будет купить все-таки что-нибудь выпить, что-нибудь слабоградусное.

С утра как и у любой женщины передо мной возник стандартный вопрос — что надеть? Хм, середина дня — что-нибудь легкое и светлое; будет Дэвид, будет алкоголь — что-нибудь не слишком откровенное. Для такого случая, в моем шкафу висела неплохая вещица, а именно мой выбор пал на то самое светлое кружевное платье, предназначавшееся для Мартина в тот роковой вечер. Пускай теперь кусает локти! Перед выходом я набок заколола волосы и еще раз осмотрела себя в зеркале. «Так, еще раз, будет алкоголь! — я застегнула платье на еще одну пуговичку». По дороге в студию я прихватила небольшую бутылочку карамельного Бейлиса. «Спаиваю я мужика».

Так интересно рассуждать на тему страхов. Страхи — такая странная

вещь! Многие из них такими и не являются, так как с годами уходят, либо приходят. Особенно странным я считаю, когда некогда гордость за что-то перерастает в боязнь. Так, к примеру, в детстве я гордилась, что не боюсь, высоты и скорости, любой аттракцион в парке развлечения был изучен мною вдоль и поперек! Потом в школе, я обожала ужастики. Кровище, мясо, многочисленные казни и случайные смерти не особо трогали меня за живое, я совершенно спокойно могла смотреть Animal Planet и их передачу про медицинскую помощь животным, где вечно показывали крупным планом операции. Тогда я даже подумывала пойти на доктора. Сейчас же я как истинная леди в лучшем случае завизжу при виде чего-то вышеперечисленного, но осадок остается на некоторое время все равно. Конечно, некоторые страхи следует преодолевать поступками. В школе я была скажем так, не очень худенькой девочкой и самое страшное, что могло случиться, так это показать более 40 процентов своего тела окружающим! А также меня вечно ставили в тупик ситуации, где приходилось без лишней помощи общаться с незнакомыми людьми, будь то продавцы, сапожники или почтальоны. Два этих страха я успешно поборол в университете. Но, наверное, самое ужасное это когда нечем побороть свой страх! Разбирая свою сегодняшнюю жизнь, я нередко задаю себе вопрос — а что дальше? Что будет после того как я исчерпаю свои желания здесь

в Санта-Барбаре? Куда прыгать выше? Я не знаю, захочу ли я когда-нибудь вернуться в Россию, особенно когда семья Чарли все уладила с моим разрешением на работу. Мне страшно, что моя жизнь станет абсолютно пустой, когда Депеш Мод отойдут на второй план. Мои раздумья прервались, как только я оказалась перед входом в студию. Я постучала, и Дэвид быстро открыл мне дверь. Он был в шортах до колена и черной майке, его волосы были уложены как на концерте, а щетина давала понять, что вот уже несколько недель он занимается тяжелой работой!

Дэвид по-хозяйски проводил меня в главную комнату и уселся на черный кожаный диван, раскинув руки на его спинку. За ним находилась застекленная комната звукозаписи. Комната, в которой я оказалась, была мне знакома из частых видео, повествующих как ребята работали над альбомами «Playing The Angel» и «Sounds of the Universe». Тут отдельно стояли четыре синтезатора, еще три были ниже остальных и может за ненадобностью были убраны в угол. Три кожаных дивана стояли без особой симметрии, на одном из них вальяжно расположился фронтмен группы. Возле одной стены — большие столы, нагроможденные разной мелкой аналоговой аппаратурой, а также компьютерами и ноутбуками, еще пара ноутбуков лежала на журнальных столиках возле диванов. Посередине комнаты стояла большая белая доска, на которой разными

маркерами и разными почерками были написаны рифмы, а то и целые строчки к будущим хитам. Также по бокам размещались смешные надписи, вроде: «Мистер Гор – зануда!» и рядом нарисованный кудрявый человечек с унылой улыбкой. Далее уже другим маркером, вероятно Мартин отвечает «Просто это слишком умно для тебя!» рисует явного брюнета с поднятыми как у Дейва волосами в старческих очках с толстой оправой и раскосыми глазами! Странно, что в комнате я заметила лишь одну единственную акустическую гитару, скромно наклоненную к белому пианино. Если честно, то был полный бардак и не уютно, лично мне. Кругом лишь микрофоны, техника там, техника здесь, еще этот декор! Студия выполнена в кирпичном тоне с серыми большущими кирпичными вставками, от чего здесь становилось немного не по себе. Я присела на краешек дивана к Дейву. Он было хотел зачем то подвинуться и в итоге вышло забавно – он сжал колени и втянулся. Немного усмехнувшись, я придвинулась поближе к нему и увидела, как он чего-то от меня ждет. В его глазах я увидела маленького мальчика, заморожено ждущего от дяди клоуна фокус. Я стрельнула глазами влево, потом вправо, убрала волосы на бок и спросила, тут же рассмеявшись:

— Что?

— Ничего, — осторожно ответил Дейв и тоже рассмеялся. — Так-с... Что у тебя нового?

— У меня..? Да ничего, пожалуй, точнее ска-

зать, я приехала всего три месяца назад, для меня вся эта жизнь – новая! Дейв, расскажи лучше ты о себе, я очень хочу узнать какой ты не в рамках интервью!

— Ксюш, это сложно... Спрашивай, я отвечу на любой твой вопрос. Но не думаю, что я окажусь таким, каким я тебе представлялся, носящимся по сцене с микрофонной стойкой!

— Да нет же! Мне как раз и интересно узнать тебя с новой для меня стороны! Думаю, что ты идеальный, — я вдохновлено протянула последнее слово и ненадолго закрыла глаза.

— Хаха, нам просто следовало бы видаться чаще и ты сама кому угодно сможешь рассказать, какой я есть! – Дэвид живо пробежал глазами по моей сумке. – А ты принесла то, о чем мы договаривались?

— ... хлеба как ты выразился? Да, — я похлопала рукой по сумке, — но мне кто-то обещал зрелище!

— Я голодный, — Дейв выпрямился и жалобно погладил живот, а потом рассмеялся, показав мне свои внушающие клыки, от которых я просто млею, — давай после! – он встал и наклонился к моему уху, медленно проговорив, — я покажу тебе то, что тебе очень понравится!

— Обещаешь? – я резко повернулась к нему, чуть не коснувшись его носа, сощурила глаза и уже одной рукой нырнула в сумку. – Кстати, ты не будешь против, если мы чуть-чуть разнообразим наше скромное чаепитие, — я достала бутылку Бейлис.

Дейв наклонил голову, чтобы внимательнее посмотреть:

— О, дамское поило! Ахаха, наливай!! Сейчас сбегая за бокалами!

Мне стало интересно увидеть другие комнаты, так что я пошла напрямик за Дэвидом. Кухонный уголок располагался в игровой комнате, ну или комнате отдыха, если будет так угодно. Тут стоял внушительный стол для игры в настольный футбол, у окна колонки, доска, где был написан счет, навесные шкафчики, пара столов и три холодильника – один большой и два маленьких. И, наконец-то, я поняла почему эта комната кажется мне приятной – тут два огромных окна и светлые кожаные диваны! Пока Дейв промывал бокалы, я тихонечко заглянула в еще одну комнату. По дизайну она была точь-в-точь как первая, но чище! Здесь репетируют Деш Мод! Тут в ряд стояли гитары, микрофонные стойки, два синтезатора, барабаны и черный рояль, накрытый черной тканью. Потолок был очень высоким и уходил вверх какой-то призмой. Я хотела вернуться к Дейву, но как только стала разворачиваться, он уже стоял перед моим носом, высоко подняв бокалы вверх.

— Бом! – Дейв слегка стукнул бокалами друг о дружку и стал заглядывать в комнату, хмурясь, будто первый раз тут оказался. – Мы где будем сидеть?

— Ой, а давай вон там, откуда ты бокалы принес...

Что ни говори, а диваны у Деш Мод были

удобные. Я нежно потерла руки о сидение.

— Мартин давно подсадил меня на кожу! У меня даже дома вся мягкая мебель сплошь кожаная, хаха! — он разлил ликер и протянул бокал мне. — За тебя!

Я мило улыбнулась и сделала глоток.

— Мм, у меня еще кое-что есть! — я сорвалась с места и побежала в первую комнату.

— Не может быть! — Дейв выбежал за мной.

Внезапно я открыла для себя еще одну маленькую комнату, и нет, это был не туалет! Комната была обита деревянными панелями, чередующимися то светлое дерево, то традиционно темное. Здесь мило, всего один стол с ноутбуком и по другую сторону — привычная возвышающееся стена из всяких установок. Осознав, что ошиблась дверью, я попятилась, где меня сцапал Дэвид. Он придерживал одной рукой бокал, облокотившись на стену, а другой держал меня за талию:

— Заблудилась? Вам помочь? — улыбался он.

Мне даже показалось, что он уже слегка опьянел! С двух глотков, вот дает! Я хотела вырваться от него, чтобы пойти куда шла, но он не отпускал меня, и я почувствовала, что он мягко вталкивал меня в комнату.

— Мне к сумочке надо..., — я извивалась и смеялась.

— Нааа-доо? Да что ты говоришь! — Дейв высоко поднял брови и со всей охотой надул губки.

Мне даже стало не

по себе! Он такой смешной! Вот я и узнаю сегодня, каков этот страстный мужчина. Я вырвалась из его объятий. Было непривычно зайти в полутемную кирпичную комнату, мои глаза невольно расширились. Дейв что-то напевал и подливал Бейлис. «Кто там, что говорил про дамское поило?». Я достала из своей сумки сладости и протянула их Дейву:

— Вот! Закусывай, а то как я погляжу тебе много не требуется!

— Ахаха! Вау, вкусные сладости! Как ты узнала, что я это люблю? Класс! Давай присядем тут, — он одной рукой завалил меня на диван.

Мой мужчина реально был пьян, он долго облизывал губы, а потом предložил:

— Хочешь... наш... новый альбом?

— Спрашиваешь!?!? — я тут же отложила кекс и готова была кинуться к его ногам. — Прямо весь альбом? Я думала, вы только начали...

— Мы начали.. но демки то готовы!

Дейв с трудом поднялся с дивана и стал копаться в дисках, включая ноутбук.

— Сейчас... Вот эту например...

Я приготовилась услышать что-то невероятное, а главное я услышу это первой, так.. романтично, если честно! Дэвид резко перебил сам себя:

— Неее, Мартин убьет меня, если кто-нибудь услышит без его разрешения... Тогда может.. нет, она еще совсем сырая...Хм.. Давай я тебе

спою собственного сочинения..

— Она будет на альбоме?

— Да.. Мне правда помогал мой друг Курт, но я все равно очень горд, — Дейв встал в позу и продолжил, забыв о диске, — знаешь, Мартин так обрадовал меня, когда смиловался отдать мне авторство нескольких песен... И буду откровенен, он очень добр ко мне сейчас, мы даже стали вместе сотрудничать, — Дейв задумался и не двигаясь смотрел в одну точку, — это здо-ро-во...

—Ну, давай, не тяни, я уже не могу ждать...

Он оскалился и врубил диск. Нечеткими движениями он нашел в одной из папок лист со словами и придвинул к себе микрофон... Пару раз он постучал в него и усмехнулся, шмыгая носом:

— Привет, я Дейв Гэан и я собираюсь доставить тебе удовольствие! Вот этой девушке здесь и сейчас. Наслаждайся, — он подмигнул мне и указал пальцем на меня.

О таком я не мечтала никогда! Это чересчур, как это возможно, личный мини-концерт для меня! Для одной только меня пьяный, готовый на все Дейв будет петь новую, никем еще не прослушанную песню будущего альбома Деш Мод. Он покашлял и наконец, заиграла музыка. Конечно, не скажу, что это была музыка, это были просто определенные ритмы и звуки для отображения идеи песни. И вот я слышу его чудесный голос:

When I look at you

(Когда я смотрю на тебя)

I'm probably the same way too

(Я, наверное, так же, как и ты)

I've got a feeling that it's coming soon

(Чувствую, что это скоро настанет...)

Could this be the end

(Может, это конец?)

(«Secret to the End»,
Dereche Mode)

Что он творит со мной, Боже! Я не могу спокойно слушать! Он специально выбрал эту песню? Дейв извивался и размахивал рукой как на выступлении. Как же великолепно у него это получается – шевелить бедрами, это так заводит! Мне постоянно приходилось только наблюдать на это безобразие в записи с концертов, а тут хоть вставай, иди, бери!

It seems so obvious to you

(Тебе это кажется очевидным,)

You're feeling what I am feeling too

(Ты чувствуешь то же, что и я.)

The final chapter in the contract expires soon

(Заключительная глава в контракте скоро утратит свою силу.)

We've come to the end

(Мы подошли к концу.)

Он пропел припев лишь раз и остановился. Я, наконец, опомнилась, и мои губы дрогнули. Зачем он прекратил? Я готова расплакаться, что пережила этот момент, но он был таким коротким... Дейв вытер лоб, залез одной рукой под майку и выключил

звук. В ожидании бурных аплодисментов он застыл, встав передо мной спиной. Я молчала... Он поднял руку вверх и, прорисовав в воздухе какой-то узор, его рука требовательно задергалась. Я еле вымолвила:

— Дейв... прости.. но я не могу говорить...

И правда в эту секунду я находилась где-то далеко во Вселенной! Мой разум никогда больше не сможет стать прежним! Я испытала истинное блаженство! Дейв, ты мой Бог! Твое личное выступление ни за что не сравнится с концертным, когда ты раскрываешься перед миллионными толпами! Мне казалось, что мое состояние полного остолебенение длится вечность, пока Дэвид не обернулся ко мне и с улыбкой не присел рядом со мной на диван:

— Эй! Неужели все так плохо? Моя песня похожа на оружие массового поражения? – он обхватил меня за плечи и попытался заглянуть мне в глаза, ласково убирая волосы с лица.

— Это было божественно, — я сказала это точно робот, заучивший предположение.

Он смеялся, и я потихоньку отошла.

— Дейв, я..я...я не знаю как выразить словами! Я словно попала в рай! Только ты, я и твой голос.. и твоё тело... движения! Охххх, — я выдохнула, — Я тебя обожаю!!

В моих глазах незаметно для себя появились маленькие капельки, стремящиеся выйти из берегов. Слезы радости? Возможно! Дэвид удивился:

— Что такое? Ты че-

го? Ксюш! Давай еще выпьем... — он подлил мне в бокал ликер и прижал к груди, откинувшись на спинку дивана.

Забравшись на диван с ногами, я по-детски свернулась калачиком, Дэвид поровну разлил нам остатки Бейлиса и заплетающимся языком стал что-то напевать, поддерживая ногой. Мы молчали, наслаждаясь приятным растекающимся по телу теплом от алкоголя. Периодически я забывала кто рядом со мной, я сжимала Дейва за поясницу и умилялась нашему положению. Я боялась пошевелиться, чтобы не нарушить идиллию между нами, это как с горделивым котиком, выказавшим свое благословение на совместную ночь. Дэвид не мог усидеть на месте, он ритмично задвигал головой и волнительно стал смотреть по сторонам. Затем он привстал, бережно убирая мои руки и приподнимая голову от его груди. Гэан встал, подтянул шорты и, схватив одной рукой гитару, бухнулся на диван. "Вот же какой, ведет себя как подросток! Вряд ли ему сейчас сильно хотелось внезапно поиграть или спеть новоиспеченную песню, он делает это для меня, подкачивает! И будь все неладно, у него это здорово получается!". Дейв стал что-то тихонько наигрывать:

— Ты играешь на гитаре?

— Немного, знаю самые основы аккорды и детские песенки...

— Жаль, я хотел преподать тебе урок... — он ожидал, когда я его попрошу сбавить что-нибудь.

Я села на колени,

слегка прикрывая их платьем, тем самым оказалась ближе к Дейву:

— Сыграй мне что-нибудь... что угодно, любую импровизацию...

Он неохотно перебирал струны и, наконец, сильно зажал какой-то аккорд. Мм, неплохо, мне всегда казалось, что акустика выдает не более чем унылые простенькие баллады. Дейву нравилось играть, это было заметно по тому, как менялось его лицо при нарастании и изменении тона мелодии. Его мимика могла показать что угодно, он то надувал, то сужал губы, морщил лоб и хмурил нос, закусывал губы, жмурил глаза, Дэвид выглядит таким живым, словно он играет перед многотысячной публикой. Я не сводила с него глаз, всегда хотела, чтобы кто-то сыграл мне... Сколько раз я видела как Мартин берет гитару и нерасторопно начинает шокировать меня шедевральной музыкой, выходящей из под его пальцев. Дэвид будто слышал, будто четко видел мои сны, вот только выбрал себя на роль главного героя моих любовных похождений. Когда он закончил играть, удивляясь своим действиям, что-то побудило меня убрать гитару и вплотную приблизиться к нему. В глубине своих потаенных лабиринтов я жутко, нестерпимо мечтала завладеть Дейвом сейчас, сегодня. Хорошо, что это желание все еще глубоко во мне и не кричит о себе. Но разум мгновенно поддержал его "Сейчас как раз подходящий момент! Давай! Тем более он бы не стал тратить время на тебя, если бы сам

не захотел того, что и ты...". Я обхватила руками его шею и ласково прошептала:

— Дэвид! Как ты мне нравишься, — я влюблено закатила глаза и прикоснулась губами к его ключей щеке. Мой скромный поцелуй оказался достаточно долгим и страстным.

"Ну, вот и все, делу дан ход... Понеслось!". Я была уверена, что сделав первый шаг, Дейв поймет меня без слов и продолжит, но он улыбнулся, приоткрыл глаза и встал. Я не показала виду какое крушение произошло у меня внутри... "Может я с самого начала его неправильно поняла, может, не нужно было думать, что могу вот так просто домогаться Дэвида Гэна...". Под действием градусов, мои мысли растягивались на минуты и я не заметила как Дейв вернулся с бутылкой виски и поставил ее передо мной, разливая понемногу в стаканы. Я спешно замахала руками:

— Нет, нет! Мне больше не надо, у меня и так уже начался вертолетик...

— Я выпью.. чуть-чуть, не против?

— Только стаканчик...!

Он сделал внушительный глоток и поднял палец вверх - его осенило:

— Мм, а давай потанцуем? Время девятый час, как раз! — он резко жестикулировал, — вот если бы мы с тобой напились и пустились в пляс - это было бы как то так себе.. дурной тон. Ахаха! Сейчас сообразим, что поставить. Ксюш, вспомни что-нибудь медленное.

Вечер не перестает

удивлять! Я как будто попала на бал, буду танцевать с принцем. Пока на белый танец мне приходилось выходить чисто из-за вежливости с несимпатичными мне парнями, с целью потанцевать, в плане передвижения ног по кругу, а не ради романтического настроения. Я перебирала все известные мне медляки. Да что же это, ну не предлагать же ему заглавную тему из «Сумерек» или музыку из «Титаника».. К сожалению, пока я вспомнила лишь эти две. Уверена, Дейв знает кучу мелодий! Он держал руку на клавиатуре, готовый набрать в интернете мою песню.

— Дейв, да помоги же мне! У А-ха неплохие медленные песни. Как думаешь?

— О, у меня где-то была одна, — заиграла музыка и Дейв, вильнув бедрами, схватил меня за талию.

Я снова оказалась в его руках, такая маленькая и хрупкая по сравнению с ним. Он был выше меня сантиметров на двадцать. Я вонзилась в его спину будто пытаюсь удержаться от падения. Дело в том, что Дейв специально очень близко прислонялся, мы с трудом передвигались от нехватки места. Я уловила яркий мужской аромат и стала жадно вдыхать, не теряя ни одной молекулы с его запахом. Мне нравилось, что супротив моей талии его руки казались огромными, сильными, с выступающими венами и идеальным маникюром. Мужские руки это моя слабость, обожаю разглядывать рельефные кисти, наслаждаясь каждой

выпуклостью, каждой морщинкой и волосинкой. Казалось, между нами снова возникла удивительная гармония. Мы молча наслаждались друг другом, довольно интимная обстановка с приглушенным светом, Мортен исполнял «Hunting High And Low» и я тихонько, еле слышно вторила Харкету «I'll be hunting high and low (я буду искать тебя там и тут)». Дейв тоже мычал что-то и проводил щекой по моим волосам. Эта песня закончилась, но он не ослабили хватку, я немного оторвалась от него, чтобы посмотреть в глаза, началась следующая песня – Мортен Харкет «Send Me An Angel».

Обожаю ее, люблю дома петь ее, перекивая нежный голос Мортена, срывая свой к чертям! Я посильнее сжала Дэвида и сама приблизилась к нему, тот же пошел ва-банк - его рука соскользнула с моей талии вниз. Успешно переправив на бедра одну руку, он незамедлительно повторили это с другой. На словах «Send me an angel, Give me a sign (Пошли мне ангела, Дай мне знак)» мы с Дейвом одновременно громко протянули и под действием рук Дейва, я задвигалась более интенсивно. Следующую строчку «Come to me, Lord (Пошли мне, Господи)» мы снова спели втроём, а потом рассмеялись. Дейв одной рукой крутанул меня в воздухе и быстрыми движением придвинул к себе так, что я оказалась на цыпочках, вплотную приблизившись к его губам... Но... Ничего не случилось, зазвонил телефон и Дейв медленно и

неохотно покинул нашу танцевальную площадку, играла вставка все той же «Send me an angel», а я растерянно стояла посередине комнаты, оставленная, брошенная своим мужчиной. Я театрально поджала губы и часто заморгала. Дейв вышел в другую комнату. Я запрокинула голову вверх и подняла туда же руки... Боже, не хочу покидать это место никогда! Этот миг, он прекрасен, признаюсь, к песням А-ха и к сольным песням Мортена у меня всегда было трепетное чувство, я уже давно отобрала добрый десяток для будущей свадьбы, а тут будто бы исполнилась самая неправдоподобная сладкая фантазия под те же ритмы А-ха.

Дейв вернулся в каком-то особо веселом расположении духа, предлагая мне все-таки испить из его стакана. Мне хотелось пить и губы сами потянулись к стакану. Я сделала маленький глоток и меня затрясло. Гадость!

Такими вот нерасторопными темпами через пару часов мы с Дейвом снова были пьяные. Он рассказывал мне о своих татуировках, а я ему как скучно было шесть лет сидеть в аудиториях на лекциях, он мне – о том, как здорово выступать на живых концертах, а я ему – как здорово было ходить на эти живые выступления! И вдруг у меня вырвалось:

— Надеюсь, альбом будет сильно отличаться от предыдущего? – я пыталась правильно строить предложения, чтобы не обидеть Дейва, хотя сразу поняла, что не стоило вообще зате-

вать разговор. Самое дурацкое то, что мысль в голове созревает позже того, как слова уже сорвались у меня с языка, поэтому я добавила. – Просто... хочется услышать что-нибудь... принципиально новое...

— Тебе не понравился SOTU?

— Нууу... честно говоря...

— Давай правду! Чтобы не вышло ошибок с новым альбомом.

— Я не знаю, что в нем не так... Правда, он хорош, но только с десятого раза прослушивания! *ой, что я говорю....* Я очень ждала тура, поэтому по большому счету альбом мне пришлось полюбить... *хватит, остановись!*

Дейв внимательно слушал меня, пока я говорила он ни разу не улыбнулся и не сделал глоток виски. А меня все несло:

— Мне сразу понравились «Wrong», «Corrupt», «Jezebel»... *Ксюююю!!!*, а с остальными дела обстояли сложнее, — я старалась улыбаться и обходить острые углы, но выходило плохо. Я не могла замолчать, а он и не думал меня останавливать! – Может вы перемудрили с обилием новых звуков? *Скажи что-нибудь о его песнях, он и так выглядит расстроенным*. Как я могла забыть, я без ума от «Come Back» и «In Sympathy» очень милая. Да, Дейв, не слушай меня, на самом деле если перечислять любимые, то туда войдут все ваши песни!

Дейв зажевал губы и, наконец, ответил мне хоть что-то:

— Наверное... в этом есть правда. Ребята пере-

мудрили! Что поделаться... Не бойся говорить мне правду, поверь, для музыканта это очень важно, чтобы его верно оценили. Тем более нам уже это сказали критики...

Мне вдруг стало так жаль Дэвида, я слегка кос-

нулась его руки и обняла голову. «Пьяная дура!». Дэвид громко рассмеялся, удивившись, что все нормально, я последовала его примеру. Он весело меня обнял и затащил к себе на колени.

— Я знаешь, о чем подумал... Давай к нам ра-

ботать.. — Дэвид обеими руками придерживал меня за талию, — Ты же как раз училась на это!

Автор: Тугучева
Ксения

Планшатор на лодке-трэйкэннине

Часть 3

- Идёмте, - Таоринар повёл их к кустарнику, возле которого росло множество различных растений. — Кто увидит среди этого живописного разнотравья душицу — прошу сорвать её и предоставить мне.

Станислав увидел сразу несколько этих замечательных цветущих красавиц возле кустарника, с правой стороны.

- Соня! — позвал он. — Я нашёл! Возьми, - гимназист отошёл от растений и жестом указал на них одногруппнице.

- Но... это же ты её первым нашел, - Соня вопросительно посмотрела на друга. — Наверное, будет не очень честно, если я присвою себе твою находку.

Эйлинар стоял вдалеке и восхищённо смотрел на эту красивую, благородную и честную девушку. Она ему явно приглянулась. Но скромный обыкновенный нэфастанский парень и мечтать не смел, что на него обратит внимание первая леди группы «Arg» гимназии «Planta». Поэтому он

только стоял в стороне и издали наблюдал за красавицей-одногруппницей.

- «Не очень честно» - это не принимать подарки от друзей, - улыбнулся Станислав. — А тебя я всю жизнь знаю как честного человека. Поэтому... - он вновь сделал наполненный благородством жест в сторону душицы.

- Спасибо, Слава! — также улыбнулась Соня и ласково пожала своему другу руку в знак благодарности и искренней симпатии.

- О-о! Тили-тили-тесто, жених и невеста! — завопил Сёма.

- Слушай, завидуешь — так завидуй молча, - твёрдо, но с оттенками добродушия в голосе осадил его Станислав, глаза которого сияли от счастья, как прекрасные звёзды.

Соня, тем временем, сорвала душицу и дала её Таоринару, после чего ласково посмотрела на Станислава и подошла к нему.

- Если нас будут объединять в группы — пойдём в одну, вместе?

- Конечно, - ответил

ей счастливый Станислав.

- Отряд, внимание! — обратился к ребятам преподаватель. — Эйлинар, подойди поближе, очень уж далеко ты от нас находишься. Вот — ещё один нэфастанский прибор, - он достал прибор из того же кармана, где хранил рацию. — Но, название у него не нэфастанское, гораздо менее экзотичное: муляжиатор.

- Муляжиатор? — восхитилась Лёля. — А, как на мой взгляд — тоже очень экзотичное название! Как и любое нэфастанское.

Другие ребята, подтвердили, что для них, в самом деле, название «муляжиатор» равняется по экзотичности названиям «эмбэрана» или «трэйкэннта».

- Интересно, - с улыбкой произнёс Таоринар. — Вы никогда раньше не видели муляжиаторов?

Отряд, за исключением Эйлинара, дружно покачал головами.

- Эйлинар, - преподаватель вручил соотечественнику душицу. — Помогите мне продемонстрировать

действие этого превосходного аппарата.

Эйлинар увеличил муляжиатор в три раза – по принципу увеличения эмбэрана – после чего приложил к нему душицу. На экране аппарата появилось изображение душицы в виде растения на открытке.

Ребята, слегка толкаясь, принялись пробираться к муляжиатору, чтобы взглянуть на экран.

- У в а ж а е м ы е «Плантаторы»! Отставить шахсей-вахсей! – весело воскликнул Таоринар. – Эмбэрльана – в трэйкэннты, а потом – в ромб становись!

- В ромб? – удивился Даниэль.

- Да, это – нэфастанская отрядная традиция, – объяснил Таоринар. – Отряд, вперёд!

Гимназисты устремились к нэфастанским лодкам – отнести эмбэрльана, а затем образовали ромб – конечно, без Эйлинара.

- Запускаем муляжиатор для коллективного просмотра. – Учитель передал прибор Эйлинару. – Дай кому-нибудь из ребят: пусть передают друг другу.

Эйлинар, набравшись храбрости, подошёл к Соне. Несколько секунд он неподвижно стоял и столь же восхищённо, как и в прошлый раз, смотрел на очаровательную гимназистку.

- Эйлинар! Эйлинар, что же ты!.. – Соня легонько потрясла нэфастанца за плечо. – Ты в порядке? Стоишь, абсолютно не двигаешься, даже не моргаешь.

От нахлынувших эмоций Эйлинар едва чуть не упал наземь.

- Да что это с тобой?

– обеспокоилась Соня и аккуратно взяла у него из рук муляжиатор. – Таоринар! Ваш соотечественник, кажется, плохо себя чувствует...

- Да, среди лесных дикарей он бы, конечно, ощущал себя гораздо гармоничнее! – засмеялся Вова.

- Молодой человек, у нас здесь не «Сарказм-шоу», чтобы упражняться в едких юмористических проявлениях, – заметил Таоринар. – Соня, не волнуйся, с Эйлинаром всё будет хорошо. Передавай дальше муляжиатор: пусть все посмотрят на изображение душицы. А ты и твой друг, – это предназначалось Вова и Сёме, – после просмотра подойдите ко мне. Но – пока не для спецзадания, о котором я вам говорил раньше, а для серьёзного разговора. Кирилл, ты тоже подойди.

Через некоторое время неразлучные друзья, а также Кирилл с муляжиатором в руках, подошли к учителю.

- Вы нас накажете из-за этого?.. – хмуро выдавил Сёма, небрежно махнув рукой в сторону Эйлинара, который ещё пребывал в несколько ошеломлённом состоянии после встречи со своей мечтой – когда он стоял совсем рядом с недосыгаемой красавицей, когда она до него даже дотронулась, чтобы привести в чувство после оцепенения. Такой эмоциональный всплеск для замкнутого нэфастанца был сродни землетрясению. Но, в отличие от настоящего, разрушительного землетрясения, – это таковым не являлось.

Оно было, напротив, каким-то «завораживающим»!

- Во-первых, друзья-коллеги, у «этого» есть имя, – произнёс Таоринар, беря муляжиатор из рук Кирилла. – А во-вторых, вовсе не я, а вы сами, мальчики, периодически наказываете сами себя. Вы обзываете себя слабаками, хотя на самом деле вы – отличные сильные ребята. Что же вы к себе так несправедливы?

У «юмористов» просто челюсти поотвисали от такого заявления! Они... себя... ОБЗЫВАЮТ СЛАБАКАМИ?!! Другие ребята, изумлённые до крайности, обернулись и принялись смотреть на нэфастанца широко вытаращенными глазами.

- Е с л и п о - настоящему сильный человек, скажем, идёт по улице, и вдруг видит, как с другим человеком произошла неприятность – он заблудился в городе, поскольку здесь первый раз, и ничего ещё в этой местности не узнал: расположение улиц, зданий, местных достопримечательностей. Сильный человек – встретившийся с таким гостем города, испытывающим гнетущее замешательство – будет его дразнить, обзывать, отпускать саркастичные шуточки? Ваши любимые герои: Jungle Explorers или кто-то ещё, разве бы поступили именно так? Jungle Explorers стали бы ухаживать над человеком, потерявшимся в джунглях?

«Юмористы» притихли. Понятно, что ни их обожаемые Jungle Explorers, ни те сильные герои, которые встретили бы заблудившегося иностранца на улице, так бы не поступили.

Только Сёма неуверенно отозвался:

- А чего он дуется и зыркает?

- А разве иностранец, попавший на улицу незнакомого города, или коренной житель мегаполиса, оказавшийся прямо посреди джунглей, - как правило, поёт весёлые частушки или танцует микс сальсы, хип-хопа и club-dance? - парировал Таоринар. - У вас здесь, да, не джунгли. Но Эйлинар, ещё не привыкший к другой атмосфере, пока не чувствует себя комфортно даже в такой благоприятной компании, как ваша группа. Только дело сейчас не в нём, а в вас. Вы - проявляете себя как сильные личности, как храбрые, отважные герои - если обижаете вашего иностранного гостя? Подумайте об этом. Какого мнения вы сами о себе?

- Я - хорошего. И слабаком себя не считаю, - сказал Кирилл.

- Я - коренной бразилец. И живу в городе Порту-Алегри, - вновь парировал Таоринар. - Я работаю там в местном ресторане и готовлю разные блюда, включая рыбу по-бразильски под кокосовым соусом. Верится?

О т р я д   в н о в ь «дружно» вытаращил глаза.

- Вижу, что не верится, - улыбнулся нэфастанец. - А всё почему? Да потому, что я никак не могу вам это доказать: что я - бразилец из Порту-Алегри, спец по приготовлению рыбы в кокосовом соусе. Видите ли, ребята - сказать каждый из нас может о себе всё, что угодно. А вот доказать на деле... Это возможно толь-

ко в том случае, если наши слова - истинны. И я никак не докажу свою предыдущую речь - поскольку во мне нет ни капли бразильской крови, поскольку я - нэфастанец Таоринар Мэйласс, плантатор и растительный аналитик острова Нэфастана. Но вы, в отличие от меня, можете доказать сказанное вами. Если, конечно, ваши слова правдивы. Докажите себе, что вы по-настоящему сильны: по природному характеру, а не только вербально.

Кирилл понял, что нужно делать. Он подошёл к Эйлинару и пожал ему руку. Нэфастанец уже гораздо более приветливо взглянул на одноклассника.

Вова тоже хотел подойти к Эйлинару, но Сёма, заупрямившись, схватил его за руку.

- Ты чё ведёшься? - прошипел нахальный мальчишка. - Не понимаешь разве: он нами просто манипулирует.

- Манипулирую? - усмехнулся Таоринар. - Зачем мне это нужно?

- Чтобы мы вашего землячка не доставали, - Сёма вдруг начал нагло хорохориться. - Обеспечиваете ему комфорт и уют!

- Сёма, почему ты хочешь казаться хуже, чем ты есть?

- Да ничё я не «хуже»! Нормальный я человек! Просто мне этот надутый индюк не нравится. И всякими там педагогическими уловочками меня не заставить искусственно с ним помириться!

- Это не уловочки, Сёма, это - жизнь. Мы с тобой ещё побеседуем на эту тему, а сейчас - если ты

не возражаешь, - всё-таки начнём наш урок.

- А если я возражаю!

- Ты что, сдурел совсем! Закрой рот сейчас же! - обрушился на него Станислав. - Не смей так говорить с учителем!

- Всё в порядке, Слава, не волнуйся. Я и не такого в жизни наслушался, - с улыбкой произнёс преподаватель. - Но, в любом случае, благодарю тебя за то, что отстаиваешь справедливость, - он пожал благодарному гимназисту руку. - А теперь, «Плантаторы», внимание! Приводим в действие муляжиатор.

Вся группа, в том числе и Сёма (охваченный любопытством, пересилившим упёртость), сбегались к нему. - Вот, справа от экрана, функция: «выбрать другие растения». Применяем, нажав на эту кнопку - расположенную слева от экрана. Далее - выбираем их количество. Возьмём побольше, например, 18, - он нажал цифры 1 и 8 на центральной цифровой клавиатуре муляжиатора.

Ребята следили за этим действием, как за волшебным таинством.

- А можно теперь я нажму «Применить»? - поинтересовался Жора.

- Прошу, - Таоринар вручил ему муляжиатор. - Так, хорошо. Теперь аппарат выберет в произвольном порядке 18 растений и, включая 19-е - душицу - проведёт муляжизацию растительных частей: корня, стебля, листа и цветка. Вот, аппарат делает свой выбор. Выбрал. Операция завершена, и вы видите на экране небольшие 19 изображений.

Душица и остальные. Эти растения и будут, скажем так, «подвергнуты» муляжизации. Слава, примени данное действие.

Станислав, ощущая гордость, нажал на кнопку «Применить». И в тот же миг... из аппарата посыпались распечатанные листки с изображением растений. Коснувшись земли, листки... принялись распадаться на довольно крупные муляжи тёмно-золотистых корней, изумрудных листьев и стеблей, разноцветных цветков. После этого муляжи, покружившись в воздухе, разлетелись по местности, где находились наши «Плантаторы».

- Скоро мы приступим к поискам муляжей, обозначающих части нашей изучаемой на данном уроке душицы, - пояснил нэфастанец. - Только сейчас у нас - всего по одному экземпляру каждой части душицы, а нужно, чтобы было по 16 -

для каждого из вас.

- Нужно создать ещё 15, - со знанием дела произнёс Жора. - Можно мне попробовать? Прикольный аппарат этот муляжиатор, я бы себе тоже такой хотел.

- Мечты имеют свойство исполняться, - Таоринар дал в руке Жоре муляжиатор. - Со временем и у тебя, и у всего нашего отряда, будет такой незаменимый аппарат. Что же нужно осуществить сейчас, для продолжения нашей миссии? А сейчас нужно нажать на фото душицы на экране, а затем - вот на эту правую кнопку: под той, что обозначает выбор растения. Так мы осуществим функцию «Создать копии». Молодец, правильно. А дальше...

- Я, я дальше нажму! Мне, мне, мне! - ребята чуть не передрались за муляжиатор.

- Отряд, в ромб становись! - громко и весело

скомандовал Таоринар.

Все, - на этот раз, кроме Сёмы, которого снова охватило глупое упрямство, - образовали ромб.

- Название нэфастанской розы?

- Бэйанат! - первой подняла руку Камила.

- Отлично. Миссия по выбору числа копий - твоя. Кто напомним, сколько делаем копий?

- 15, - ответила Соня.

- Молодец. Для тебя предназначается миссия по распечатке копий.

Скоро все копии были распечатаны, после чего по 15 муляжей корня, стебля, листа и цветка душицы расположились в разных уголках лесной местности, смешавшись с предыдущими муляжами и этого, и остальных 18-ти растений.

Автор: Елена Кравченко

Легионеры Хроноса

Пилот
вместо пролога

Тьма... Вокруг только тьма... Генератор не выдержал перегрузки и отключился. На левой панели мигает аварийный индикатор. Только бы дотянутся... все тело болит... не достаю... черт... Ремни не дают дотянуться, кресло перекошило... маленькое усилие... еще... чуть-чуть... есть! Резервный генератор активирован, корабль ожил.

Где же я? На обзорном экране, единственном уцелевшем боковом экране, какие-то джунгли...

Как же больно... Комбинезон! Если управляющий контур не накрылся во время импульсного удара, то есть шанс не согнуться здесь от травм. Боль... резкая, острая боль во всем теле - включился медицинский режим. И снова тьма...

Я не стал смотреть блоки памяти медблока, нет

особого желания знать подробности. Я не хотел, чтобы брали меня по частям или все не так уж и плохо было. Чувствовал я себя намного лучше. Во всяком случае, вылезти из кресла и добраться до люка я смог самостоятельно. Если верить датчикам, то на поверхности можно находится без скафандра, точнее того, что от него осталось: грудa изодранной материи и треснувший шлем. Люк с трудом открылся, посадка в горячих объятьях атмосферы

довольно сильно отразилась на агрегатном состоянии брони. Да это и не джунгли, так оазис в бескрайней пустыне, очень сильно напоминающей красные равнины Марса. Довольно прохладно: где то 10-15 градусов тепла по Цельсию.

Так, броня расплавилась, частично прогорев до внутренней обшивки. Дюзы сгорели полностью, то, что осталось от двигателя вряд ли еще раз заведется... Ясно, на корабль больше нет смысла рассчитывать. Разве что блок связи, но он накрылся еще в космосе, когда чужак нанес первый импульсный удар. Его деструкторы были настроены на уничтожение датчиков связи и навигации. Правильный ход: противник становится беспомощным и его легко добить.

Ну, ну, что мы имеем. Плазменный нож, хорош против противника в броне, любую материю режет как масло. Обычный нож, тоже пригодится, когда плазма на подзарядке. Кобура с мини-бластером и тяжелый десантный бластер, не плохо!

За оазисом, на горизонте виднелся дым, много дыма. Но что может гореть в пустыне, на планете где нет разумной жизни, кроме меня, разумеется... Другой оазис? Или не только я потерпел аварию здесь? Вроде бы крейсер «Таррея» находился на низкой орбите. Ну не может еще один истребитель так гореть. Хотя не думаю что во время атаки, экипаж не вывел крейсер на более стабильную орбиту. Но возможно все, крейсер «Барс» сгорел одним из первых, он стоял у самого

узла гиперперехода и первым принял удар. Взрыв был настолько мощным, что сам узел был сильно поврежден, что и спасло флот от разгрома. Устье гиперканала закрылось, но около десятка кораблей противника успели войти в наш сектор. Дальше началась мясорубка...

Что ж, иду туда. Даже если это наш крейсер, там могут быть выжившие. Во всяком случае, связь, даже на разбитом крейсере, должна работать.

Путь пролегал через пустыню, и ничего не предвещало беды. До горизонта простиралась равнина, без каких либо возвышенностей или низменностей. Но так казалось только на первый взгляд. В паре километрах от оазиса был обрыв глубиной метров 50-70. В нескольких сотнях метров правее был довольно пологий спуск, но у его подножья было нечто гнезда из камней. В гнезде сидело около десятка существ напоминающих ящериц с паучьими ногами ростом примерно 5-7 метров и 10-15 метров в длину. Рядом с гнездом находилась еще одна такая же тварь, только раза в три больше. Наверное самка с детенышами. Ну да, а самец вон, у подножья обрыва, точнее его полусъеденный труп. Видимо пауков и этих тварей связывает не только внешнее сходство, но и отношение к браку тоже.

Долго думать мне не пришлось. Самка, видимо имея хороший нюх или слух, а может и то, и другое вместе, обернулась и уставилась на меня всеми тремя глазами. С невероятной

скоростью, она взобралась по отвесному склону и кинулась ко мне... Признаюсь честно: чуть не наложил в штаны. Спасла реакция. Сорвав со спины десантный бластер (хватило ума не палить по этой туше с пистолета) я открыл огонь... Теперь до меня дошло, зачем этой пушке такая мощность. Двух выстрелов хватило, чтоб утихомирить тварь навсегда. Оставалась еще одна проблема: как пройти мимо гнезда? Мелочь все еще сидела там и если они меня не сожрут, так захотят поиграть... Еле удержав бластер в руках, я дал залп по гнезду превращая его в месиво из плоти и камней. Так лучше. Надеюсь, другие обитатели этого мира более гостеприимны.

Дальнейший путь прошел без приключений.

Это была «Таррея». Двигательный отсек практически оторван, видимо туда пришелся основной удар. Носовой, на удивление, оказался цел. При падении аварийный генератор (основной автоматически отключается во избежание взрыва из-за перегрузок, корабли крейсерского типа орбитальные и технически не могут сесть на поверхности планеты) включил силовые поля, которые и смягчили удар... Помимо основного и дублирующего генераторов, существуют также общий аварийный генератор и аварийные генераторы по отсекам. Учитывая, что силовые поля не функционируют, скорее всего, накрылся связной контур генератора, а учитывая то, что аварийный генератор не обеспечен резер-

вом, можно надеяться только на источники энергии в отсеках.

Амбразуры эвакуационных люков были открыты. Возле одной лежала разбитая спасательная капсула с двумя трупами. По униформе это были техники. Не успели ребята спастись... Через один из таких люков я забрался в корабль. Темень не проглядная. Так, генератор на две палубы выше. Тихо! На верхней палубе какой-то шорох. Тихо ступая, с блеском наперевес (одиножды он уже спас мне жизнь) я поднялся на палубу. В тусклом свете наплечного фонаря был виден кровавый след, тянувшийся в сторону лазарета. Как будто кого-то тащили...

- Есть кто живой?! – мда, тупой вопрос, как будто мертвые тебе ответят

- О Боже! Да, да, я здесь! – послышалось из лазарета. Я пулей кинулся туда. На полу лежал мужчина в офицерской форме. Его левая нога представляла смесь из крови, мышц и кости.

- Помогите мне, прошу Вас! Вы из спасательной группы?!

- Да, конечно, я помогу Вам! Я пилот – истребитель. Шестая бригада

штурмовой поддержки крейсера «Вайп». Мой корабль разбился в паре километрах восточней.

- «Вайп»? Когда мы начали падать, они были еще в строю, хотели выслать спас-бригаду к нам, но все корабли поддержки увязли в бою, – офицер стал тяжело дышать, без реанимации он долго не протянет.

- Вы не пробовали включить генератор?

- Пробовал, но аварийный блок закрыл шлюз, повредив мне ногу. С трудом я добрался сюда... Подняться еще на одну палубу нет сил... - он начал терять сознание. Все, счет пошел на секунды. Как можно быстрее я бросился к генератору. Даже если на орбите есть уцелевшие, помощь придет не скоро, а без реанимации он согнется с минуты на минуту. К счастью генератор запустился сразу. Я включил цепной запуск генераторов по всем уцелевшим отсекам. Отозвались пять из шестнадцати, не плохо для полу разбитого корыта. Включилось освещение, заработал главный компьютер:

- Внимание! Раненый в лазарете! Раненые на 5, 8, 9, 7 палубах! Раненый в эвакуационном блоке!

Произвожу принудительное перемещение в реанимационные модули! – прогремел синтетический голос корабля. За раненых можно не бояться, их уже спасают.

- Корабль, связь с орбитой!

- Видео связь не возможно, нехватка ресурсов, реанимация раненых.

- Без разницы! Любая связь с орбитой!

- Будет выполнено, - и почти без задержки прозвучал другой голос:

- Капитан Браун, командующий ударных сил флота Американского легиона, линкор «Силена». Слушаю Вас! – неужели пришла помощь с Земли?

- Я лейтенант сил поддержки Джон Стивентсон, шестая бригада штурмовой поддержки крейсера «Вайп». Нахожусь на потерпевшем аварию крейсере «Таррея», со мной раненые, но они в реанимационных блоках...

- Вас понял. Мы видим Вас. Высылаем спас-бригаду. Держитесь, сынки...

- Так точно, сер!

Спас - бригада прибыла через три часа...

Автор: Александр Маяков

История одного Андрогида

XIX Глава

Прошло несколько дней. За это время Натаниэль с Астрид сдружились

невероятно крепко. Будто они дышали друг другом. Каждый день они проводили все свое свободное время вместе, гуляя по городу или

беседуя в комнате Астрид. В сереющих днях британской осени они гуляли за руки – черноволосая девушка-вамп и миловидная хруп-

кая блондинка, словно они знали друг друга много лет.

Однажды Рокси позвала Еву на очередную модную вечеринку, но к ее удивлению Ева отказалась, мотивируя это тем, что будет вечером у Астрид. Это обидело Рокси. Она не могла понять, как такая как Астрид и такая как Ева могут дружить. Рокси стало казаться, что Еве попросту надоели ее модные компании, а в особенности она сама. И ее задевали подобные мысли. Особенно ее оскорбило, то что Ева, повернувшись к ней спиной и под руку с Астрид ушла легкой походкой.

Лишь находясь дома у Астрид, Натаниэль чувствовал успокоение. Словно напряжение уходило от него, растворяя притворство. И это вызывало в нем улыбку, спокойную и душевную. Он наконец-то не чувствовал себя одиноким. Он мог открыть любой укромный уголок своей души и быть уверенным, что Астрид примет его. Единственное, о чем не мог говорить – его мать. И Астрид не покидал интерес к этому «таракану» Натаниэля. Она спрашивала его:

- И, все-таки, расскажи о своей матери!

- Астрид, нет!

- Но почему? Мне интересно, кем она была? Почему ты не хочешь говорить о ней?

- Потому... Я еще не готов говорить о ней что-либо.

Астрид молча посмотрела на Натаниэля, словно поняла его и отстала, затем предложила:

- Пить хоть будем? – взяв в руку бутылку красного вина и активно демонст-

рируя ее.

Натаниэль улыбнулся. Они в миг открыли бутылку и разлили по бокалам, став намного оживленнее. Перед тем как выпить, Астрид решила сказать тост. И придержав руку Натаниэля, она с проникающим взглядом сказала:

- Хочу выпить за то, чтобы искусство никогда не кончалось! Чтобы такие люди как ты, творили его! Хочу выпить за тебя, мой друг! Ведь ты неповторимый!

- Ой, не стоит, родная! Но спасибо! – немного наигранно сказал Натаниэль, на самом деле питая искренние чувства к словам Астрид, которая поняла Натаниэля.

Они выпили по бокалу, после чего налили по второму. Астрид, шутливым тоном, спросила:

- А он у тебя большой? – чувствуя, что пьянеет.

Натаниэль, пытаясь сфокусировать на ней свой взгляд, выглядел удивленным. И прикидываясь дурачком, сказал:

- Это ты о чем?

- Не делай вид, что ты ничего не понимаешь! Ты знаешь, о чем я!

- Уточни.

- О члене я твоём говорю! Большой он у тебя, или нет?

Они вместе засмеялись пьяным смехом, после чего Натаниэль сказал:

- Знаешь, когда я мастурбировал, то не беспокоился о члене.

Они снова засмеялись, и Астрид спросила:

- А о чем ты беспокоился, когда мастурбировал?

- О сиськах!

После таких слов они дико засмеялись, упав на

кровать в конвульсиях веселья, чувствуя как челюсти сводит от смеха. Астрид всем телом оказалась на Натаниэле. И это, поначалу, не стоило внимания двух пьяных друзей, которым было весело и смешно. Лишь через полминуты, когда они оба перестали смеяться, Астрид заглянула ему в глаза и задержалась в его черных глубинах. Что-то задержало их взгляды в этот момент. Натаниэль смотрел в темно-зеленые глаза своей немецкой подруги и чувствовал успокоение. Но чем больше эти глаза засматривали ему в душу, тем больше он чувствовал нечто большее, некий магнетизм. Что-то платоническое почувствовали оба в этот момент. И Натаниэля передернуло. Он что-то хотел сказать, но при попытках открыть рот, тут же чувствовал себя безмолвной рыбой.

- А я его сейчас чувствую, – сказала Астрид соблазнительным тоном, продолжая смотреть в глаза Натаниэля.

Натаниэль и сам почувствовал его в этот момент. А еще, с каждой секундой, он все больше стал ощущать давление тела Астрид. Ее лицо вдруг стало приближаться, и он уже чувствовал ее дыхание на себе. Он хотел сдвинуться с места и прекратить этот, как ему казалось, абсурд. Но он не мог. Он замер в ожидании. Он хотел прочувствовать момент, когда Астрид задержала свое лицо на пару сантиметров от его лица, и спустя несколько секунд лизнула его по губам так быстро и так нежно, словно котик лизнул молочко.

Натаниэль почувствовал что-то небывалое в

этот момент. Словно что-то грандиозное образовалось в его теле, у него в штанах, под свитером, в сосках. Астрид снова лизнула его по губам, и снова, уже медленнее, после чего она задержала прикосновение своих губ, а после приоткрыла рот, стараясь сунуть свой язык в рот Натаниэля. И это было бомбой.

Первые несколько секунд Натаниэль не сопротивлялся, будучи под впечатлением. Он был словно парализован действиями Астрид, и это ему нравилось. Но когда он осознал, что у себя во рту чувствует язык своей лучшей подруги, то тут же включил сознание и отодвинул Астрид от себя, схватив ее за плечи и сомкнув свой рот. Он сбросил ее с себя и соскочил с кровати, сказав:

- Ты чего? Мы же друзья!

Астрид молчала, странно улыбаясь. Натаниэль смотрел на нее и не знал, как сказать, чтобы не обидеть.

- Слушай, Астрид! Ты, конечно, извини, но между нами ничего не может быть! Мы ведь друзья!..

Он не понимал реакции Астрид. Она была безмолвной, а ее лицо не выдавало никаких эмоций, кроме глуповатой улыбки, которая казалась Натаниэлю то ли саркастичной, то ли искренней. Лишь когда Астрид засмеялась в голос, он понял, что на самом деле происходит.

- Смешно тебе... - сказал он, с появившейся улыбкой на лице.

- Видел бы ты себя со стороны! Ты такой смешной, когда серьезный! - говорила она, смеясь. - Разу-

меется, между нами ничего не может быть! У тебя могли быть сомнения?

Напряжение Натаниэля тут же угасло. Он понял весь прикол поступка Астрид и позволил ей налить еще вина, для продолжения их скромного дружеского банкета. Он решил себе позволить напиться до упаду - чего он никогда не делал ранее. Ведь он был с Астрид.

Они разговаривали целый вечер. Их темы для разговоров не кончались, и даже когда они переходили в бред, это никак не смущало обоих. Они чувствовали себя счастливыми, находясь друг с другом. Натаниэль никогда не чувствовал такой дружбы у себя в душе, как сейчас.

Собираясь домой к Вишесам, он даже не хотел уходить, и Астрид его уговаривала остаться. Но обязанности Натаниэля в той семье не могли сдержать его здесь. Он должен был быть дома в эту ночь и последующее утро.

Проснувшись у себя в кровати, Натаниэль первым делом ощутил все последствия пьянки на своем теле. Его голова раскалывалась от боли, и ему так хотелось в туалет, что это настолько отвлекало его оттого, что он голый, что он наплевал на это и в нагом виде устремился сливать в унитаз весь свой прошлый вечер.

Он совершенно не беспокоился об этом. Первое, по настоящему, в его жизни похмелье настолько поглотило его, что он потерял бдительность. Он забыл о Еве Адамс, и даже о том, что нужно закрывать дверь в ванную комнату. И это влекло один из худших мо-

ментов в его новой жизни.

Сабрина, которая и без того точила ножи на Еву Адамс, вдруг проходила мимо. И каково же было ее удивление увидеть няню своего ребенка отливающей стоя. Это было вершиной конфуза. И она пыталась максимально сохранять самообладание. Оказалось, те подозрения, которые таились в ней, вдруг подтвердились фактами. И Натаниэль, повернувшись к ней лицом, был не менее обескуражен.

В этот момент он, наконец-то, понял, что он нагой, что перед ним Сабрина, а он светит своим «хозяйством» чуть ли не перед ее лицом. Он тут же схватил полотенце, дабы прикрыться им. Но спустя несколько секунд он понял, что все это бесполезно. Он смотрел на удивленное, чуть ли не обезумевшее лицо Сабрины, и понимал, что настает его конец, как Евы Адамс в этом доме.

- Вон из моего дома! - произнесла Сабрина, пытаясь сохранять самообладание.

Натаниэль, пытаясь перебороть похмелье, стал ощущать в себе хоть какую-то силу мыслей. Закрепив полотенце на своей талии, и абсолютно не беспокоясь о голой груди, он стал пытаться донести что-либо до агрессивно настроенной Сабрины.

- Я сейчас все объясню! - говорил он.

- Значит, это все правда? - произнесла Сабрина. - Что ты объяснишь, Ева? Или кто ты там на самом деле? Ты же ведь не девушка! Ты гребаный транссексуал!

- Я не транссексуал!

- А кто же? Человек-член с женскими сиськами? – все больше злилась Сабрина. - Да, лицом ты не плохо вышел. Только вот ниже пояса заминка, никак не скроешь такое!

- Пожалуйста, Сабрина, позвольте мне все объяснить!

- Валяй, педик! – Сабрина стала выражаться совершенно грубо, еле сдерживая ярость.

- Да, я обманул вас! Я не девушка! Я – гермафродит! Понимаете?

- Что за чушь?

- Это не чушь! Я гермафродит от природы. Грудь у меня настоящая, и член мой – тоже. Если хотите, убедитесь в этом сами! – сказал Натаниэль, показывая на свою грудь.

Сабрина, с некой предвзятостью, протянула руки и обхватила груди Натаниэля. Подержав их пару секунд, она резко отдернула руки, как бы с отвращением, и отошла, заметно успокоившись и собираясь мыслями. На самом деле она не знала, что думать и как реагировать дальше. Она была сбита с толку, хоть и пыталась выглядеть не возмущенно.

- Но как? И почему ты мне сразу не сказала? – с появляющимся пониманием сказала Сабрина.

- А вы бы взяли меня на работу? Я думаю, что вряд ли!

- Логично.

Ситуация зашла в тупик. С одной стороны Сабрина гневилась на лживость со стороны Натаниэля. С другой стороны она проникалась проблемой этого человека, и даже в чем-то понимала его, но гермафродитизм Евы выглядел для

нее каким-то уродством, не смотря на гуманистическую и педагогическую воспитанность. Она не могла полностью принять тот факт, а Натаниэль в свою очередь понимал Сабрину и ситуацию, сложившуюся между ними. Ему больше нечего было делать здесь, любые слова были излишни. И опустив глаза, он сказал замолчавшей Сабрине:

- Я сама уйду!

- Постой! – сказала Сабрина и перегородила путь Натаниэлю.

- Нет, я все понимаю, миссис Вишес. Я покину ваш дом и не буду вас больше обманывать.

Натаниэль аккуратно отодвинул Сабрину, и прошел в комнату, чтобы собрать свои самые необходимые вещи. Но Сабрина сказала ему вслед, перед тем, как он закрылся в своей комнате:

- Тем не менее, ты отлично справлялась со своими обязанностями... - сказала Сабрина, сделав паузу, и добавив. - Ева!

Спустя десять минут ни Евы, ни Натаниэля уже не было в доме Вишесов.

Этот дом навсегда останется в его душе. Дом Вишесов во многом был для Натаниэля даже ближе, чем ферма Уолкоттов. Семья, которая проживала здесь, всегда вдохновляла его на нечто большее, на то, к чему можно стремиться. Эта семья была образованной, воспитанной, благополучной – такой, которую можно ставить в пример любой другой семье. И Натаниэлю было грустно покидать сей дом. Он знал, что будет скучать по ним. И ему было больно оттого, как он покинул его.

Он шел серым, хму-

рым утром и обещал сам себе, что больше никто и никогда не назовет его обманщиком, по сути, оставаясь волком в овечьей шкуре. Он надеялся, что Астрид его примет, ведь ему больше некуда было идти. Она была единственной, кто знал его настоящего, и это было единственным, что утешало его этим грустным утром. Но он должен был подумать. Он хотел собраться мыслями.

Он присел на лавочку в сквере с двумя большими сумками, с которыми вышел от Вишесов и стал размышлять о своих дальнейших действиях. Он думал о далеком будущем, во все отстраненном от его реальности. И поняв это, он остепенился, начав думать об Астрид. Он думал: «Когда я приду к ней, я расскажу ей абсолютно все! Я не хочу, чтобы она считала меня лжецом!»

И встав с места, Натаниэль устремился к ней, в надежде на то, что застанет ее дома в это субботнее утро. Она долго не открывала дверь, и Натаниэль нервничал, думая, что скоро просверлит дырку в дверном звонке.

- Давай же, Астрид! Открывай, твою мать! – шептал Натаниэль.

И после этих слов дверь открыла бабушка Астрид, которую Натаниэль толком и в лицо то не знал, достаточно часто бывая у нее дома. Он посмотрел в ее старое, но милое лицо и сказал:

- Э-э-эм... Здравствуйте! – вовсе неуверенно, ибо не знал ее имени и как обратиться к ней. - Вы же меня помните?.. – с глупой улыбкой продолжал Ната-

ниэль.

- Астрид! – крикнула та, повернув голову назад. - К тебе подружка пришла!

Через несколько секунд из-за ее спины появилась Астрид со словами:

- Мою подругу зовут Ева! – и быстро убрав бабку со своего пути, прогнав, чтобы та не мешала им.

Астрид окинула Натаниэля не сосредоточенным взглядом и продолжила:

- Привет, моя милая! Что это ты, решила спозанку ко мне явиться?

Но Натаниэль ничего не ответил. Он пытался понять настроение Астрид, которая показалась ему хмурой. Она же в свою очередь сосредоточила свои, почерневшие от трехдневного несмытого макияжа, глаза, и увидела у него в руках здоровенные пакеты, показавшиеся ей весьма тяжелыми. Она посмотрела в грустные глаза Натаниэля и сказала:

- А что случилось?

- Вишесы все узнали, – ответил Натаниэль.

- Какой ужас! Ты проходи, чего стоишь!

Астрид тут же впустила Натаниэля в свою обитель. Она поняла, что ему некуда идти. Как всегда, она не могла не цапнуться с бабулей, после чего Натаниэль спросил у нее, когда поставил свои сумки и сел на кровать:

- Почему ты так с ней?

- Проехали, – махнула рукой Астрид, добавив. - Ты лучше расскажи, что с тобой!

- Вишесы узнали, что я андрогин.

- Это ты им так ска-

зал?

- Нет, Сабрина сама увидела. Я сказал ей, что я – гермафродит.

- И это ее взбесило?

- Не то, чтобы взбесило...

Натаниэль опустил голову, он выглядел погруженным в мысли. И Астрид, присев рядом, спросила:

- Что такое?

- Понимаешь, Астрид! У меня такое ощущение, что я обманщик! Что я лжец! Ты как думаешь?

- Эй, ты чего? Ты не обманщик! Если ты об этом, то ты же мне все рассказал! Со мною ты честен! Не так ли?

- Помнишь, ты спрашивала меня о моей матери?

- Да, а что? – взгляд Астрид стал более встревоженным.

- Так вот, я хочу тебе рассказать, кто была моя мать. Я не хочу скрывать от тебя что-либо.

- Ты уверен, что хочешь мне рассказать об этом?

Натаниэль кивнул головой, тяжело вздохнул и начал:

- Моя мать – всемирно известная супермодель Синди Уолкотт, а я ни кто иной, как Натаниэль Уолкотт, тот самый.

Лицо Астрид застыло от изумления и единственное, что она могла сказать, так это:

- Ни хрена себе!

Натаниэль глянул на нее и увидел изумление в ее глазах. Астрид, пытаясь сдерживать свое удивление, переспросила:

- Синди Уолкотт? Та самая?

- Та самая. Вот ви-

дишь, ты так же, как и все знаешь, кто это такая.

- Почему ты не говоришь об этом людям?

- Потому что так надо. Никто не должен знать этого! Слышишь? Никто! Я поделился с тобой сокровенным.

- Хорошо. Я – могола.

- Я не хочу глупого внимания к себе. Натаниэль Уолкотт – это никто! Это ребенок, брошенный на пороге детского приюта. Ева Адамс – вот кто достоин внимания людей!

В Натаниэле проснулись эмоции. Он стал говорить, не сдерживаясь, а его слезы стали накапливаться болью. Астрид обняла его, пытаясь успокоить.

- Хорошо. Тихо, успокойся! Я все поняла! Не плачь, мой милый андрогин! Все будет так, как ты захочешь!

- Я должен стать таким же, как она! – говорил Натаниэль, плача в плечо Астрид. - Только это не должен быть Натаниэль! Мне нужна Ева Адамс!

- Почему?

- Я не хочу, чтобы люди думали, что я добился чего-то благодаря своей матери. «Посмотрите! Это же сын Синди Уолкотт!». Это не та слава, которой я хочу! Я хочу сковать себя самого собственными руками, без лишней помощи и веры!

Астрид одновременно восхищалась и опасалась за друга. Она оторвала его от своего плеча и, обхватив его лицо ладонями, стала вытирать слезы на его щеках. Заглянув ему в глаза, она сказала:

- Послушай, Натаниэль! Ты в праве сам решать,

что говорить, а что утаить от общества. Но коль ты стал говорить обо всем мне, так выговоришься сполна! Тебе потом легче станет, уверяю! Я твоя лучшая подруга! Ты и сам об этом знаешь!

Натаниэль кивнул и, втянув в себя сопли и слезы, решил раскрыть хоть что-то о своей матери, кроме как имени.

- Синди усыновила меня, когда мне было шесть лет. Я сразу воспринял ее как свою родную мать. И любил только ее. Больше никого так не любил. И люблю поныне. Она идеальна. Я не видел человека, о котором я скажу нечто подобное. А еще, когда мне исполнилось десять лет, она мне подарила вот этого ангела, в честь которого меня назвали в приюте. Я никогда не снимаю его. Это лучший подарок в моей жизни. Синди любила меня. И пусть кто-то говорит обратное, я никогда этому не поверю. Я знаю, как оно было и есть на самом деле.

Натаниэль снова прослезился. Астрид сказала:

- И тебе никогда не было интересно, кто твои настоящие родители?

- Нет. Зачем мне знать людей, бросивших меня на произвол судьбы?

- Логично.

- Синди была не такая.

Между ними всплыла пауза. У Астрид зудела одна фраза в голове, которая не давала ей покоя, и которая заставила ее пожалеть о сказанном:

- Знаешь, я не особый знаток моды. Возможно, я видела твою мать по

телевизору не более двух раз. И там говорили нечто такое, я не знаю, знаешь ли ты об этом...

- О чем?

- Там говорили, что твоя мать скончалась от передозировки наркотиками.

- Ложь! – резко вскрикнул Натаниэль. - Никто не знает правды! Я там был! Я знаю правду! – он выглядел словно обезумевший. - Никто не знает правды! Никто не знает правды! Никто...

- Тихо, тихо! Успокойся! – схватила его в объятия Астрид. - Я же не настаиваю! Тебе виднее, друг мой!

- Ты не знаешь, как это – зайти в комнату матери и обнаружить ее мертвой! – начиная рыдать в плечо Астрид, говорил Натаниэль.

Астрид нечего было сказать. Она боялась сказать лишнего. Натаниэль совсем расклеился. Перед его глазами всплыла былая картина, и он пытался забыть об этом, хоть как-то удалиться, придумать что-то новое в своей голове.

- Она умерла не от наркотиков! Ее не могли убить наркотики! – более тихим тоном, стал говорить Натаниэль.

Он знал, что врет себе. Но это нравилось ему больше. Он перечил сам себе, пытаясь казаться честным. И он не знал, как понимать все это. Он вовсе потерял контроль над своими мыслями. Кто сейчас управляет ими? Ангел во плоти Натаниэль, или амбициозная Ева? Что происходит с ним? Где границы всех эмоций? Он не понимал себя. И сдавшись своему сознанию, он стал говорить, абсолютно

не задумываясь:

- Почему она так редко со мною находилась? Разве сложно было быть рядом со мной? Или быть может, она не хотела? Чем я ей не угодил? Почему она была такой холодной? Я всегда старался угодить ей, и до сих пор... Я так хочу стать таким же, как она!..

У Натаниэля снова покатались слезы. Астрид никогда не видела его таким. Но она пыталась быть хорошим психологом и лучшим другом для него. Она сказала, глядя его плечи:

- Все будет хорошо! Вот увидишь!

Натаниэль, втягивая в себя сопли, вдруг резко успокоился. Его взгляд стал задумчивым, но, не отпуская Астрид, он сказал:

- Когда Синди была жива, то все говорили о ней: «Синди Уолкотт не плачет». Это было что-то вроде ее девиза.

После этого он отпустил Астрид. Он встал с кровати и подошел к окну, рассматривая что-то за ним, будто что-то обдумывая. Астрид сидела не подвижно и молча следила за ним. Натаниэль простоял так около минуты, после чего повернул голову в сторону Астрид и посмотрел на нее загоревшимся взглядом. Теперь эти глаза не блестели от слез, они блестели от вдохновения. И Астрид заметила это. Натаниэль улыбнулся ей и сказал:

- Больше никогда не называй меня Натаниэлем!

Астрид улыбнулась ему в ответ и сказала:

- Как пожелаешь, Ева!

Автор: Роттен Морган

Мой милый Хью

-Раздвоение личности. Звучит страшно, не правда ли, Хью? Представь, мой милый, любимый Хью, с длинными пальцами, которые с такой уверенностью играли Бетховена на нашем с тобой старом фортепиано, пыльном, так много повидавшем. Я заметила, что оно было расстроено, но тебе, мой Энштейн, я ничего не сказала. Я помню, как ты водил пальцами по клавиатуре, быстро и идеально, и я тайно завидовала, и мечтала уметь так же играть. Фортепиано тоже утонуло в тумане, как и мы, Хью. Как мы с тобой, мой любимый. А я... Я отлично помню: я тогда сидела на крышке фортепиано, в черном платье, подчеркивающим мою красивую, но на тот момент немного полную фигуру, а рядом был букет искусственных цветов, которые ты купил накануне. Я пила глотками красное вино, заливаясь громким смехом. В этот момент я чувствовала себя девушкой, о которых пишут книги, Хью. О, любимый мой Хью. С короткими, черными волосами цвета вороньего крыла. Любимый, глупый, но всегда понимающий и поддерживающий Хью. Ты утонул в тумане, любимый. Как и я. Наверно, ты избавился от страданий, но я однозначно нет, Хью. Я как представляю, что больше нико-

гда не услышу твой мягкий, теплый голос, льющийся, словно горячий шоколад, который я так любила пить с тобой, лежа на мягком, белом ковре, перед камином, так мне становится плохо. Я просто не могу жить без твоих карих глаз. Я в них просто утопаю. И твои белые, длинные руки, такие холодные, но очень нежные... И твои узкие, рваные джинсы, которые ты носил постоянно... Они отлично подчеркивали твои стройные ноги, но ты выглядел в них как гей, сладкий. Даже сейчас, когда ты мертв, я до сих пор так считаю, мой мальчик. Но только я вспомню твои теплые, сладкие поцелуи... О Боже мой, я задыхаюсь от боли, когда понимаю, что больше никогда тебя не увижу. Я захлебываюсь в собственной крови, и мне словно вырывают сердца из груди, любимый. Я без тебя чувствую себя разорванной на две половины, как кусок мяса в зубах ободранной, худой собаки. Дорогой, я знаю, что ты устал от того, что я все время плачу, и тебе это не нравится, но я хочу опять плакать... Любимый, представь себе, просто представь, как мне плохо, когда ОН, нет, не он, ОНА, нет, даже не так... ОНО преобладает мной, и я не могу ничего поделать, о, Хью... Оно - вот мой угарный

дым, мой туман, окутывающий жизнь целиком, и я, словно ежик в тумане, не могу найти выход, и вот, я кричу "Лошадка!", нет, я кричу "Хью!", в попытке найти тебя хотя бы в воображении, хотя бы во сне, хотя бы там, где тебя нет и не может быть, просто чтобы попрощаться, - просто, чтобы сказать три простых, коротких, глупых и недолговечных, но очень важных для меня слова: "Я люблю тебя"... Но всегда и всюду, все, что отвечает на мой крик - это холодное эхо... И я... я не могу ничего с этим поделать, мой любимый Хью. Я не могу победить себя. Я вижу победу только в самоубийстве, для меня даже ад будет отрадой, но как только я набираю теплую ванну, хватаю кухонный нож, и подношу лезвие к руке, - я сразу отрубаясь, а проснувшись, вижу бездыханное тело моего кота, из которого я, под руководством Оно вытащила кишки, или моей подруги, или моего друга... Такого друга как ты, Хью. Хью... сегодня я сбежала из лечебницы. Опять. Ты мной недоволен, я это знаю. Ты недоволен тем, что я вновь сбежала, ведь меня все равно в любом случае поймут, но, понимаешь, я должна была прийти к тебе, и убедиться в том, что ты все еще здесь. Хотя, куда ты денешься, зарытый в землю, закры-

тый в деревянный ящик, тем более... мертвый. Но ведь, мой милый, мы оба уже давно знаем, что смерть - это совсем не проблема, Хью... и я бежала к тебе, сюда, через лес, потому что не нашла другого выхода. Я стерла ноги в кровь. Пока я бежала по лесу, я падала, царапаясь, наступая на шприцы, битые стекла, но мне было плевать, и сейчас, любимый, плевать, потому что я больше не чувствую физической боли. Моральная боль стала настолько сильной, что я уже не чувствую физической. Глупые восьмиклассницы режут вены, чтобы заглушить душевную боль, и у них получается... О, Хью... Получилось бы это у меня... Я бы занялась вопросами о самоубийстве и самоистязании, но мне важнее придти на твою могилу, увидеть хотя бы твоё фото на надгробной плите, хоть я его и не вижу, потому что сейчас очень темно, но я знаю, что оно там есть. Слушай, Хью... Ты знаешь... Психотерапевты и доктора не понимают, против чего борются. Это понимаю только я, Хью. Но меня не слушают, потому что я - всего лишь сумасшедшая убийца из дурки. Когда я только попала туда, как раз после того, как убила тебя, я пыталась объясниться санитарам, но они вкалывали мне какую-то гадкую жидкость, после чего я засыпала, а просыпалась в обитой войлоком палате, в смиренной рубашке, и я рыдала. Милый, мне кажется, нет, я знаю, что Оно нельзя вытравить таблетками и

ядами, потому что Оно уже проникло вглубь моего сознания, и Оно превратило полушария моего мозга в туман. Мне поставили диагноз раздвоение личности, и вместе с этим меня старательно лечат от анорексии. Ха, попробуй ты поесть, когда что-то внутри тебя убивает всех твоих друзей, знакомых и просто прохожих. Никакая крупинка в горло не пройдет. А еще эта больничная рубашка... Слушай, Хью, она просто отвратительна... Как раз мне под стать.

Любимый, я хочу оправдаться перед тобой. Я не виновна в том, что убила тебя. Виной Оно и туман, что жил в моей голове, и живет сейчас, но сейчас он не только в голове... Он... Везде... Любимый, твоя вина лишь в том, что ты, как и все, говорил, что это всего лишь болезнь, и что она лечится. Оно было недовольно. Вот поэтому ты сейчас и здесь. О-о, я помню, что происходило в тот день. Я очень хорошо помню, любимый. Я помню, как я вновь решила закончить со своей жизнью, и на этот раз я знала, просто знала, что у меня все получится. Я схватила острую бритву, разделась, напустила теплую ванну, и уже собиралась залезть в нее, как вдруг остановилась, увидев себя в зеркале. Я стала рассматривать свое отражение, и увидела совершенно не ту девушку, которой я была раньше, год назад. Длинные, светлые волосы потемнели, стали каштаново-седыми. Половина волос выпали.

Они выпадали прямо на глазах из-за моего голодания. Я просто не могла есть, и до сих пор не могу, любимый. Любимый... Мое лицо стало совершенно не таким, как раньше. Раньше я была красивой, аккуратной девушкой, которая на улицу без косметики не выходила вообще. Сейчас... мне уже слишком пофиг... Сейчас у меня на лице куча красных прыщей, брови, которые страшно заросли, каштановые, и огромные. Маленькие, туманные глаза с отсутствием ресниц, сине-серые синяки под глазами на половину лица. Впалые щеки, скулы, бледное лицо, длинная шея, как у жирафа, спина в форме вопросительного знака с торчащим позвоночником... Боже, это так уродливо. Торчащие ключицы неправильной формы, что, опять же, лично по моему, полная гадость. Современные стандарты красоты никогда меня не устраивали, любимый. Плоский живот, настолько плоский, что я даже не могу придумать сравнение. Ха, любимый. Если бы я перестала шутить, я бы, наверное, сошла с ума. Торчащие ребра. Длинные ноги, словно палочки, все в растяжках и торчащих венах. Вместо груди два прыщика. Дорогой Хью, я отвратительна. Я плюнула в свое отражение, и залезла в теплую ванну. Вода ласкала. Я закрыла глаза, и представила, как мое бездыханное тело с перерезанными венами найдут в красной воде. Я представила, как ты ворвешься в мою ванную,

подбежишь к моему бездыханному телу, прижмешь меня к себе, и заплачешь, смотря на мою изрезанную руку. Я представила, что ты будешь кричать, что этого не могло случиться, и не должно было, и будешь прижимать меня к себе все сильнее и сильнее... Отбросив все эти мысли, я открыла глаза, и дотронулась до своих волос. Провела по ним правой рукой, и в тот же миг я увидела в своей руке клочок волос. Вырвать их совсем несложно - сложно опять их вырастить. Я и не пыталась. Я поднесла бритву к руке, и вдруг мои пальцы расслабились, не по моей воле, и бритва с громким "плюх" упала в воду. Оно снова завладело моим телом, а я снова потеряла контроль над собой, как бывает достаточно часто. Я понимала, что происходит, но не могла себя контролировать... Как будто.... Как будто я марионетка. Как будто вмиг я онемела, и мной управлял некий кукловод. О Боже мой, как хорошо было бы, если бы мной действительно управлял кукловод, и все это было лишь игрой, лишь театром, о, Хью... И после всего этого мы бы вышли на сцену и поклонились залу, а нам аплодировали, как очень реалистичным куклам... Хью... Ты должен понять, что я не управляла собой. Когда подобное происходит, я не могу себя контролировать. Единственное, что я могу сделать: это плакать, что я, собственно говоря, и делала. Будучи под управлением Оно, я вышла из ванной

комнаты. Из единственных сил я цеплялась за все вещи, которые только были в квартире. Роняла все на своем пути: еду, воду, цветы, посуду. Я пыталась каким-то образом навредить себе, пыталась поцарапать о осколки упавшей посуды, но Оно пересиливало меня. Я, под его руководством, нацепила на себя платье, черное, в белую крапинку, как сейчас помню. Следующее воспоминание - я, совершенно босая, выбегаю из своей квартиры. Я бежала по улице, не понимая, куда Оно ведет меня. Я даже не поняла, почему я не отключилась, как бывало обычно. Я поняла буквально сегодня, что Оно просто хотело поиздеваться надо мной... Я бежала глубокой ночью по улице, кричала, из последних сил хваталась за кирпичные стены, пыталась поцарапать о них запястья... Поцарапать удалось, и это было больно, но не смертельно... Вот они - порезы... Они красные и гадкие, Хью. Мне это не нравится. Я просто не могу выбраться из тумана, в который Оно превратило мою жизнь... просто у меня больше нет сил... я хочу упасть и плакать, Хью, я... я... я просто больше не могу. Да и Хью... если я расскажу тебе, мертвому, все это, что-нибудь изменится? Нет. Я знаю, что нет, но пытаюсь убедить саму себя, что это все придаст мне хотя бы еще немного сил, любимый... Я так устала... Мне больно возвращаться в тот день. Но, если ты меня слышишь, я должна рассказать тебе все. Я просто

должна, пока меня не нашли санитары из больницы, и не усыпили меня, как обычно. Может... может, они сделают мне лоботомию. Честно сказать, лоботомия будет для меня как сладкая конфетка. И, вернувшись к тому дню, милый, я не могу точно сказать, когда поняла, что Оно ведет меня именно к тебе. Наверное, я поняла все почти сразу, но отказывалась это принимать, ведь только ты, ты один держал меня на этом свете... Ты до сих пор пытаешься это делать, но выходит так, что ты просто зовешь меня к себе, любовь моя. И... Когда я стояла у подъезда, я рыдала и кричала. Я не могла говорить, но про себя я просила, чтобы Оно отстало от меня. Я сказала, что я убью кого угодно, хоть президента, только пусть Оно не заставляет меня убивать тебя, Хью... Оно нажало на кнопку вызова в домофоне. Сказало от моего лица, что мне плохо, и что мне надо к тебе... ты открыл дверь, и я прошла внутрь. В коридоре пахло сыростью и мочой. Я помню, как сильно мне показалось это отвратительным, и как я изо всех сил попыталась заткнуться себе нос. Дальше... дальше я вызвала лифт. Он приехал почти сразу. Я вошла в него, и поняла, что если я сейчас что-то не сделаю, ты погибнешь. Лифт открылся. Войдя в него, я изо всех сил стала билась о стены, бегать и прыгать, пытаясь сделать так, чтобы он сломался, остановился, упал, но у меня не получилось... Как будто все во-

круг сговорилось против меня. На момент лифт остановился, и я подумала, что у меня получилось сломать его, но спустя пару минут он все-таки открылся, и я вышла на твоём этаже... Ты открыл дверь в свою квартиру, будучи в одних трусах. Ты был идеален. Плоский живот, просто идеальный, пресс с кубиками, ты был как какой-нибудь голливудский актер, любимый... Но ты слишком поздно увидел бритву у меня в руках... Я перерезала тебе горло. Прости меня. Не вини меня, пожалуйста, ведь я правда не виновата во всем этом... Я поняла, что я снова начинаю контролировать свои движения, уже полностью. Тогда я взяла телефон, и позвонила в полицию. Мне ответила девушка с очень противным голосом. Еще мне показалось, что она жевала жвачку, но это не так важно. Я сказала, что я убила человека. После того, как я произнесла эти слова, мне показалось, что эта девушка сказала еще что-то, но я взяла телефон в руки, и швырнула его о стену. Я зарыдала, захлебываясь в слезах. Я кричала, и тихо, еле-еле, шептала "Отче наш", единственную молитву, которую я знала. Потом я поняла, что не могу больше держаться на ногах. Я упала, и больно ударилась рукой, но мне это было, собственно говоря, все равно. Я просто подползла к тебе, и обняла твоё тело ногами и руками. Я так лежала и плакала до самого приезда полиции... а потом меня забрали в

психушку.

Я так люблю тебя, Хью. Без тебя моя жизнь ломается на тысячи осколков. Без тебя мне страшно, любимый. С тобой я не боялась ничего, но теперь я боюсь всего, что меня окружает... Хью... Мне так страшно. Пожалуйста, дай мне знак, что ты меня слышишь. Я хочу победить Оно. Я хочу жить нормальной жизнью. Пожалуйста, помоги мне, Хью... Я умоляю тебя. Я тону в этой боли... Мне страшно, Хью, мне просто страшно. Я не могу жить без твоих губ, мягких, сладких, ароматных... Я так хочу опять тебя поцеловать. Хотя бы в последний раз. Хью, мне так плохо, от того, что я с тобой так и не попрощалась... Я не сказала и половину всего, что хотела тебе сказать, любимый. Я разрушена. Мне больно и страшно, Хью. И я не вижу выхода из тумана. Он охватил мою жизнь. Я сделала все что могла. Я не могу плакать, потому что тогда мне будет еще хуже, но ты знаешь... Знаешь, я просто больше не могу. Кажется, сюда идут.

***

Газета "Люстерн",
выпуск за 21 мая 1938 года

Серийная убийца
Мэри Кэролайн Блерн с
диссоциативным расстройством
личности сбежала из
психиатрической больницы

Пациентка 141 областной
психиатрической больницы,
серийная убийца Мэри Кэролайн
Блерн, страдающая от диссоциативного
расстройства личности, сбежала из психиат-

рической больницы в неизвестном направлении, предварительно убив четырех сотрудников больницы, которые собирались прооперировать девушку.

"В ночь с 16 на 17 мая наша пациентка Мэри Кэролайн Блерн опять сбежала и опять была найдена у могилы её молодого человека, убитого ею же несколько месяцев назад. Нами было решено сделать ей лоботомию и как можно скорее, так как она представляла опасность для общества. Операция была назначена на 19 мая. Когда Блерн была доставлена в операционную, она выхватила у оперирующего врача скальпель и перерезала ему горло. Так же ей были убиты второй оперирующий врач и две медсестры. Были прочесаны окрестности больницы, и места куда чаще всего сбежала девушка, но она так и не была найдена." - рассказывает нам директор областной психиатрической больницы 141, Линда Смит.

Отличительными признаками Мэри Кэролайн Блерн являются:

Нездоровая худоба
Низкий рост
Короткие каштановые волосы

Шрам на правой щеке

Изрезанные руки и ноги

Если вы располагаете какой либо информацией об этой девушке, немедленно сообщите полиции.

Автор: Саша Осипова

Над номером работали:

Александр Маяков—главный редактор

Надежда Леоничева—старший редактор

Расима Ахмедова—редактор

Элина Ким—редактор-корректор

2016

На фото: Оксана Ткаченко